МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Сборник научных статей

Выпуск 2

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2026

УДК 81'1.001
ББК 81я43
Ж714

Редакционная коллегия:
доц. *С.А.Чуриков* (главный редактор),
проф. *Л.М. Кольцова* (заместитель главного редактора),
доц. *Т.Н.Голицына* (отвественный секретарь), доц. *Т.В.Ильина*

Рецензенты:
д-р филол. наук, проф. *Е.А. Алексеева,* канд. филол. наук *В.Н. Картавцев*

Жизнь современной русистики : сборник научных статей / Ж714 науч. ред. – С.А.Чуриков ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2026. – Вып. 2. – 202 с.
ISBN 978-5-9273-4585-4

В настоящий выпуск вошли работы, посвящённые актуальным проблемам грамматики русского языка и изучению особенностей текстов разных стилей и жанров. Большинство статей подготовлено авторами на основе докладов, представленных на Международной научной конференции «Предложение. Высказывание. Текст», состоявшейся 19–20 марта 2026 года и посвященной памяти выдающихся отечественных языковедов Галины Александровны Золотовой и Игоря Павловича Распопова. Издание адресовано широкому кругу филологов: преподавателям, учителям, студентам и всем, кого интересуют проблемы науки о русском языке.

УДК 81'1.001
ББК 81я43

© Коллектив авторов, 2026
© Воронежский государственный университет, 2026
© Оформление. Издательский дом ВГУ, 2026

ISBN 978-5-9273-4585-4

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии ……5
В.П. Казаков. Имя прилагательное на шкале предикативности……...……7
Л.М. Кольцова, Е.М. Чигирева. Синтаксический арсенал «Ледяной тетради» А.В. Рубанова…….……17
М.Ю. Сидорова. О синтаксических правилах и их типологии …….……33
Т.Н. Волынец. Микросистемы значений падежных граммем в лирике О.Э. Мандельштама…….……..……..47
К.М. Шилихина. Синтаксическая, прагматическая и когнитивная природа метакоммуникации…….……..……63
Ю.А. Южакова. Простые предложения с подчинительным союзом – дефектные структуры, средство речевой выразительности или что-то еще?...76
Л.В. Рыбачева. И.П. Распопов о «системе синтаксиса и синтаксической системе языка»……86
А.П. Бабушкин. Мысленное редактирование амфиболии……..……95
Т.Н. Голицына. Грамматические особенности кратких рассказов И.А.Бунина……..……..100
В.К. Голубева. Параметризация изосемических – неизосемических средств в адвербиальной сфере русского языка……..……106
Т.В.Ильина. Оптимизация синтаксической структуры в пользовательских интерфейсах…….……118
А.А.Клементьева. Субъектно-предикатные структуры как инструмент репрезентации философской позиции……129
О.А. Починяева. Сопоставительный анализ разделительных конструкций с союзами *не то… не то* и *то ли… то ли*: семантика и стилистика.……139
Ю.В. Роговнева. Союзы и союзные слова в описаниях одежды на маркетплейсах: типы и функции……152

Е.В. Сидорова. Структурно-семантические особенности функтивных предложений……..…….161
О.А. Швецова. Обучение выделению грамматической основы предложения в школе: основные проблемы и пути их решения……..172
К. А. Еникеева. Взаимодействие единиц разных языковых уровней в тексте стихотворений в прозе И.С.Тургенева…….181
В.К. Кириленко. О целевых релятивах в современном русском языке…….190
Правила для авторов…….……..…198

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Вниманию читателей предлагается второй выпуск продолжающегося научного издания **«Жизнь современной русистики»**, которое начало публиковаться кафедрой русского языка Воронежского государственного университета в 2025 году. Это издание является продолжением серии из десяти сборников научных статей, выпускавшихся в течение последних 25 лет с большими или меньшими перерывами по итогам регулярно проводимой воронежскими русистами конференции **«Распоповские чтения»** в память о выдающемся отечественном языковеде **Игоре Павловиче Распопове.**

Большая часть статей настоящего выпуска написана авторами на основе докладов, представленных на Международной научной конференции «Предложение. Высказывание. Текст» (Чтения памяти Г.А. Золотовой и И.П. Распопова), организованной кафедрами русского языка филологических факультетов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Воронежского государственного университета и состоявшейся 19-20 марта 2026 года.

Тематика статей, представленных в сборнике, отражает основные направления работы состоявшейся конференции:

- типология русского предложения;
- классификация синтаксических связей и отношений;
- традиционные и современные интерпретации служебных слов;
- коммуникативная перспектива высказывания;
- деформированные синтаксические структуры;
- грамматические категории в художественном тексте;
- грамматические аспекты описания идиостиля;
- поэтический синтаксис;

– текст как композиция коммуникативных регистров;
– пунктуация художественного текста;
– активные процессы в области синтаксиса русского языка.

Полагаем, что настоящий выпуск будет интересен языковедам, преподавателям и учителям русского языка, а также аспирантам и студентам филологических факультетов.

В. П. Казаков

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ НА ШКАЛЕ ПРЕДИКАТИВНОСТИ

Аннотация. Сопоставление конструкций с атрибутивными и предикативными отношениями проводится на основе градуального подхода к предикативности. Конструкции с прилагательными и адъективными оборотами локализуются на условной шкале предикативности с учетом особенностей проявления в них синтаксических отношений предложенческого уровня. Предложения с составным именным сказуемым с отвлеченной связкой и субстантивно-адъективные словосочетания выступают при этом в качестве полярных точек указанной шкалы. При рассмотрении полупредикативных конструкций учитывается предложенное И. П. Распоповым разграничение обособления, осуществляемого в специальных коммуникативных целях, и обособления, сопровождающего и поддерживающего связь определений с другими членами предложения. Обращается внимание на трудные случаи квалификации синтаксической функции прилагательных с позиций традиционного учения о членах предложения. Учитываются так называемые «спящие» предикаты. Охарактеризованы условиях их актуализации в контексте. Дифференциация анализируемых конструкций обнаруживает связь с особенностями их семантической организации.

Ключевые слова: синтаксис, предикативность, полупредикативность, атрибут, предикат.

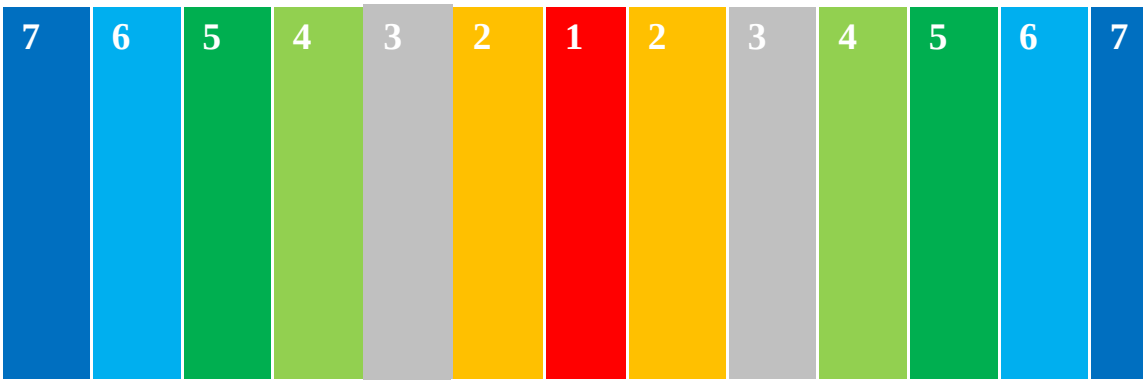
Статья посвящена особенностям синтаксического функционирования прилагательных в полной форме. Приведенные наблюдения являются своего рода откликом на выступление М. Ю. Сидоровой, ученицы Г. А. Золотовой, одного из авторов «Коммуникативной грамматики русского языка», на Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой, которая состоялась в Санкт-Петербургском государственном университете в 2025 году. М. Ю. Сидорова расположила субстантивные синтаксемы на условной шкале предикативности: от позиции предиката (*Он был без шапки*) (максимальный показатель предикативности) до

непредикативного распространителя, напр., *Поросенок с хреном* (название рецепта).

Мы попытаемся расположить на аналогичной шкале прилагательные в полной форме, точнее, различные контексты их функционирования, в качестве компонента словосочетания и предложения. Крайними точками этой шкалы будем считать словосочетание с определительными отношениями, где прилагательное – зависимый компонент, с одной стороны, и прилагательное в роли именной части составного именного сказуемого с отвлеченной связкой, с другой стороны. Ср.: *интересная книга – Эта книга интересная*. Иначе говоря, определительные отношения, с одной стороны, предикативные отношения, с другой стороны. Не касаясь истории разработки понятия предикативности, вспомним, что в «Грамматике русского языка» 1954 г. В. В. Виноградов разграничил словосочетание и предложение и охарактеризовал предикативность как один из основных (наряду с интонацией сообщения) грамматических признаков предложения [Грамматика русского языка, 1954: 76-83]. В то же время В. В. Виноградов отмечал, что некоторые извлеченные из предложения сочетания слов, не представляющие собой грамматическую основу и даже внешне похожие на словосочетание, не могут быть отнесены к словосочетаниям. Напр.: *А мерзавцы просто наследуют имущество покойного и продолжают жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь удобную…* (М. Горький) (пример В. В. Виноградова) [Грамматика русского языка, 1954: 12]. В приведенном примере сочетание *жизнь теплая*, в отличие от словосочетания *теплая жизнь*, не может, по мнению ученого, считаться словосочетанием, поскольку в нем в данном контексте проявляются отношения, связанные с выражением утверждения.

На условной шкале предикативности мы выделим центр, ближнюю периферию и дальнюю периферию (см. рис. 1).

Рис. 1. Шкала предикативности (имя прилагательное)



В центре, как указывалось выше, располагаются прилагательные, выполняющие роль именной части сказуемого при отвлеченной связке (зона 1). Напр.: *Ночь была холодная*. Такой же степенью предикативности будут характеризоваться прилагательные, входящие в цельные словосочетания, образующие именную часть сказуемого. Напр.: *Он был веселым человеком*. Прилагательное в этом случае входит в состав грамматической основы предложения (см., напр.: [Бабайцева, 1988: 62]), так как «оказывается семантически главным словом, а существительное – категориально семантической подпоркой» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998: 88].

К рассмотренным случаям примыкают прилагательные в сказуемом с полузнаменательными связками *оказаться, считаться* и т.п. Напр.: *Машина оказалась неисправной* (зона 2). Здесь связка вербализует значение оценки, которая «дается с точки зрения г о в о р я щ е г о [разрядка автора. – В. К.], со стороны» [Лекант, 2004: 88].

Предложения со знаменательной связкой располагаются на ближней периферии (в «серой зоне») предикативности (зона 3). Напр.: *Отец вернулся с работы усталый*. В учебной литературе оговаривается условность рассмотрения в качестве связки полнозначных глаголов со значением состояния и движения (*вернуться, стоять, лежать* и т.п.) (см., напр.: [Валгина,

2003: 100]). Представлена также точка зрения, в соответствии с которой полнозначные глаголы указанного типа в конструкциях с именными частями связками не являются [Лекант, 2004: 90]. М. А. Шелякин рассматривает прилагательные в данных конструкциях в качестве вторичного сказуемого в предложениях с двойным сказуемым: «Двойное сказуемое – это сочетание двух сказуемых – первичного и вторичного, которое одновременно относится к субъекту или дополнению (объекту) предложения и первичному сказуемому, обозначая сопровождающие или последующие признаки, действия, состояния по отношению к действию (состоянию) первичного сказуемого» [Шелякин, 2000: 233]. Напр.: *Он приехал домой усталый* (пример М. А. Шелякина). Указанная трактовка переводит соответствующие прилагательные из «серой» зоны предикативности ближе к центру, поскольку речь будет идти о грамматической основе предложения.

На ближней периферии шкалы предикативности располагаются также конструкции с авторизованным способом построения высказывания (зона 4). Ср.: *Статья полезная. – Он считает статью полезной* (см. [Золотова, 1973: 263-278]). Г. А. Золотова определяет прилагательное в авторизованных конструкциях как полупредикативный осложнитель предложения [Золотова, 1988: 238]; если оставаться в рамках традиционной теории членов предложения, речь может идти о синтаксической функции предикативного определения [Лекант, 2004: 195].

На периферии шкалы предикативности располагаются прилагательные, которые не входят в состав грамматической основы предложения и не являются компонентом авторизуемой модели, однако имеют значение добавочного сообщения (выполняют полупредикативную функцию). А. Ф. Прияткина замечает, что «полупредикативность соединяет в себе два противопоставленных типа отношений – атрибутивное и предикативное, но не совпадает ни с тем, ни с другим. Подобно атрибутивному, она отражает

связь предмета с его признаком, но, в отличие от атрибутивного, признак приписывается предмету в акте коммуникации, т. е. это отношение, которое устанавливается говорящим, а не принимается им как данное» [Прияткина, 1990: 22]. Примечательно сравнение полупредикативного члена со сказуемым, включенным в предложение на правах второстепенного члена [Прияткина, 1990: 22]. Напр.: *Я взял в библиотеке книги, необходимые мне для работы*.

И. П. Распопов показал неоднородность явлений, которые принято объединять понятием обособления [Распопов, Ломов, 1984: 255-265]. В частности, он разграничил обособление, осуществляемое в специальных коммуникативных целях, и обособление, осуществляемое не только в коммуникативных, но и в конструктивных целях. Ср.:

1. *Грибники, усталые от длительной ходьбы, вышли на поляну*.

2. *Грибники, усталые от длительной ходьбы, присели отдохнуть*.

Во втором примере, в отличие от первого, помимо определительных отношений (*какие грибники?*) проявляются обстоятельственные отношения (*Присели отдохнуть по какой причине?*). В. В. Виноградов писал об «обстоятельственных определениях» [Грамматика русского языка, 1954: 95], И. П. Распопов акцентировал внимание на конструктивном осложнении предложения, так как в подобных случаях благодаря обособлению реализуется двойная синтаксическая связь определений (как с определяемым словом, так и со сказуемым).

С учетом указанных различий мы разместим прилагательные (и адъективные обороты), обособление которых приводит к различным последствиям, на разных, хотя и смежных участках шкалы предикативности, а именно: подобные примеру 1 (см. выше) ближе к центральной зоне (зона 5), подобные примеру 2 – примыкающие к ним, но располагающиеся в следующей, более отдаленной от центра, зоне (зона 6).

И. П. Распопов обратил внимание на конструктивную неоднородность обособленных членов, но и исследования по семантическому синтаксису подтверждают, на наш взгляд, правомерность выводов ученого. Обстоятельственные отношения в предложении с обособленными определениями свидетельствуют о наличии в семантической структуре предложения логических пропозиций (о логических пропозициях см. [Шмелева, 1988: 12]), которые отражают результаты мыслительной деятельности (в частности, установление причинно-следственных отношений между ситуациями). Логическая пропозиция в конструкции с обособленным определением (*Грибники, усталые от длительной ходьбы, присели отдохнуть*) не эксплицирована, но семантическая организация предложения усложняется, что позволяет нам определить для прилагательных в соответствующих контекстах более периферийное место на шкале предикативности по сравнению с прилагательными, обособление которых, как писал И. П. Распопов, осуществляется только в коммуникативных целях.

Обособление определений связано с их полупредикативностью, однако «пробуждение» предикативности может наблюдаться и при отсутствии пунктуационного выделения прилагательного. Так, А. Ф. Прияткина исходит из того, что качественное прилагательное как таковое является «спящим» предикатом, в котором потенциальная предикативность пробуждается в тех случаях, когда оно «по смыслу предложения соотнесено со сказуемым или другим членом предложения» [Прияткина, 1990: 128]. Напр.: *Голодная кума Лиса залезла в сад* (И. А. Крылов) (пример А. Ф. Прияткиной). В приведенном предложении есть причинно-следственные отношения (*залезла, так как была голодной*), т. е. невербализованная логическая пропозиция.

Прилагательные в указанных условиях функционирования мы располагаем на шкале предикативности вслед за прилагательными, обособление

которых, по словам И. П. Распопова, осуществляется как в коммуникативных, так и в конструктивных целях (зона 7).

Конструктивные особенности предложений, включающих прилагательные с «пробуждающейся» предикативностью, заключаются в том, что прилагательное, независимо от его пунктуационного выделения, характеризуется двойной синтаксической связью: и с подлежащим, и со сказуемым (см. приведенный ранее пример из басни И. А. Крылова). Заметим, что с конструктивными особенностями связана сложность синтаксических отношений. Еще А. А. Шахматов, разграничивая предикативные и атрибутивные отношения, отмечал возможность предикативно-атрибутивных отношений, приводя в качестве иллюстрации следующие примеры: *Добрый человек не мог бы так поступить. Начальник нераспорядительный может легко запутать все дело* [Шахматов, 1941: 29].

Прилагательные с «пробуждающейся» предикативностью, выделенные пунктуационно, отличаются от необособленных прилагательных уже тем, что сам факт обособления оказывается маркером, помогающим читателю «прочитать» полупредикативность. Напр.: *Незлопамятный, Саша быстро помирился со своим другом*. Что касается предложений с необособленными прилагательными, то «пробуждение» в них полупредикативности обусловлено контекстом при отсутствии такого маркера. Ср.: *Голодная лиса лежала в своей норе. – Голодная лиса залезла в сад*. Синтаксическое различие между приведенными примерами заключается в «пробуждающейся» предикативности прилагательного во втором случае. Вспомним также пример, который приводил В. В. Виноградов в «Грамматике русского языка» 1954 г. в качестве иллюстрации т. н. «обстоятельственного определения»: *Довольный праздничным обедом, сосед сопит перед соседом* (А. С. Пушкин) [Грамматика русского языка, 1954: 95]. Ср.: *Довольный праздничным обедом сосед пересел на диван и стал смотреть телевизор*

(контекст не способствует появлению обстоятельственных отношений в словосочетании *довольный праздничным обедом сосед* и не создает предпосылки для пунктуационного обособления адъективного оборота).

Дальняя периферия шкалы предикативности характеризуется, таким образом, контекстуальной обусловленностью проявления полупредикативного значения у прилагательного.

Качественное прилагательное, по А. Ф. Прияткиной, можно образно назвать «спящим» предикатом [Прияткина, 1990: 128]. Однако нам представляется, что из числа потенциальных «спящих» предикатов не следует исключать и относительные прилагательные. Напр.: *Деревянный дом сгорел всего за десять минут*. Ср.: *Дом сгорел всего за десять минут, потому что был деревянный*. В следующем примере – определительные отношения в словосочетании *деревянный дом*: *Деревянный дом стоит на опушке леса*.

В заключение заметим следующее. «Синтаксический словарь» Г. А. Золотовой дает лишь краткий (на одну страницу) обзор синтаксем имени прилагательного [Золотова, 1988: 346]. Значительное внимание этой части речи уделено в «Коммуникативной грамматике русского языка» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998: 80-101] (автор раздела – М. Ю Сидорова). Представленные в статье наблюдения являются вариантом систематизации известных конструкций, представляющих синтаксический потенциал прилагательного. Условная шкала предикативности может быть преобразована в поле (см. рис. 2), где цифры обозначают ранее рассмотренные зоны, а именно:

1 – именная часть сказуемого при отвлеченной связке;

2 – именная часть сказуемого при полузнаменательной связке;

3 – именная часть сказуемого при знаменательной связке / вторичное сказуемое в предложениях с двойным сказуемым;

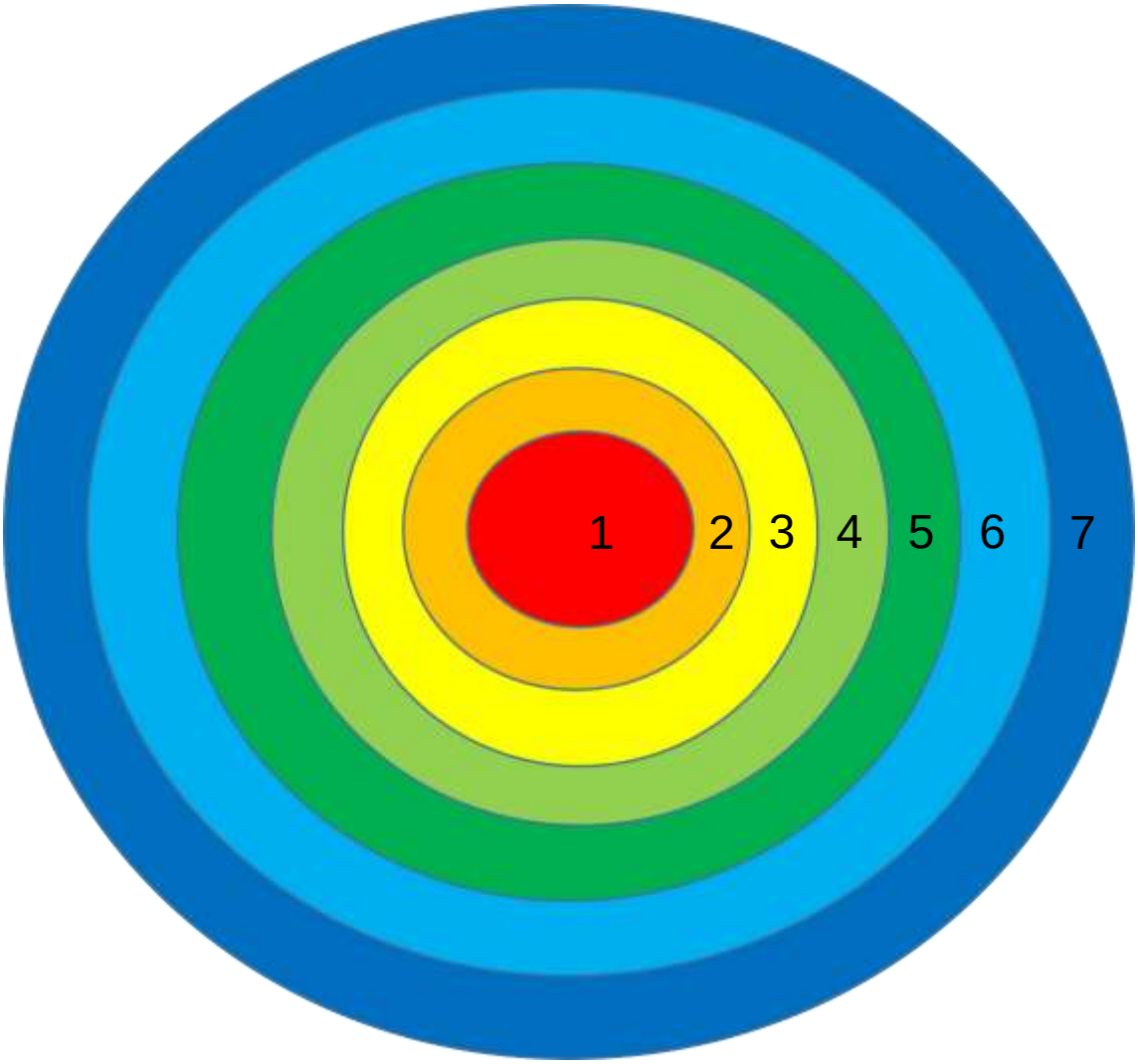
4 – компонент конструкции с авторизацией / предикативное определение;

5 – обособленный член с определительным значением;

6 – обособленный член с определительным и обстоятельственным значением;

7 – необособленные определения с «пробуждающейся» предикативностью.

Рис. 2 Имя прилагательное в поле предикативности



Литература

1. Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1988. – 159 с.

2. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003. – 416 с.

3. Грамматика русского языка: в 2 тт. Ред. кол.: В. В Виноградов, Е. С. Истрина. Т. 2. Ч. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 703 с.

4. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

5. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Наука, 1988. – 440 с.

6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Филол. фак. Моск. гос. ун-та, 1998. – 528 с.

7. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – 3-е изд., испр. и дополн. – М.: Высш. шк., 2004. – 247 с.

8. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. – М.: Высш. шк., 1990. – 176 с.

9. Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики: Морфология и синтаксис. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 351 с.

10. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – 2-е изд. – Ленинград: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. – 620 с.

11. Шелякин М. А. Справочник по русской грамматике. – 2-е изд., исправл. – М.: Рус. яз., 2000. – 355 с.

12. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1988. – 54 с.

Санкт-Петербургский государственный университет

Казаков В. П. – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка.

Адрес электронной почты: v.kazakov@spbu.ru

Л.М. Кольцова, Е.М. Чигирева

СИНТАКСИЧЕСКИЙ АРСЕНАЛ «ЛЕДЯНОЙ ТЕТРАДИ» А.В. РУБАНОВА

Аннотация: статья посвящена анализу синтаксических средств, способов, приемов организации текста книги А.В. Рубанова «Ледяная тетрадь», представляющей размышления автора о жизни, судьбе, значимости протопопа Аввакума как русского культурного феномена. Выявляются основные паттерны текста, создающие его архитектонику, ритм, его интеллектуальные и эмоциональные смыслы. Рассматриваются возможности глубокого осмысления текста через призму различных современных синтаксических теорий.

Ключевые слова: синтаксические средства, способы, приемы; синтаксический параллелизм; кольцевая композиция; актуальное членение предложения и текста.

Вот что много рассуждать: не латинским языком,
не греческим, не еврейским, ниже иным коим
ищет от нас говоры Господ, но любви с прочими
добродетельми хощет; того ради я не брегу о красноречии
и не уничижаю своего языка русского…

Житие протопопа Аввакума, им самим писанное

Трагическая судьба и полная неразгаданных тайн жизнь протопопа Аввакума, названного в книге А.В. Рубанова «Ледяная тетрадь» русским культурным феноменом, представлена, передана, выражена мощно, страстно, пламенно. Протопоп Аввакум оказал колоссальное влияние на многие стороны духовной жизни русского народа, и повествование о нем А.В. Рубанов называет субъективной публицистикой на историческом

материале, иронично адресуя это название «любителям точных жанровых определений».

В самом соотношении «ледяного» названия пламенной публицистики, в намеке, посыле, мысли, что приходится нередко определять неопределимое, описывать неописуемое и пытаться сделать тайное явным, с самого начала обнаруживается ключевой принцип, основной прием организации книги, которую автор, по его собственным словам, написал, «потому что она сама, книга, так захотела» [Рубанов, 2025: 12]. Этот основной принцип можно было бы назвать таким привычным и устоявшимся термином «контрапункт», однако этого термина, как и многих других, явно недостаточно для характеристики необычайно сложной в своей простоте архитектоники текста.

Цель предпринятого нами исследования, анализа, размышления и заключается в попытке выявить, понять, описать, какими средствами русского языка в их взаимодействии в единстве текста удается автору дотянуться до Аввакума «душой, сердцем, лимбом, нервами, спинным мозгом; своей нутряной, **подземной жизнью** (выд. нами) до него дойти» [Рубанов, 2025: 16] самому и дотянуть до него читателя, заинтересованного в поисках смысла существования человека, народа, страны и мира.

Эта цель продиктована еще и тем, что «Ледяная тетрадь» вышла в серии книг «Уроки русского», поэтому надежды авторов книг этой серии на то, что эти уроки будут поняты, усвоены, осмыслены, должны быть оправданы.

Уже при первом поверхностном знакомстве с этим необычным во многих отношениях произведением талантливого и неожиданного Андрея Викторовича Рубанова внимание привлекает кольцевая композиция глав, при которой абсолютное начало и абсолютный конец главы складываются в краткий, афористичный, в какой-то степени самодостаточный текст.

Приведем несколько примеров.

Первая глава называется «Зачем это написано». Заканчивается глава: «Книги родятся, как дети, сами собой, физиологически, по приказу природы. Мы не хозяева этого процесса» [Рубанов, 2025: 12]. Даже отсутствие конечного знака препинания в риторическом вопросе заглавия усиливает единство абсолютного начала и абсолютного конца.

Вторая глава носит название «Тайный мир и юбилей Аввакума». Конец главы приоткрывает завесу тайного мира и возможности прикоснуться к нему: «До Аввакума нужно дотянуться душой, сердцем, лимбом, нервами, спинным мозгом; своей нутряной, подземной жизнью до него дойти. Тогда и только тогда захочешь праздновать его юбилей» [Рубанов, 2025: 16].

Глава шестая называется «Служение». Заканчивается глава так: «Аввакум – классический образец идеи служения, абсолютное ее олицетворение» [Рубанов, 2025: 31].

Глава тринадцатая названа «Современный культ смерти» и заканчивается глава: «Иногда этот культ превращается в трагический, иногда в героический, но по сути остается – практическим, буквально повседневным» [Рубанов, 2025: 63].

Помимо того, что в этих и многих других сопряжениях абсолютно сильных позиций текста проявляется взаимодействие синтаксических единиц; помимо того, что начало и конец образуют по сути своей сверхфразовое, «текстовое» актуальное членение, в такой организации мы видим особый прием, продиктованный напряжённой мыслью, который, на наш взгляд, не имеет терминологического обозначения. И мы позволим себе ввести для названия интеллектуального и эмоционального текстового напряжения особый термин «**элатирио**» (**ελατήριο**) – слово, которое в греческом языке обозначает пружину, спираль. Необходимость в греческом

слове вместо русского в данном случае нам видится в том, чтобы снять сугубо «механические», «технические» ассоциации. А потенциальная широта значения слова, сущность которого можно определить как напряжение пружины или спирали, позволяет этим термином определить смысл ведущего принципа других синтаксических построений «Ледяной тетради».

Кроме того, этот термин, по нашему глубокому убеждению, позволяет связать важнейшие элементы мира физического, мира социума (ср. с понятием «спиральная динамика развитая общества»), мира человеческой психики и человеческого мышления (ср. «спиральное мышление») и, наконец, – с миром всей духовной жизни человека, воплощенной, представленной в языке, с которого по сути и начинается собственно человеческая жизнь.

К основным синтаксическим паттернам «Ледяной тетради», кроме кольцевой композиции глав, относится организация особых композиционных блоков, в которых раскрываются мировоззренческие позиции, идейные установки автора. Эти блоки представляют наиболее существенные для человека и общества, по мнению автора, явления социальной и духовной жизни, такие как справедливость, отношение к смерти, служение, историческая истина, судьба цивилизации и др. Организация и движение смысла в этих важнейших композиционно-синтаксических блоках осуществляется повторяющимся чередованием речевых регистров: информативного (информационного) – генеритивного – волюнтативного (по классификации Г.А. Золотовой, М.Ю. Сидоровой и Н.К. Онипенко [Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю., 1998]. Здесь необходимо привести примеры, несмотря на значительность их объёмов (с небольшими сокращениями).

В рассуждении о справедливости:

«Справедливо ли, что царь Петр, сгубивший немалую часть мужского населения своей страны, считается великим и блестящим реформатором, а Сталин, руководивший спасением мировой цивилизации от нацистской чумы, объявлен кровавым тираном, палачом?..

Справедливо ли, что в большинстве российских семей женщины работают наравне с мужчинами, но при этом берут на себя большую часть забот о детях и хозяйстве?..

Справедливо ли, что футболист, развлекающий публику ударами ног и головы по мячу, зарабатывает в тысячи раз больше вирусолога, создающего вакцину от смертельной болезни?..

К справедливости, понимаемой извращенным плутовским образом, восходит и коррупция…» [Рубанов, 2025: 36 – 37].

В рассуждении о смерти:

«Аввакум принимал смерть как христианин: со смирением. Для него смерть была переходом в новый мир… Аввакум исповедовал культ смерти неосознанно; иначе и сам бы не выжил, и семью бы не сберег.

Культ смерти означает вовсе не стремление к ней, и ни в коем случае не стремление, культ смерти не есть культ убийства.

Культ смерти – это отсутствие конфликта с нею.

Культ смерти не есть трагический культ, однако он и не героический. В русском культе смерти есть и трагический, и героический элемент…» [Рубанов, 2025: 54].

В размышлении о правде и лицемерии:

«Аввакум был, возможно, первым историческим деятелем, погибшим в борьбе с лицемерием.

Если хочешь, чтоб за тобой пошли босые, – сними сапоги.

Если призываешь к казням – будь готов сам стать палачом и сам отправиться на плаху.

Если борешься за справедливость – не произноси ни слова лжи, всегда говори только правду.

Если борешься против глобального потепления – выбрось свой компьютер и телефон, выключи в доме электричество и отопление, не пользуйся транспортом.

Лидер увлекает людей сначала личным промером, а уж затем – пламенными речами.

Не то плохо, когда сытые правят голодными; так было всегда. А то плохо, что сытые хотят, чтоб голодные их любили и уважали…

Важно уметь опознавать манипуляторов» [Рубанов, 2025: 238].

В рассуждении о служении:

«Пройти по пути героя может каждый, без исключения. Сверхсила – повсюду; ее просто надо уметь обретать…

Каждый, кто желает учиться, – идет по пути обретения сверхсилы.

Каждый, кто изучает историю семьи, – становится сильнее: мы обязаны помнить свое родство.

Каждый, кто влюблён, – становится сильнее.

Каждый, кто родил ребенка и растит его, – гарантированно получает силу, потому что дети – один из самых надёжных ее источников.

Жадный теряет силу. Лгун – теряет; каждое слово лжи гарантирует потерю энергии. Укравший – теряет ровно столько, сколько украл. Предавший друзей – теряет всю силу, полученную за годы дружбы. Предавший свой народ – лишается всех сил, превращается в пустую оболочку человека…

Как только вы приучите себя к самодисциплине, к простейшей самоорганизации – вы станет сильнее…» [Рубанов, 2025: 312 - 313].

Очевидно, что смыслы этих синтаксических паттернов не просто перекликаются, не просто находятся в отношениях семантического параллелизма, но являются тем самым «элатирио», тем стержнем, который

создает интеллектуальное и эмоциональное со-творческое напряжение.

Эти фрагменты, строение которых повторяется многократно в пространстве текста, организованные по принципу «элатирио», объединены общей, главной идеей автора. Эта идея зеркально отражает идею «Жития протопопа Аввакума»: справедливость требует СЛУЖЕНИЯ до последнего смертного часа, и борьба за справедливость с ложью и лицемерием продолжается после земной жизни в высоком духовном мире.

Комбинация приемов, которые используются для создания этих композиционно-синтаксических блоков, представлена развернутым синтаксическим параллелизмом в совокупности с анафорой и параллелизмом семантическим; дезавтоматизированным актуальным членением предложения, репрезентируемым пунктуационно-графическим оформлением и, наконец, фрактальным построением текста, текстового фрагмента (всего блока), сложного синтаксического целого в рамках одного абзаца и сложного или осложнённого предложения.

Необходимо отметить, подчеркнуть, указать, что в «Житии протопопа Аввакума, написанного им самим» мы обнаруживаем такие же принципы организации текстового пространства в его ключевых элементах. Повторяющуюся смену речевых регистров для «Жития» можно обозначить в стилистике его времени: исповедь – проповедь – заповедь.

Посмотрим на соответствующие примеры:

Июда чюдотворец был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И сам дьявол на небе был, да высокоумия ради свержен бысть. Адам был в раю, да сластолюбия ради изгнан бысть и пять тысящ пять сот лет во аде был осужден. По сем разумея всяк, мняйся стояти, да блюдется да ся не падет. Держись за христовы ноги и Богородице молись и всем святым, так будет хорошо…

(Само собой разумеется, что примеры из «Жития протопопа Аввакума» мы можем дать только в современной графике, но в оформлении, максимально приближенном к первоисточнику, поскольку анализ самого этого первоисточника – предмет особого глубокого и, на наш взгляд, необходимого лингвистического исследования, до сих пор не осуществленного с позиций современного научного знания).

Важнейшим паттерном текста «Ледяной тетради» является и синтаксический параллелизм в рамках абзаца.

Протопоп Аввакум – не религиозный фанатик. Он не стоял на пути прогресса. Он не послал людей в огонь. Он сражался против лжи, лицемерия, профанации великих идей, против использования церкви в интересах властолюбцев и политиканов [Рубанов, 2025: 238].

Заметим, что в последнем предложении мы также обнаруживаем однотипные синтаксические построения. По сути дела, предложения с однородными членами есть свернутый синтаксический параллелизм с многочленной усложненной ремой.

Для убедительности приведём еще два выразительных примера.

Сытый не должен призывать голодного к терпению. Чревоугодник не должен проповедовать воздержание. Развратник не должен склонять к целомудрию… [Рубанов, 2025: 238].

Цари служат своим народам. Воины служат царям. Жрецы служат истине. Художники служат красоте. Хлебопашцы служат своим семьям. Воры служат воровскому кодексу [Рубанов, 2025: 29].

Обратим внимание на то, что в этих «простых» предложениях обнаруживается чрезвычайно сложное коммуникативное устройство: функцию темы принимает на себя предикат, а удвоенная рема выражена субъектом и объектом высказывания. Такое построение придает высказыванию характер афоризма (усиленного аккорда).

Для сравнения, для подтверждения нашей мысли, что в современном тексте зеркально отражаются принципы построения синтаксических конструкций «Жития», приведем также два примера. Именно такие регулярно повторяющиеся построения придают «Житию» особый интеллектуальный и эмоциональный ритм:

Если хочешь быть помилован Господом, сам также милуй; хочешь, чтобы тебя почитали, – почитай других; хочешь есть – корми других; хочешь взять – другому давай; это и есть равенство, а рассудив, как следует, себе желай худшего, а ближнему – лучшего, себе желай меньше, а ближнему – больше.

Человек, суете которой уподобится, дние его, яко сень, приходят; скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; съесть хощет, яко змия; ржет зря на чюжую красоту, яко жребя; лукавует, яко бес; насыщаяся довольно; без правила спит; Бога не молит; облагает покаяние на старость и потом исчезает и не вем, камо отходит: или во свет ли, или во тьму, – день судный коегождо явит. Простите мя, аз согрешил паче всех человек [Житие протопопа Аввакума, 2018].

Развернутый, многослойный синтаксический параллелизм, сходный с

повторением музыкальной фразы, образующей лейтмотив произведения, находит свое разрешение, свой консонанс в особом актуальном членении каждого отдельного предложения с удвоенной ремой:

Служение – есть наивысшая доблесть.

Служение, исполнение долга и обязательств – ключевое понятие нравственности.

Аввакум – классический образец идеи служения, абсолютное ее олицетворение.

Средством удвоения ремы становится пунктуационно-графическая организация высказывания. И в этом случае мы тоже можем говорить о принципе «элатирио» как основном паттерне текста.

К синтаксическим паттернам текста с полным основанием можно и нужно отнести эту самую пунктуационно-графическую организацию, репрезентирующую особенности актуального членения как в целом тексте и его главах, так и в сложных и простых предложениях. Особенно явно это обнаруживается в сложных построениях с сочинительными союзами:

Жрец может любить богатство, славу, почет, сытость – но никогда не любит покой…

Нет никакого особенного «русского» пьянства…, – а есть государственная политика.

Мастерство писателя-автобиоргафа заключается как раз в том,

чтобы слагать рассказ не о себе – но о других, о тех, кто рядом.

Но и художники столь же часто отходят от своего пути, от служения красоте, и после этого – они перестают быть художниками;… такие художники часто становятся богачами, но достойны – лишь жалости.

Этот момент важно отметить: можно вынести страдания, можно их описать, – но шутить, описывая страдания, способны только люди титанической силы.

Умный был, смелый, начитанный, – но что видел в свои тридцать два года?

Но важно, что он не стал конформистом, не попытался адаптироваться, – а сходу оттолкнул «большой мир».

Эти примеры показательно и убедительно подтверждают глубокую мысль авторов «Коммуникативной грамматики русского языка» о том, что союзы обнаруживают движение человеческой мысли, и прежде всего, ее повороты от прямого отражения действительности к ее интерпретации, к обобщению наблюдений, от прямой констатации, от монологического слова к диалогически обусловленным суждениям, от мира вещей к миру мыслей и слов… Союз соединяет минимум две противоположности (простое следование в рамках одного регистра не требует особого показателя связи), поэтому классификация полипредикативных конструкций, как сложных, так и осложненных (в традиционной классификации предложений), должна обнаружить те противоположности, которые позволяет соединить в одном

высказывании техника полипредикативности [Золотова, Онипенко, Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка, 1998: 371].

Следуя за этими глубокими и перспективными идеями, можно говорить и о том, что показателем полипредикативности, а в терминологии коммуникативного синтаксиса полиремантичности высказывания, в современном тексте становятся так называемые факультативные знаки препинания, в частности – тире. Это обнаруживается особенно наглядно в таком паттерне текста «Ледяной тетради», как удвоение ремы при помощи этого чрезвычайно нагруженного в смысловом отношении знака:

От Аввакума – доставалось всем.

И был он – строгим, а с врагами – безжалостным.

Увы, восстановить облик Аввакума – невозможно.

Летом – шли, зимой – сидели, пережидали.

Новая «этика» – очень инфантильна.

В обществах менее развитых – детей производят на свет просто так.

Освобождение женщин, социальное равноправие женщин и мужчин – придумано не в России.

Индивидуалист, влюблённый в себя, лелеющий себя, зафиксированный на своих желаниях, на своих травмах, – у нас называется звонким словом

«жлоб».

Все, что происходит, – происходит за счет хлебопашца, «простого» человека.

Воображая себе Аввакума, я хочу оторваться от шаблона – и увидеть его как физически сильного, красивого, полнокровного, уверенного в себе мужчину, а вовсе не полупрозрачного доходягу.

В этом последнем примере мы с полным основанием можем обнаружить весь синтаксический арсенал «Ледяной тетради»: фрактальное построение; синтаксический и семантический параллелизм; полипредикативность и полирематичность высказывания и виртуозное владение средствами и возможностями пунктуационной системы современного русского языка.

Какие же «уроки русского» дает нам «Ледяная тетрадь» А.В. Рубанова?

Урок первый.

Смыслы, имеющие вневременную ценность и внепространственную значимость, обретаются в тайном мире, «мире таинственном или сокрытом, в который проникают единицы… после прохождения долгого и извилистого духовного пути» [Рубанов, 2025: 14]. Эти смысла находят свои формы, модели, структуры в мире тонком и получают конкретное речевое воплощение в вещественном мире объективной реальности, являясь «весомо, грубо, зримо» в тексте произведения.

Ключи к вечным смыслам тайного мира находят, подбирают, получают (?) истинные и искренние творцы, а задача филологической науки – понять и объяснить, как этими ключами можно открыть мир смыслов для

ищущего разума.

Урок второй.

Главные текстовые категории, определяемые современной лингвистикой как цельность, связность, завершённость и некоторые другие, имеют в своем фундаменте, своей базе, своем основании такое явление, которое можно определить понятием «синтаксическая гармония». Свойствами этой фундаментальной категории, объединяющей все элементы текста, являются фрактальность синтаксических структур, ритмические повторы грамматических и лексических элементов, *элатирическое* устройство синтаксических блоков, создающее интеллектуальное и эмоциональное напряжение и поступательное движение смыслов (заметим, что как раз разрушение синтаксической гармонии – это главная цель и задача постмодернистских антитекстов).

Урок третий.

Сила русского языка (о котором А.В. Рубанов говорит: «Беречь свою культуру, свою родную речь обязан каждый образованный человек. На каком языке ты думаешь – к той культуре ты и принадлежишь. Язык, речь – основная сигнальная система, универсальный мыслительный, понятийный код» [Рубанов, 2025: 214] заключается в том, что на протяжении многих столетий (для «Жития протопопа Аввакума» и «Ледяной тетради» – это расстояние в 400 лет) русский язык обнаруживает не просто развитость и устойчивость своих грамматических структур, но и преемственность средств способов и приемов наиболее действенного выражения мысли, чувства, экспрессии, оценки и авторского посыла.

Возможности синергетического подхода к анализу текста дают современные синтаксические теории (функциональная грамматика, коммуникативный синтаксис, лингвистическая прагматика), которые открывают новые перспективы для решения главной задачи

филологической науки, определяемой Григорием Осиповичем Винокуром как «искусство чтения и мастерство понимания». И совершенно необходимо, непреложно, неизбежно знание приемов организации текста, предложения, высказывания для того профессионального качества, о котором постоянно говорил и которым в совершенстве владел Игорь Павлович Распопов: «… для овладения искусством связной речи, которому следует учиться на лучших образцах научной, публицистической и художественной литературы» [Распопов, 2005: 186]. К таким образцам, по нашему убеждению, и принадлежит «Ледяная тетрадь».

«Ино еще побредем»!..

Литература

1. Житие протопопа Аввакума, им самим писанное [Электронный ресурс] // Lib.ru «Классика» – URL: http://az.lib.ru/a/awwakum/text_1673_zhitie_protopopa_avvakuma.shtml (дата обращения: 06.03.2026).

2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова – Москва : Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. - Москва : Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. - 524, [4] с.

3. Распопов И.П. Избранные работы по лингвистике / И.П. Распопов — Воронеж : Воронежский государственный университет (ВГУ), 2005. — 188 с.

4. Рубанов А.В. Ледяная тетрадь. Комментарии к Аввакуму / А.В. Рубанов. – Москва : Издательство АСТ : Neoclassic, 2025. – 318 с.

Воронежский государственный университет

Кольцова Л.М. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка.

Адрес электронной почты: vorrusist@yandex.ru

Чигирева Е.М. – кандидат исторических наук, доцент кафедры издательского дела.

Адрес электронной почты: Tchigireva89@yandex.ru

М.Ю. Сидорова

О СИНТАКСИЧЕСКИХ ПРАВИЛАХ И ИХ ТИПОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматривается специфика коммуникативно-грамматических правил построения и декодирования связной речи, по сравнению с формальными и семантическими правилами. Объясняется причина большей сложности коммуникативно-грамматических правил и обосновывается их обязательность.

Ключевые слова: синтаксис, правила, коммуникативный подход, грамматичность, осмысленность.

Г.А. Золотова пишет во введении к «Коммуникативной грамматике русского языка»: «…Слова организуются в тексты волею грамматики, ее правилами, как общими для любого русского текста, так и особыми, отражающими различия между текстами того или иного типа.

Выявить эти правила – общие и специфические – задача грамматического описания языка, грамматического представления знаний о языковом строе.

Коммуникативная ориентированность грамматики помогает понять, что правила существуют как средства управления коммуникативным процессом, как средства порождения и понимания различных текстов в единстве их формы, содержания и функционального назначения, в соответствии с потребностями и характером общения» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004: 8].

Будучи разделом грамматики, синтаксис, в отличие от лексикологии, имеющей дело с индивидуальными единицами, должен формулировать правила, действующие на классах языковых единиц. Синтаксические, и в целом грамматические, правила соответствуют двум значениям слова «правило» в толковом словаре:

1. Положение, выражающее определенную закономерность, постоянное соотношение каких-либо явлений.

2. Принцип, служащий руководством в чем-либо [Словарь русского языка, 1999: 352].

Поскольку предметом синтаксиса является связная речь**,** ее устройство, функционирование, порождение и восприятие, синтаксические правила выражают закономерности образования связной речи, выявленные учеными, и служат для говорящих руководством к построению и восприятию синтаксических конструкций.

Эти правила должны объяснять «две основные операции, используемые в речевом поведении» – «селекцию и комбинацию» языковых единиц [Якобсон, 1975: 204]. Уже из этой формулировки явствует, что синтаксические правила, т.е. правила селекции и комбинации реализуются через деятельность субъекта (его «речевое поведение»). Более точен в этом отношении В.В. Виноградов, который говорит о том, что автор текста осуществляет «подбор, осмысление и расположение… речевых элементов» [Виноградов, 1959: 35]. Ключевым словом здесь является **осмысление**: говорящий отбирает и комбинирует «речевые элементы» для воплощения своего замысла (интенции, коммуникативной цели, стратегии), осмысливая их относительно этого замысла, коммуникативной ситуации, типа создаваемого текста. Соответственно должен осмыслить эту селекцию и комбинацию языковых элементов и получатель сообщения, чтобы получить доступ к замыслу говорящего.

Две формы существования грамматических правил – в виде представлений разной степени осознанности у носителей языка и в виде научных формулировок – отражены в разграничении понятий приемлемости, грамматичности и осмысленности у Дж. Лайонза: «**Приемлемость** – это примитивный, донаучный термин, нейтральный по отношению к ряду разграни-

чений, которые мы сделаем ниже, включая проводимое традиционно разграничение между «грамматичным» и «осмысленным» (или «значимым»). <…> Приемлемым является высказывание, которое произведено или могло быть произведено носителем языка в некоторой подходящей обстановке и признается или было бы признано другими говорящими в качестве принадлежащего рассматриваемому языку. Задача лингвиста (хотя она этим и не исчерпывается) – определить возможно более простым способом приемлемые предложения описываемого языка и сделать это в терминах какой-то общей теории языковой структуры» [Лайонз, 1978: 150]. Иначе говоря, приемлемость – это «так можно сказать» в широком смысле слова. Приемлемые предложения – это материал, на котором лингвист формулирует грамматические правила, причем так, чтобы эти правила описывали не только известные ему приемлемые предложения, но и носили предсказующий характер.

Осмысленность и грамматичность – два вида приемлемости, для определения которых требуется лингвистический анализ. **Осмысленными,** по Лайонзу, называются языковые выражения, которым мы можем «дать разумную смысловую интерпретацию» в пределах описываемого ими мира:

Лингвист любит бананы – осмысленное предложение;

Бананы вычисляют лингвиста – предложение не осмысленное.

Грамматичными считаются цепочки слов, в которых не нарушены грамматические правила языка. Чтобы назвать какое-то высказывание грамматичным или аграмматичным, нужно знать правила и констатировать, что в высказывании они не нарушены или нарушены. Высказывания котов в известном меме про «рыбов» осмысленны, но не грамматичны.

Тексты, которые пишет нейросеть https://t.me/neural_recipes , состоят частично из грамматичных и осмысленных, частично из грамматичных, но неосмысленных, частично из неосмысленных и неграмматичных предложе-

ний, при этом они опознаются именно как кулинарные рецепты, из чего можно предположить, что в их построении задействованы некоторые правила, помимо правил осмысленности и грамматичности:

КУРИНЫЕ СЕМЕЛЫШКИ

Приготовьте основу: в сотейнике нагреть две чугунные сковородки средней сшуренности — одну глубокую, а другую ту. Помешивая деревянной ложкой или деревянным миксером, сделайте глубокий вдох и почувствуйте на поверхности нежный сливочно-острый привкус ванили. В скороварку добавляйте раздавленные стручки перца. Жареный лук нарезать мелкими кубиками. В полученную пассеровальпу закладывают макароны размера 3×3 и сильно разогревают. Все обжарить, посолить поперчеными, посолить черным молотым перцем.

ГЛЯЖНЫЙ – ШВЕЙЦАРСКИЙ ЛУКОПЛАСТНЫЙ ФРЕГЕТ

Требуемое количество пастушек (от 1 до 10 штук) замачивают в воде в течение ночи. Взять один соленый отбивень и накрыть его тонким слоем сливочного сыра. Затем обварить в глубокой кастрюле до того момента, пока не будет угодно вам. Нарезка помидоров, ананаса и авокадо производится в стиле "уж-пас". После этого микс приобретает форму круга на сковороде и тушится до готовности на среднем огне (примерно 7-8 минут). Добавить в состав 20 граммов красного перца.

Блюдо подают в стиле "свадьба цыган" – в горшках без дна на подстаканнике, обмазанном сметаной и украшенном розовым зефиром. Вкус блюда можно повысить путем добавления чёрного углерода.

Можно выделить три типа грамматических правил, которыми мы руководствуемся при построении и интерпретации связной речи.

1) Формальные (грамматичность): например, согласование личной формы глагольного-предиката с субъектом, выраженным именительным

падежом, по лицу и числу (роду и числу в прошедшем времени): *дорога ведет / вела к реке, дороги ведут / вели к реке*.

2) Семантические (осмысленность): например, выбор предложно-падежной формы локативного имени в зависимости от требуемого значения синтаксемы – транзитив или директив: *спускаться по дороге / к дороге, спускаться по реке / к реке*.

3) Коммуникативные: например, выбор формы выражения побуждения между *Стоп! Стой! Стоять! «А Вас, Штирлиц, я попрошу остаться»*.

Коммуникативные правила устанавливают закономерности и правила использования языковых единиц и категорий в зависимости от замысла (интенции, цели) говорящего, коммуникативной ситуации и типа текста. Соответственно, в отличие от формальных и семантических правил, они работают не на всем пространстве языка, а по-разному в разных текстах. И работают они не на отдельных единицах и категориях, а создают «конфигурации» (М.А.К. Холлидей), обусловленные совокупностью коммуникативных факторов порождения высказывания.

Примерами таких простейших «конфигураций» являются сообщения, которые мы можем увидеть на дверях неработающего лифта: официальные таблички «фабричного изготовления» *Лифт остановлен на ремонт / на техосмотр* или надпись от руки на тетрадном листочке, повешенная соседом *Лифт не работает*. В первом случае, разместив такую табличку, управляющая компания сообщает нам не только о том, что мы не можем воспользоваться лифтом. Эти сообщения, отправителем которых выступает субъект, отвечающий за работу лифта, конфигурированы таким образом, что сигнализируют нам: «Ситуация под контролем», а не просто констатируют проблему. Пассивное причастие от акционального глагола *остановить* в предикате и дополнительная предикация, выраженная целевой синтаксемой ***на* + *Вин.*** пад. девербатива, обозначают активные действия этого

субъекта, обещающие нам «счастливое будущее», при этом не называя его. Таким образом, в этих коротких текстах и выбор глагольной формы, и выбор формы существительного подчинены единой коммуникативной задаче.

Возможен ли случай, когда выполняются правила семантические и формальные, при этом не выполняются коммуникативные?

Вот несколько записей русской устной разговорной диалогической речи:

А (видит свет за окном, показывает рукой): Ой! Что это?

Б (находится рядом, тоже видит свет): Салют. День танкиста.

А (нюхает): Чем это ты?

Б: Какие-то арабские... Подарили на день рождения.

А: Где же здесь Москва-река протекает? Под снегом не видно.

Б (показывает рукой): Вон, где кустики, там река [Русская разговорная речь, 1973].

В этих фрагментах выполнены все три типа правил. Коммуникация в ситуации соприсутствия говорящих и предмета речи в одном пространстве и времени ведется с опорой на предметно-ситуативный контекст, с использованием невербальных средств, что позволяет говорящему строить, а слушающему понимать краткие, экономные в плане использования языковых средств высказывания. Представим на месте некоторых предложений в данных примерах такие: *Это на центральной площади нашего города организован салют, поскольку сегодня празднуется День танкиста* или *Я сегодня использовала арабские духи, названия которых не помню и которые мне подарили на день рождения.* Очевидно, что семантические и формальные правила при такой трансформации будут соблюдены, но коммуникативные – нарушены.

Возможен ли за пределами упражнений с нейросетью противоположный случай: коммуникативные правила соблюдены, а формальные и семантические – нарушены?

В следующем описании вида животных, выполненном на занятии по зоологии позвоночных китайским студентом-биологом первого курса (уровень знания языка между A2 и B1), есть нарушения грамматичности (*они… дышит* и т.п.) и осмысленности (*пальто* вместо *мех*). Однако соблюдены сформулированные преподавателем правила построения текста, необходимые для выполнения данного коммуникативного задания (описание вида животных): описание начинается с классификации (вид включается в высшие таксономические классы), даются сопоставление с другими видами, описание пищеварительной системы дается в направлении спереди назад, отмечается связь формы и функции (*сильные когти помогают бегать*), охвачены все необходимые тематические блоки описания.

Волк – это хищник. Они живут на суше и дышит легкими. Волк относится к позвоночному животному. Волк среднего телосложения, похож на собаку. Пальто коричневого или серовато-желтого цвета. У волка сильные когти, которые помогают им бегать.

Пищеварительная система волка состоит из рота, глотки, пищевода, желудка и кишечника, как и у лютей. У волка четырехкамерное сердце и его кровеносная система замкнутая. Нервная система волка состоит из центрального и периферического отдела, как и большинство животных.

Волк – плотоядное животное, питается другими животными, напремер, зайцами, оленями, овцами и т.д. Волк оплодотворяется внутри тела и относится к живородящим. Волк – это социальное животное. В стае волков от 5 до 12 волков.

При декодировании текста коммуникативные правила также работают на определенном типе текста, при этом на всей его конфигурации. Напри-

мер, правило декодирования японского хокку – найди и совмести две «картинки» (репродуктивный регистр) и извлеки обобщенную умозрительную идею (генеритивный регистр):

Как же это, друзья?
Человек глядит на вишни в цвету,
А на поясе длинный меч!

Азалии в грубом горшке,
А рядом крошит сухую треску
Женщина в их тени.

Коммуникативные грамматические правила формулируются по тем же принципам, что и грамматические правила, определяющие построение грамматичных и осмысленных предложений. Они выражают **закономерности** связной речи, выявленные учеными, и служат для говорящих **руководством** к построению и восприятию синтаксических построений. Таким образом, коммуникативные правила полностью соответствуют двум значениям слова «правило» в толковом словаре. Структура их стандартная, как и у формальных и семантических правил:

а) собственно формулировка соотношения, закономерности;

б) определение множества единиц, на котором действует правило;

в) указание на исключения и

г) на взаимодействие правил.

В модели порождения речи В. Левелта [Levelt, 1989] коммуникативные правила располагаются на уровне Концептуализатора, а формальные и семантические – на уровне Формулятора, что говорит не о низшем, а напротив, о более высоком статусе коммуникативных правил в языке.

Иногда встречается точка зрения, что коммуникативно-функциональная грамматика, в отличие от формальной, не настроена на поиск грамматических правил, или что ее «правила» характеризуются некоторой неполноценностью, необязательностью или туманностью по сравнению с правилами формальной грамматики. Это не так. Коммуникативно-функциональная грамматика, как и любая грамматика, нацелена на обнаружение правил всех трех типов и стремится к тому, чтобы эти правила были сформулированы максимально четко, обладали реальной объяснительной силой.

Коммуникативно-функциональная грамматика – это исследование языка, которое руководствуется желанием узнать, каким образом люди используют **ресурсы** языковой системы для реализации своих коммуникативных **целей** в различных **ситуациях**. Для удовлетворения этого желания требуются

1) представление о **ресурсах** (элементах) той или иной языковой системы, о наборе единиц и категорий в ней;

2) список (классификация) коммуникативных **целей;**

3) типология коммуникативных **ситуаций**, включающая те их релевантные признаки, которые влияют на выбор и сочетание языковых единиц и категорий, на построение сообщения говорящим/пишущим и его декодирование слушателем/читателем;

4) список (классификация) **текстов**, которые могут порождаться в разных коммуникативных ситуациях с разными коммуникативными целями;

5) **правила**, описывающие использование языковых элементов $x_1 \ldots x_n$ при построении текста T для достижения коммуникативной цели A в ситуации S.

Коммуникативные правила – правила, которые регламентируют использование **ресурсов** языковой системы в определенной коммуникативной ситуации, для достижения говорящим своей **коммуникативной цели** (реализации своего замысла) посредством создания определенного **типа текста**.

Из известных **типологий текстов** для формулировки коммуникативных правил релевантны следующие.

1) Тип текста по форме реализации: устный или письменный.

2) Тип текста по функциональной сфере: обыденно-бытовой, научный, официально-деловой, публицистический, религиозный, художественный (сюжетная проза, лирическая поэзия, драматургия, гибридный) и др.

3) Тип текста по количеству участников коммуникации: монолог, диалог, полилог.

4) Тип текста по фикциональности (fiction / non-fiction): реальное или вымышленное содержание.

5) Тип текста по локализации автора и адресата: они находятся в одном «здесь и сейчас» (ситуация соприсутствия) или в разных, содержание текста имеет отношение к этому «здесь и сейчас» или не имеет.

6) Жанр текста: статья, доклад, лекция, учебник, монография, тезисы и т.п.; стихотворение, поэма, рассказ, повесть, роман и т.п.; заявление, жалоба, приказ, устав, закон и т.п.

7) Тип текста по цели высказывания: сообщение, побуждение, эмоционально-оценочная реакция.

8) «Функционально-смысловые типы речи». Здесь более продуктивно использование не трехчленной (описание, повествование, рассуждение) системы, а пятичленной, предложенной Э. Верлихом, где представлено два разных типа текста на месте рассуждения плюс еще один тип текста, который позволяет включить в классификацию не только сообщающие, но и по-

буждающие тексты: 1. Description - описание; 2. Narration - повествование; 3. Exposition - экспозиция; 4. Argumentation - аргументация; 5. Instruction - инструкция [Werlich, 1976].

9) Тексты, передающие разные виды человеческого опыта: конкретное наблюдение, обобщенное знание, оценки и эмоции.

10) Коммуникативный регистр текста: репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный.

Поскольку конкретный текст характеризуется одновременно по всем этим разграничениям, его построением и декодированием управляют одновременно все относящиеся к ним правила, отсюда сложность их выявления. Однако попытка формулировать коммуникативное правило без указания на тип (класс) текстов, на которых оно действует, заведомо обречена на неудачу и приводит к искаженным до анекдотичности представлениям о языковом материале. Так, в [Трубачева, 2010] автор в попытке обнаружить «особые стилистические возможности бессоюзных предложений по сравнению с союзными» характеризует первые как более выразительные, а также легкие, непосредственные и естественные и, кроме того, отличающиеся компактностью, лаконизмом [Там же, 245]. «Союзные предложения менее естественны, ощущается некоторая «тяжесть» при их произнесении» [Там же], – пишет автор, не обращая внимания на то, что примеры берет из письменной речи, причем речи художественной. Разумеется, в научном тексте бессоюзные предложения не отличаются от союзных большей «легкостью и естественностью» и многие из них трудно назвать «компактными». См. следующие примеры из университетских учебников по зоологии и истории Китая:

Ланцетник – фотофоб, резкое нарастание освещённости вызывает у него реакцию бегства и затаивания;

Аппарат власти следует держать в строгости, нельзя позволять его членам злоупотреблять служебным положением и поддаваться коррупции. В аппарате не нужны ни слишком умные (от них много хлопот), ни чересчур способные; в нем должны преобладать средние и Законопослушные, дельные и преданные правителю служаки. Он должен быть свободным от групповых и частных интересов, унификация здесь особенно важна.

Значит ли сказанное, что правила формальные и семантические всегда говорят об «обязанностях» говорящего (без их выполнения конструкция будет грамматически неправильной), а правила коммуникативные – о возможностях говорящего, о том, какие языковые средства ему следует применить, чтобы достигнуть желаемого результата? Нет, различие состоит не в обязательности или не обязательности. Все правила обязательны к выполнению, но на разном множестве объектов. «Открытие» коммуникативно-грамматического правила невозможно без «обнаружения» ситуации, в которой применяется это правило, коммуникативной цели, для которой оно работает и типа текста, в котором оно применимо.

Например, описание изображения (картины, фотографии) подразумевает выбор пространственной точки отсчета, относительно которой локализуются находящиеся на изображении объекты в системе координат «право – лево», которая для внешнего наблюдателя организована зеркально внутренней ориентации изображения. Говорящий может выбрать ту или иную пространственную позицию (коммуникативные правила это разрешают), но коммуникативные правила запрещают ему менять выбранную позицию, не «предупредив» об этом адресанта, не маркировав переход. Ср. в следующем описании многофигурной фрески Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», относительно которой зрителю, безусловно, интересно узнать, кто из апостолов где изображен:

Самая высокая фигура – Христос, поскольку он, сидящий, почти вровень со стоящими персонажами; самая низкая – Иуда. Он в ряду со всеми, но дан в резком повороте ***влево****. <…> Ученики по-разному реагируют на слова Христа о предательстве.* ***Первая тройка слева*** *(Варфоломей, Иаков мл.. и Андрей) удивлена, лица апостолов обращены к Иисусу.* Во второй тройке *видим возмущенного Петра с ножом в руке, отшатнувшегося Иуду и Иоанна, который от услышанной новости начал терять сознание и клониться в сторону Петра.* ***Справа от Христа*** *– Фома, Иаков ст. и Филипп. <…> Особенно импульсивно откликаются на слова Христа те три апостола, которые сидят* ***по Его левую руку****. Они образуют неразрывную группу, проникнутую единой волей и единым движением*. https://azbyka.ru/art/tajnaya-vecherya/

Восприятие этого текста и сопоставление его с картиной затруднено тем, что автор постоянно меняет пространственные ориентиры: Иуда повернулся *влево* = по направлению своей левой руки, *первая тройка* апостолов *слева* = от левого относительно зрителя края фрески, *вторая тройка* – вторая от левого края, при этом ближняя к Христу; *справа от Христа* = с точки зрения внешнего наблюдателя; три апостола, *которые сидят по Его левую руку* – это те же самые три апостола, которые ранее локализовались как сидящие справа от Христа.

Такие «скачки» пространственной локализации мешают восприятию текста, поскольку нарушают коммуникативное правило, действующее для текстов такого типа. Для приведенных выше текстов из учебников или описания вида животных такое правило отсутствует.

Таким образом, коммуникативно-функциональный подход не игнорирует, не нивелирует и не ослабляет роль правил в грамматике. Напротив, он выводит понимание грамматического правила на новый уровень, сопрягая его с интерпретацией замысла автора, через которого грамматические пра-

вила находят свое выражение. Грамматические правила при этом приобретают в полном смысле слова операциональное понимание, соответствующее приведенным в начале статьи формулировкам Р.О. Якобсона и В.В. Виноградова.

Литература

1. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 654 с.

2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: ИРЯ РАН, 2004. – 544 с.

3. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.

4. Русская разговорная речь / Отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Наука, 1973. – 485 с.

5. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. — М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. П–Р.

6. Трубачева Н.В. Стилистические особенности бессоюзных сложных предложений. // Наука и современность. – 2010, № 1 – 2. – С. 241 – 246.

7. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей. — М.: Прогресс, 1975. – С. 193 – 230.

8. Levelt W.J.M. Speaking: from intention to articulation. – MIT Press, 1989. — 584 p.

9. Werlich E. A text grammar of English. – Quelle und Meyer, 1976. – 315 p.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Сидорова М.Ю. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета.

Адрес электронной почты: sidorovadoma@mail.ru

Т.Н. Волынец

МИКРОСИСТЕМЫ ЗНАЧЕНИЙ ПАДЕЖНЫХ ГРАММЕМ В ЛИРИКЕ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Аннотация. В статье рассматриваются микросистемы значений падежных граммем, формирующиеся в текстах лирических стихотворений О.Э. Мандельштама, написанных в 1908-1915 гг. (сборник «Камень»). Устанавливаются востребованные поэтом значения падежных форм, определяется их количественное соотношение, характеризуется функциональная специфика.

Ключевые слова: граммема, категория падежа, падежное значение, падежная форма, синкретизм значений, поэтический текст.

Категория падежа занимает центральное место в русском именном словоизменении. План выражения падежных форм по сути своей морфологичен (они образуются с помощью флексийных морфем и формируют именные парадигмы), а план содержания – синтаксичен (значение падежных форм обычно интерпретируется как «отношение имени – в определенной его форме – к слову во всей системе его форм, к словоформе (или словоформам) в составе предложения либо к целой синтаксической конструкции») [Русская грамматика, 1980: 476].

Как формируется падежное значение? Ответить на этот вопрос однозначно весьма сложно. Споры о природе падежного значения и его самостоятельности/несамостоятельности не утихают до сих пор. В течение XX века было предложено два основных подхода к решению данного вопроса: а) парадигматический (падеж рассматривается как значимая форма, каждый падеж имеет свое собственное семантическое содержание) [Якобсон,1985]; б) синтагматический (падеж – это значимая категория, но существуют два типа падежей – синтаксические, реализующие обязательную валентность пре-

дикатного или управляющего слова, и наречные, более конкретные и относительно независимые) [Курилович, 1962].

В академической «Русской грамматике (1980) вопрос о природе падежного значения решается с опорой на синтагматический подход, при этом указывается, что каждая падежная граммема многозначна и одна и та же падежная форма, употребляясь в разных синтаксических позициях, может выражать целый спектр значений, среди которых могут быть как главные (центральные), так и периферийные [Русская грамматика, 1980: 479]. В «Коммуникативной грамматике русского языка» (1998) падежное значение рассматривается как «результат взаимодействия трех признаков: падежной формы, категориальной семантики слова и синтаксической функции» [Золотова, 1998:47].

Грамматическая семантика падежных форм, реализующаяся в текстовом пространстве, на наш взгляд, всегда индивидуальна: она зависит от авторских предпочтений, творческой манеры писателя и особенностей его идиостиля.

Цель нашей статьи – выявить и охарактеризовать актуальные для ранней лирики О.Э. Мандельштама микросистемы значений падежных граммем.

Материала для исследования мы выбирали из первого поэтического сборника О. Э. Мандельштама «Камень» (в нем собраны тексты, написанные в 1908 – 1915 гг.) [Мандельштам, 2023: 5-53]. Всего нами было выделено 1769 падежных форм. Безусловными лидерами среди них являются именительный и родительный падежи: 738 и 363 соответственно, далее идут винительный (274), предложный (178), творительный (150) и дательный (66) падежи.

В статье мы подробно рассмотрим микросистемы значений именительного, родительного, предложного и творительного падежей. Они актив-

но используются автором не только в структурном, но и в семантическом пространстве текста. Грамматическая семантика данных падежных форм сознательно актуализируется поэтом, вследствие чего реализуются их художественно-изобразительный потенциал и эстетические функции[1].

Формы **именительного падежа** в тексте обычно используются для экспликации субъекта (героя), объекта, адресата, оценки/характеристики субъекта и различных обстоятельственных значений (причины, места, времени). В исследованных нами лирических произведениях О.Э. Мандельштама в системе значений номинатива ядерную зону формируют субъектные значения (559), далее следуют определительные (оценочно-характеризующие - 119), затем – значения адресата (39) и объекта (22).

Субъекты лирических текстов поэта весьма специфичны: во-первых, они представлены в основном, номинативными, а не местоименными лексемами (соотношение 404 и 155 соответственно), во-вторых, они, как правило, метафоричны, поскольку предметы и явления мира природы, вещей и абстрактных понятий у поэта часто координируются с глагольными формами, обозначающими действия характерные для лиц -- *Невыразимая* ***печаль открыла*** *два огромных глаза,/ Цветочная* ***проснулась ваза*** */И* ***выплеснула*** *свой хрусталь*… (с. 11); --*Ты побудь со мной сначала, --* ***/Верность плакала*** *в ночи*[2] (с.49); и в-третьих, семантически они неоднородны.

Для О.Э. Мандельштама особенно важен субъект действия (289). – ***Играет ветер*** *тучею косматой, /* ***Ложится якорь*** *на морское дно…* (с.21); *Тихо* ***спорят*** *в сердце ласковом /Умирающем моём/ Наступающие* ***сумерки***

[1] Микросистема значений форм винительного падежа в количественном отношении доминирует над микросистемами значений предложного и творительного падежей, но не отличается разнообразием: в ней преобладают формы с объектным значением (219); обстоятельственные значения отмечены нами у 45 форм (места – 34, времени – 8, цели – 2, причины – 1), определительные -- у 10.

Микросистема значений дательного падежа в ранней лирике О.Э. Мандельштама представлена весьма скромно: значение субъекта (34), адресата (15), косвенного объекта (9), обстоятельственные значения (места – 6, образа действия – 2, времени – 1, причины – 1), определительные значения (2).

[2] Во всех примерах сохраняется авторская орфография и пунктуация.

/ С догорающим лучом (с.16); *И по каштановой аллее /Чудовищный* ***мотор несётся. /Стрекочет лента, сердце бьется*** */Тревожнее и веселее* (с.33).

Востребован и субъект существования, как собственно бытийный, так и совмещенный с предикатом ситуации (130) – *Действительно,* ***лавина есть в горах…*** (с.21) *Горячей головы* ***качанье****, /И нежный* ***лед*** *руки чужой, /И темных елей* ***очертанья****, /Ещё невиданные мной* (с.14). Нередко формы именительного падежа со значением субъекта, существующего независимо, объединяются в номинативные ряды и открывают стихотворный текст: *Бессонница. Гомер. Тугие паруса. /Я список кораблей прочел до середины …* (с.50). Именительный падеж при этом оказывается в сигнификативно и коммуникативно сильной позиции. За каждой формой стоит не просто понятие, а целая ситуация, о которой автор сообщает скупо, деталями.

Иногда номинативные конструкции выделяют информативный центр высказывания в строфе. В этом случае во второй части высказывания содержится сообщение относительно денотата, названного номинативом. -- ***Мелькающих стрел звон / И вещих ворон крик****… / Я вижу дурной сон. /За мигом летит миг* (с.15). ***Приливы и отливы рук****…/* ***Однообразные движенья****… /Ты заклинаешь, без сомненья, /Какой-то солнечный испуг* (с.18).

Актуален для ранних текстов О.Э. Мандельштама также субъект качества (обычно с квалитативными признаками) (115) –***Медлительнее*** *снежный* ***улей, / Прозрачнее*** *окна* ***хрусталь****…* (с.10); *Отчего* ***душа*** *так* ***певуча****, / И так мало милых имен?* (с.16); *Твой* ***жребий страшен*** *и твой* ***дом непрочен!*** (с.22).

Востребованы и падежные граммемы со значением субъекта состояния (84) – *В столице северной* ***томится*** *пыльный* ***тополь****…* (с.31); *Спадая с плеч,* ***окаменела*** */ Ложноклассическая* ***шаль****…* (с.38).

Характер субъекта может изменяться в пределах одного стихотворного текста. Так, например, лирический герой в стихотворении «Пешеход»

(с.21) проходит путь от субъекта состояния до субъекта действия (восприятия), а затем и субъекта качества (***Я чувствую*** *непобедимый* ***страх****…* -- ***Я слушаю****, как снежный ком растет…* -- *Но* ***я не путник*** *тот, /Мелькающий на выцветших листах…*). Или: ***Я блуждал*** *в игрушечной чаще /и* ***открыл*** *лазоревый грот…/Неужели* ***я настоящий*** */И действительно смерть придет*? (с.17).

Определительные (оценочно-характеризующие) значения граммем именительного падежа (119) реализуются в текстах О.Э. Мандельштама

-- в позиции предиката (44): *Он учит: красота –* ***не прихоть*** *полубога, /****А*** *хищный* ***глазомер*** *простого столяра…* (с.32); *Значенье –* ***суета*** *и слово – только* ***шум****, /Когда фонетика –* ***служанка*** *серафима…* (с.31); *Слово – чистое* ***веселье,*** */* ***Исцеленье*** *от тоски…* (с.47);

-- в позиции приложения (39): *А он скитается в пустыне -- / Седого графа* ***сын побочный****…* (с.33); *Ладья воздушная и* ***мачта-недотрога****…* (с.31); *Зловещий голос –* ***горький хмель*** *– / Души расковывает недра…* (с.38);

-- в сравнительных конструкциях, в конструкциях уподобления (36): *Я так же беден,* ***как природа****, /И так же прост,* ***как небеса****. / И призрачна моя свобода, /* ***Как*** *птиц полночных* ***голоса*** (с.11); *И распластался храм Господень, /* ***Как*** *легкий* ***крестовик-паук*** (с.39).

Нередко формы именительного падежа поэт вводит в конструкции с личными местоимениями в позиции подлежащего; в этом случае номинатив используется как основное средство семантизации и характеризации лирического героя. -- *Я* ***не поклонник*** *радости предвзятой. / Подчас природа – серое* ***пятно*** (с.21); *Я и* ***садовник****, я же и* ***цветок****, /В темнице мира я не одинок* (с.8); *Я с мужиками бородатыми / Иду,* ***прохожий человек*** (с.30); *Ты каждый раз,* ***как иностранец****, / Сквозь рощу портиков идеш*ь (с.40).

Значение ***адресата*** формы именительного падежа реализуют в тех случаях, когда номинатив выступает в функции обращения. В поэтической речи обычно выделяется три типа обращений: первый -- с функциями адресации и характеризации; второй -- с функциями адресации и номинации; и третий -- с функциями адресации, номинации и характеризации [Ковтунова, 1986:105].

В лирике О.Э. Мандельштама востребован в основном второй тип обращений – обращения-номинации (39), в которых адресованность обладает наибольшей степенью условности. Поэт постоянно «разговаривает» с предметами, окружающими его: он воспринимает их как живых собеседников, он рассуждает, обращаясь к абстрактным понятиям, героям древнегреческих и библейских мифов, географическим и историческим субъектам: они служат ему отправной точкой для размышлений и выражения своего понимания творчества, своего жизненного кредо. -- *Останься пеной,* ***Афродита****, / И,* ***слово****, в музыку вернись, / И,* ***сердце,*** *сердца устыдись, / С первоосновой жизни слито!* (с.11); *Твой мир, болезненный и странный, / Я принимаю,* ***пустота***! (с.11); *Но чем внимательней,* ***твердыня Notre Dame,*** */Я изучал твои чудовищные ребра, -- / Тем чаще думал я: из тяжести недоброй /И я когда-нибудь прекрасное создам…* (с.26).

Обращения, совмещающие в себе функции адресации и характеризации, в ранней лирике О.Э. Мандельштама присутствуют, но они единичны (2). – *Томись,* ***музыкант встревоженный****, / Люби, вспоминай и плачь!* (С.19); *Кто б ни был ты,* ***покойный лютеранин****, /Тебя легко и просто хоронили…* (с.25).

Объектное значение у форм именительного падежа в текстах О.Э. Мандельштама встречается редко (22), реализуется оно, как правило, в пассивных конструкциях с выраженным и невыраженным субъектом при предикате – краткой форме страдательного причастия, реже при предикативной

форме глагола. – *Вся* ***комната*** *напоена истомой – сладкое лекарство*! (с.9); *Отравлен* ***хлеб****, и* ***воздух*** *выпит./ Как трудно раны врачевать!* (с.35); *Луной облита бронзовая* ***дверь***… (с.31); *И* ***море****, и* ***Гомер*** *–* ***всё*** *движется любовью* (с.50).

Объектное значение у форм именительного падежа нередко сочетается с субъектным в конструкциях, осложненных обособленными определениями, организуемыми формами страдательных причастий. -- *И ветром развеваемые* ***шарфы****/ Дружинников мелькают при луне* (с.43); ***шарфы*** -- субъект движения (*мелькают*), которое воспринимается как прерывистое, и объект по отношению к ветру. См. также: ***Иосиф****, проданный в Египет, не мог сильнее тосковать* (с.36) -- субъект состояния и объект, над которым совершено действие, одновременно.

Формы **родительного падежа** в лирических текстах О.Э. Мандельштама используются для выражения определительных, объектных и субъектных значений (363). В центре микросистемы находятся определительные значения, среди которых выделяются собственно определительные (118) и посессивные (54).

Собственно определительное и посессивное значения свойственны формам родительного падежа, занимающим позицию присловного распространителя, характеризующего или оценивающего лицо или предмет, представленный в другой падежной форме. – *На* ***стороне врагов*** *законы*… (с.37); *Он подымет* ***облако пыли****, /Зашумит бумажной листвой*… (с.17); *И в Лувре* ***океана дочь*** */ Стоит прекрасная, как тополь*… (с.35). *И –* ***месяц Цезаря*** *– мне август улыбнулся* (с.51). Формы родительного падежа в данных контекстах конкурируют с формами имен прилагательных, заменяя или дополняя их, участвуют в создании перифраз (*месяц Цезаря, океана дочь*), рассчитанных на интеллектуального читателя, способного к ассоциативному мышлению (*месяц цезаря* – август, *океана дочь* – это и современная аме-

риканка, приехавшая в Париж, и Венера Милосская, мраморная скульптура которой выставлена в Лувре), т.е. формы Р.п. активно вводятся автором в текст для решения основной художественной задачи – создать для читателя особый мир, сложный, многогранный, насыщенный образами и отражающий авторское восприятие.

Объектное значение реализуется формами родительного падежа в 76 контекстах, обычно в отрицательных конструкциях в позиции при предикате -- *Смертельно-бледная волна /Отпрянула – и вновь она / Коснуться **берега** не смеет* (с.12); *И серафимов гулкое рыданье /Не покоробит темных **позолот*** (с.26); *Я не слыхал **рассказов** Оссиана, / Не пробовал старинного **вина*** (с.42).

Кроме того, в 15 контекстов автор вводит формы родительного падежа со значением объекта количественной характеристики (как определенной, так и неопределенной) -- *И день сгорел, как белая страница:/Немного **дыма** и немного **пепла**…* (с.18); *Кинематограф. Три **скамейки**. Сентиментальная горячка* (с.33).

Обстоятельственные значения родительного падежа в ранней лирике О.Э. Мандельштама представлены скромно (51): в основном они используются для обозначения места (33), образа действия (5), причины (4), цели (4), времени (3), меры и степени действия (2). Самым востребованным в этом списке является пространственное значение: формы родительного падежа вводятся поэтом в текст для конкретизации или уточнения места, актуального для описываемого события действия. – *Я на прогулке похороны встретил /**Близ** протестантской **кирхи**, в воскресенье…* (с.24); ***Средь** аляповатых **дач**, / Где шатается шарманка, /Сам собой летает мяч – /как волшебная приманка* (с.34).

Другие обстоятельственные значения у форм родительного падежа не слишком востребованы в ранней лирике О.Э. Мандельштама. -- *То – всею*

тяжестью оно [сердце] идет ко дну, /Соскучившись по милом иле, То – как соломинка, минуя глубину, /Наверх всплывает ***без усилий*** (с.13); *Я вздрагиваю* ***от холода****…* (с.19); *Немногие* ***для вечности*** *живут…* (с.22); *Уже* ***с утра*** *покой и трудные длинноты…* (с.40).

Для выражения **субъектного значения** формы родительного падежа используются автором в 55 контекстх. -- *И* ***для меня*** *(субъект восприятия) явленье* ***Озерова*** *(субъект действия) – последний луч трагической зари* (с.41); *И Польша нежная, где нету* ***короля*** (с.43). При сочетании с отглагольными существительными формы родительного падежа обычно сигнализируют о наличии субъекта действия, одушевленного изначально или олицетворенного поэтом. -- *Здесь – трепетание* ***стрекоз*** */Быстроживущих, синеглазых* (с.10); *И перекличка* ***ворона*** *и* ***арфы*** */ Мне чудится в зловещей тишине…* (с.42).

Единичны случаи проявления синкретизма значений форм родительного падежа (2): ***Без слов, без слез****, скупая на приметы, осенних роз мелькнула бутоньерка* (с.25); *И гораздо глубже бреда /Воспаленной головы / Звезды, трезвая беседа, /Ветер западный* ***с Невы*** (с.25). В первом контексте предложно-падежные формы обладают двойной синтаксической связью: они ориентированы и на субъект, и на предикат, поэтому определительное значение в них сочетается со значением образа действия. А во втором контексте предложно-падежная форма, с одной стороны, характеризует субъект (ветер *какой*?), а с другой – сигнализирует о свернутой пропозиции – *ветер, который дует с Невы*, отсюда синкретизм падежного значения (определительное плюс обстоятельственное места).

Граммема предложного падежа в ряду других падежных граммем занимает в ранних лирических текстах О.Э. Мандельштама, на наш взгляд, третье по значимости место. И это не случайно. В своем философско-поэтическом трактате «Разговор о Данте», рассуждая о роли падежных

форм в поэтическом тексте, О.Э. Мандельштам пишет: «Самый процесс творчества мы подчиняем целевому предложному падежу и мыслим так, как если бы болванчик со свинцовым сердечком, покачавшись как следует в разные стороны, претерпев различные колебания по опросному листику: *о чем*? *о ком? кем? и чем*? – под конец утверждался в гимназическом покое именительного падежа» [Мандельштам, 1967:28].

Микросистема значений форм предложного падежа у поэта весьма разнообразна. Особенно востребованы им обстоятельственные значения предложного падежа: места (140, из них 22 в сочетании с другими значениями (в основном определительными, иногда – временными), времени (9); затем следуют определительные значения, нередко в сочетании со значением образа действия (23), замыкают ряд объектные значения (19).

Относительно высокая частотность форм предложного падежа с обстоятельственным значением места в ранней лирике О.Э. Мандельштама объясняется, видимо, вниманием поэта к пространственным характеристикам описываемых событий, состояний, предметов. Уже в самых ранних лирических произведениях О.Э. Мандельштама, датированных 1908 г., встречаем локативные формы: *Сусальным золотом горят /**В лесах** рождественские елки; / **В кустах** игрушечные волки /Глазами страшными глядят* (с.5); *Я качался **в** далеком **саду** / На простой деревянной качели…* (с.6). Постепенно стихотворные строки с локативными формами предложного падежа упрощаются по структуре: из них исчезает глагол, нередко устраняется и субъект. – *И пены бледная сирень / **В** черно-лазоревом **сосуде*** (с.11); ***На площади** Сената – вал сугроба. Дымок костра и холодок штыка* (с.28); *В огромном **омуте** прозрачно и темно…* (с.13); *Хорошо и нестрашно **в лесу*** (с.15). По определению Г.А. Золотовой, падежные формы, используемые в подобных синтаксических моделях, «представляют типы свободных или

обусловленных синтаксем с самостоятельным значением» [Золотова, 1998: 181].

Временные характеристики описываемого для О.Э. Мандельштама существенны далеко не всегда. Обстоятельственное значение времени могут выражать формы практически всех косвенных падежей, Однако в ранних лирических произведениях поэта временные рамки чаще всего очерчиваются формами предложного и винительного падежей (9 и 8 соответственно). – *Так птицы на своей латыни молились Богу* ***в старину***… (с.48); *Да будет* ***в старости*** *печаль моя светла*… (с.51); *В таверне воровская шайка / Всю* ***ночь*** *играла в домино* (с. 32).

Предложные формы с ***определительными значениями*** (23) участвуют в характеристике субъекта или объекта лирического стихотворения и позволяют при минимуме языковых средств (на уровне одной, но значимой, детали) создать художественный образ. -- … *как роза,* ***в хрустале*** *вино*… (с.22); *Мелькают женщины* ***в платках***… (с.30); *И дворники* ***в тяжелых шубах*** */На деревянных лавках спят* (с.39).

Определительные значения форм предложного падежа у поэта нередко (22) сочетаются с обстоятельственными значениями места или образа действия. – *Я ласточкой доволен* ***в небесах*** (с.21), -- с одной стороны, доволен ласточкой *какой*? А с другой -- возможно развертывание падежной формы в предикативную конструкцию: *доволен ласточкой, которая летает* (*где*?). Синкретизм определительного и пространственного значений регулярно проявляется в безглагольных конструкциях. – *Людовик больше не* ***на троне*** (с.35) ***На Луне*** *– полутьма/ И дома опрятней/* ***На Луне*** *не дома -- / Просто голубятни* (с.38). Или: *Разноголосица какая /* ***В трактирах*** *буйных и* ***в церквах***… (с.29).

Обстоятельственное значение образа действия присоединяется к определительному в тех случаях, когда предложно-падежная форма в рав-

ной степени характеризует и предикат и субъект, указывая на образ действия первого и характеризуя состояние второго *Тебе [Бетховену]* ***в*** *пророческом* ***веселье*** */Огнепоклонники поют* (с.46); Или: *Целый день сырой осенний воздух / Я вдыхал* ***в смятенье*** *и* ***тоске*** (с.22).

Формы предложного падежа с ***объектным значением*** представлены у поэта скромно (всего в 16 контекстах), используются они обычно при глаголах говорения, звучания (сюда же мы включаем и глаголы, описывающие внешнее проявление чувств, например, *вздыхать*) или мыслительной деятельности. -- ***О доме*** *Эшеров Эдгара пела арфа…* (с.31); *Здесь Арлекин вздыхал* ***о славе*** *яркой…* (с.31); *И, недовольный,* ***о ночлеге*** */Монах рассказывает ложь!* (с.32); *Поговорим* ***о Риме*** *– дивный град*! (с.38).

В микросистему значений форм **творительного падежа** в ранних лирических произведениях О.Э. Мандельштама входят обстоятельственные значения -- 51 (значение образа действия -- 31, включая сравнение -- 9, места -- 11); значения косвенного объекта (38), субъекта (36), определительное значение (12) и значение орудия действия (8).

В этом ряду особенно интересны формы творительного падежа с о**бстоятельственным значением места:** автор нередко сознательно привлекает к ним внимание**.** -- *Выстрел грянул.* ***Над озером*** *сонным /Крылья уток теперь тяжелы* (с.15). ***Над желтизной*** *правительственных зданий/ Кружилась долго мутная метель* (с.27). – В первом контексте форма творительного падежа расположена между двумя предикатами. И, несмотря на то что формально входит в состав второго высказывания, семантически она оказывается связанной и с предикатом первого предложения. Во втором контексте форма творительного падежа выражает локативное значение, хотя первичное абстрактное значение имени существительного никак не предполагает подобного употребления. Пространственным значением абстрактное существительное наполняется в результате художественного пе-

реосмысления: желтый цвет – это та деталь, которая соотносится непосредственно с правительственными зданиями и по смежности обладает способностью выражать семантику целого.

В некоторых случаях значение форм творительного падежа синкретично: обозначая место действия, они участвуют и в характеристике субъекта, т.е. выражают определительное значение (обычно это бывает в безглагольных конструкциях). -- ***Над Форумом*** *огромная Луна…* (с.39). Самое востребованное обстоятельственное значение образа действия у форм творительного падежа тоже нередко сочетается с определительным значением. – ***С*** *каким глухим* ***негодованьем****/ Ты [Бетховен]собирал с князей оброк /Или* ***с*** *рассеянным* ***вниманьем*** */ На фортепьянный шел урок!* (с.46). -- Характеризуя глагольное действие, формы Т.п. косвенно оценивают и состояние субъекта.

Используя формы творительного падежа для выражения определительных значений, а также значений косвенного объекта, орудия действия или субъекта, поэт в своих ранних лирических произведениях нередко прибегает к сознательной актуализации грамматической семантики данных форм, концентрируя их на небольшом текстовом пространстве. – ***Кружевом****, камень, будь /И* ***паутиной*** *стань, Неба пустую грудь /Тонкой* ***иглою*** *рань* (с.19); *И хрупкой раковины стены, --/ Как нежилого сердца дом, – / Наполнишь* ***шепотами*** *пены, /* ***Туманом****,* ***ветром*** *и* ***дождём*** (с.18); *Ткань, опьяненная* ***собой****, /Изнеженная* ***лаской*** *света, / Она испытывает лето, / Как бы не тронута* ***зимой*** (с.10). *С притворной* ***нежностью*** *у изголовья стой / И сам себя всю жизнь баюкай; / Как* ***небылицею****, своей томись* ***тоской*** */ И ласков будь с надменной* ***скукой*** (с.13). Подобное использование падежных форм усиливает их экспрессивные возможности и шире представляет их грамматическую семантику в коммуникативном плане.

Подводя итог нашим наблюдениям, мы можем сформулировать следующие выводы.

Плотность падежных форм в ранней лирике О.Э. Мандельштама настолько высока, что без преувеличения его можно назвать самым последовательным и ярким сторонником эстетики акмеизма. В начале своего творчества он тяготел к символизму (до 1912 г.), однако в нем победил поэт, способный любой предмет облечь в художественную форму, что в полной мере отразилось на грамматическом строе его лирических произведений.

Художественные образы создавались О.Э. Мандельштамом за счет искусного сочетания падежных форм, позволяющих не только обозначить (представить), но и охарактеризовать различные типы субъектов, определить их местоположение в пространстве, актуализировать одновременно обстоятельственные характеристики действий и состояний субъекта, не загромождая при этом поэтический текст глагольными формами.

Поэт комбинировал падежные формы имен существительных и местоимений в пределах одной строфы в соответствии с ритмом и рифмой стихотворных строк, формируя при этом особый синтаксический строй речи. Доминирование именных конструкций, расширенная субъектная перспектива текстов, регулярный синкретизм грамматических значений падежных форм (превращение их в «пучки смыслов») – именно эти характеристики обеспечили такие качества мандельштамовской поэтики, как созерцательность, вневременность, обманчивая (струящаяся и обволакивающая читателя) неподвижность и в то же время эмоциональная напряженность, краткость формы, глубина грамматической и лексической семантики.

Литература

1. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Наука, 1998. – 526 с.

2. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис / И.И. Ковтунова. – М.: «Наука», 1986. – 206 с.
3. Курилович Е. Проблема классификации падежей /Е.Курилович // Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М., 1962. – 50 с.
4. Мандельштам О. Стихотворения /О. Мандельштам. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 352 с.
5. Мандельштам О.Э. Разговор о Данте /О.Э. Мандельштам. – М.: «Искусство», 1967. – 90 с.
6. Русская грамматика. – М.: «Наука», 1980. – Т.1. – 783 с.
7. Якобсон Р.О. К общему учению о падеже /Р.О. Якобсон // Избранные труды/Р.О. Якобсон. – М., 1985. – 460 с.

Белорусский государственный университет
Волынец Т.Н. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Адрес электронной почты: tatka6148@gmail.com

К.М. Шилихина

СИНТАКСИЧЕСКАЯ, ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И КОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА МЕТАКОММУНИКАЦИИ

Аннотация: в статье рассматривается метакоммуникация как особый компонент дискурса, находящийся на пересечении синтаксической структуры высказывания и коммуникативной стратегии говорящего. Предлагается разграничение декларативной и процедурной метакоммуникации, отражающее знание о языке, с одной стороны, и управление речевым процессом, с другой. Анализ проводится в синтаксическом, прагматическом и когнитивном аспектах с опорой на данные Национального корпуса русского языка. Особое внимание уделяется роли метакоммуникации в организации информационной структуры высказывания, распределении внимания и регулировании эпистемического статуса информации. Делается вывод о ее ключевой роли в координации дискурса.

Ключевые слова: метакоммуникация, информационная структура высказывания, тема-рематическое членение высказывания, вводная конструкция, метапредикат.

Метакоммуникация – особый компонент дискурса, который находится «на пересечении» синтаксической структуры высказывания и коммуникативной стратегии говорящего [Вежбицка 1978, Золотова, Онипенко, Сидорова 2004, Verschueren 2004]. Вопрос о классификации метакоммуникативных языковых средств пока остается нерешенным – отсюда и значительные различия в терминологии, и в подходах к описанию метакоммуникативов – ср. работы [Викторова 2015, Гуревич 2009, Дискурсивные слова 1998, Прагматические маркеры 2021].

В данном исследовании метакоммуникация понимается максимально широко – это все многообразие языковых средств, с помощью которых говорящий или пишущий комментирует собственную речь, управляя процессами порождения и интерпретации сказанного, а также координирует коммуникативные ожидания адресата. Примеры из Национального корпуса русского языка, использованные в данном исследовании, покажут, насколь-

ко многообразны метакоммуникативные комментарии, эксплицирующие рефлексию говорящего относительно языка и речи, и прагматические и когнитивные функции, которые они способны выполнять.

По своей природе метакоммуникация неоднородна: по аналогии с выделяемыми типами знания – декларативным и процедурным, – можно говорить о *декларативной* метакоммуникации и *процедурной* метакоммуникации.

К декларативной метакоммуникации относятся высказывания, в которых говорящий выражает свое мнение о языке и его свойствах, о языковой норме и ее нарушении:

Порядок слов в русском языке не имеет значения в предложении с грамматической точки зрения. [Блог ПетрГУ (PetrSU) (02.2023)]

Действительно, зачем использовать лишние англицизмы, которые в русском языке звучат коряво и не к месту… [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (29.03.2021)]

Сейчас Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». Он предусматривает, что все органы власти и подведомственные им организации должны создавать условия для соблюдения должностными лицами норм и правил современного русского литературного языка. Это означает, что какие-то формы проверки уровня владения языком могут быть установлены. [«Блэкаут» и «дедлайн» угрожают нашей культуре // Парламентская газета, 2020.08.19]

Приведенные примеры демонстрируют важное свойство декларативной метакоммуникации: она отражает социальные ценности, связанные с языком и речью.

Процедурная метакоммуникация – это комментарии, с помощью которых субъект речи управляет процессом порождения и интерпретации высказывания, а также координирует коммуникативные ожидания адресата. Примерами процедурных метакоммуникативных комментариев являются конструкции *иными словами, проще говоря, кстати, честно говоря, подводя итог* и т.д. В данной статье мы наметим основные направления исследования только процедурной метакоммуникации.

С точки зрения лингвистического анализа процедурная метакоммуникация может рассматриваться в нескольких взаимосвязанных аспектах: синтаксическом, коммуникативно-прагматическом и когнитивном.

1. Синтаксическая природа метакоммуникации

Метакоммуникативные элементы могут реализовываться в различных синтаксических формах, прежде всего – с помощью вводных конструкций, метапредикатов и деепричастных оборотов с деепричастиями, образованными от глаголов речи.

Вводные конструкции, как правило, синтаксически не зависят от основного пропозиционального содержания, но выполняют функцию комментария к нему:

***К слову сказать**, маме наш кот позволял все, один раз даже ел помидоры с ее рук. [И. Ошевнева. Его высочество Том // «Дальний Восток», 2019]*

Вводная конструкция *к слову сказать* не добавляет новой пропозициональной информации о мире. Ее функция – сигнализировать, что новая информация является факультативной, не строго необходимой для основной мысли, однако метакоммутикатив позволяет автору позиционировать временное отклонение от основной темы как релевантное.

Деепричастные обороты с деепричастиями, образованными от глаголов речи, также слабо интегрированы в синтаксическую структуру предло-

жения. В следующем примере метакоммуникативный комментарий *честно говоря* сигнализирует, что последующее суждение – это не нейтральное описание, а оценка, исходящая из внутренней позиции говорящего:

***Честно говоря**, кажется очень неправильным, что ведущие мировые фармацевтические компании, по сути, являясь монополистами в ряде случаев, когда для лечения болезни подходит только одно лекарство и больше никакое, не готовы снижать на него цену. [Л. Михеева: Фармкомпании должны снижать цены на редкие лекарства для детей // Парламентская газета, 2021.07.16]*

Вводный оборот занимает начальную синтаксическую позицию, что определяет его сферу действия – все последующее высказывание. В сочетании с *кажется* вводная конструкция *честно говоря* оформляет критику как личное мнение и тем самым смягчает возможную конфронтацию.

Метакомментарии могут оформляться с помощью метапредикатов, описывающих сам акт речи. Это не только перформативные глаголы, но и глаголы, которые выражают рефлексию говорящего относительно способа «упаковки» мысли:

*Мне кажется, что мы должны высказаться и притом совершенно определенно о конфликте, возникающем между Думой и правительством, **выражусь точнее** – с министерством. [А.А. Киреев. Дневник (1906)]*

*И сегодня, пройдя весь этот этап, я **хочу сказать** и **могу сказать** вместе с моими коллегами, практиками, учеными, что мы знаем, как его (коронавирус) победить», – сказала Попова в интервью телеканалу «Россия 24». [Попова рассказала о наличии необходимых для победы над COVID-19 знаний // Известия, 25.12.2020]*

Примеры хорошо иллюстрируют синтаксическую природу таких метакомментариев: они функционируют как матричные предложения, определяющие тип речевого действия и вводящие последующее содержание. Со-

держательно глагол *сказать* в таком контексте практически десемантизирован, однако он необходим для введения значимого тезиса.

Если на синтаксическом уровне метакоммуникативные комментарии демонстрируют относительную независимость от пропозиционального содержания, то их «синтаксическая избыточность» должна компенсироваться на других уровнях – прагматическом и когнитивном. В последующих разделах мы охарактеризуем роль метакоммуникативов в прагматической и когнитивной организации высказывания и дискурса.

2. Прагматическая природа метакоммуникации

Если с точки зрения синтаксиса основное внимание уделяется формальным свойствам метакоммуникативных комментариев, то с точки зрения прагматики в фокусе внимания оказываются их функции в дискурсе. В зависимости от того, на каком аспекте сосредоточено внимание говорящего, можно выделить ряд функций, которые выполняют вводные конструкции и метапредикаты[3].

а) Метакоммуникативные комментарии (например, метапредикаты *сказать, выразиться, уточнить*) могут сопровождать формулирование мысли и комментировать лексический выбор говорящего:

*Не знаю, **как правильно выразиться**, но его отличает справедливый подход ко всем. [«Мне никто не гарантировал места в составе» // Известия, 30.06.2020]*

б) Метакоммуникативные комментарии (например, *иметь в виду, понимать, подразумевать, точнее говоря*) могут маркировать стремление говорящего более точно выразить свою мысль:

[3] Отметим, что данный список функций не является исчерпывающим.

*Но нынешние условия, и я **имею в виду** закрытые границы из-за пандемии, конечно, ограничили эту возможность. [«Надеюсь, все быстро восстановится» // Коммерсант, 04.12.2020]*

в) Метакоммуникативные комментарии (например, *не совсем точно выразиться, неправильно сказать*) могут указывать на самокоррекцию:

*– Разве вы уже назначены капитаном? – Не совсем **точно выразился**… Просто идет по накатанной. Трощинский ушел, а я его часто замещал в прошлом сезоне. [Пономаренко Д. Динамовцы решили помочь семье Игоря Антосика // Советский спорт, 30.07.2008]*

*– Со всеми тремя просто, потому что они иностранцы. – Немного **неправильно сказал**. Мне и с российскими специалистами нормально было, но иностранцы очень сильно отличаются. [Дмитрий Абаренов. Константин Зырянов: Сыграю в полуфинале в Бразилии – и на пенсию // Советский спорт, 21.11.2011]*

г) Суммирование сказанного (*подытожить, заключить, резюмировать*) – еще одна важная функция метакомментариев:

***Резюмируя, могу сказать**, что индукторы интерферона – это препараты, которые не просто добавляют в организм «порцию» интерферонов, а регулируют их деятельность в организме. [«Наиболее простой способ поддержать защитные силы организма – прием эффективных и безопасных иммуномодуляторов» // Коммерсант, 03.06.2020]*

Метакоммуникативный комментарий *резюмируя, могу сказать* структурирует дискурс, подчеркивает позицию говорящего и маркирует эффект экспертности и контроля над темой.

д) Распределение информации в потоке речи – это, пожалуй, наиболее важная функция метакоммуникативных комментариев, поэтому на ней остановимся более подробно.

Метакоммуникативные комментарии часто выполняют роль операторов информационной структуры, то есть сигнализируют адресату, как распределяется информация внутри высказывания. В таких случаях вводные конструкции становятся маркерами тема-рематического членения высказывания. Например, метакоммуникативный комментарий может сигнализировать введение или смену темы:

*Да и потом, **что касается воспитателей**, то они работают по двое посменно. [Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)]*

Выражение *что касается воспитателей* маркирует основную тему последующего высказывания.

В следующем примере деепричастный оборот *говоря о ...* служит показателем сужения темы:

*В то же время, **говоря о** перспективах дальнейшего развития кардиологической службы, нужно подчеркнуть, что самый большой резерв в снижении смертности — это хронические формы сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ), которые являются ведущей причиной не только смертности от болезней системы кровообращения, но и потери качества и сокращения продолжительности жизни в мире. [Решающим фактором в борьбе с пандемией стала наука // Парламентская газета, 2021.06.19]*

Метакомментарий *говоря о* ограничивает область применимости высказывания, тем самым делая утверждение более точным и научно корректным.

Метакомментарии необходимы не только для того, чтобы выделять тему, но и для того, чтобы сигнализировать тематическую прогрессию, особенно если она нелинейная. Например, говорящий может маркировать временный отход от основной темы:

В результате проведенных ею оперативно-следственных мероприятий удалось выяснить, что похитителем несовершеннолетних граждан является некий Пикулин Рудольф Иванович, владелец и председатель совета директоров компании «ПРНЕ-466», ЗАО. ***Хочу сделать небольшое отступление****. Сложность задачи следствия на данном этапе заключается в том, что арест гражданина Пикулина в настоящее время невозможен, так как он незадолго до описываемых событий по делам фирмы выехал в Германию. [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]*

Конструкция *хочу сделать небольшое отступление* не сообщает новой фактической информации, но выполняет важную дискурсивную функцию – обозначает временную смену темы и тем самым управляет структурой текста.

Граница темы и ремы – естественная позиция для метакоммуникативного комментария. В примере ниже метакоммуникатив *я думаю* воспринимается естественно в первом контексте и неестественно (внутри ремы) – во втором:

Январь, ***я думаю****, вполне реальный срок для внесения законопроекта в Госдуму», – сказал Аксаков. [Законопроект о «льготных» вкладах могут внести на рассмотрение в январе // Парламентская газета, 2021.12.16]*

Январь – вполне реальный срок,* ***я думаю**, для внесения законопроекта в Госдуму», – сказал Аксаков.*

Метакоммуникация также может использоваться для рематической фокусировки. Выделяя рему, метакоммуникативный комментарий усиливает коммуникативную значимость ремы:

Это называется бустерной системой, ***ее суть в том****, что человеку первый раз вводят вакцину, у него вырабатывается иммунитет, потом ее вводят повторно на 21 день, чтобы выработка вакцины увеличились. [В*

Сеченовском университете рассказали об эффективности вакцины от коронавируса // Парламентская газета, 2020.07.23]

*Есть только две объяснимые приметы для прогноза на короткие сроки. Первая – **как раз** о ласточках. Объяснение здесь простое. [2022 год будет холоднее уходящего // Парламентская газета, 2021.12.19]*

Таким образом, метакоммуникативные маркеры тема-рематического членения предложения функционируют как операторы информационного фокуса и на уровне высказывания, и на уровне дискурса.

Прагматическая организация высказывания важна не сама по себе, а в связи с когнитивными процессами, которые определяют восприятие сказанного или написанного адресатом. В следующем разделе мы проанализируем роль процедурных метакоммуникативных комментариев в регуляции этих процессов.

3. Связь метакоммуникации с когнитивными процессами

Метакоммуникативные комментарии также играют важную роль в когнитивной обработке высказывания. Они помогают адресату распознать коммуникативное намерение говорящего, интерпретировать имплицитные смыслы, активировать релевантные знания. С этой точки зрения метакоммуникация выступает как механизм когнитивной координации интерпретации дискурса.

Процедурные метакоммуникативные комментарии функционируют именно как механизмы распределения внимания, то есть как средства, которые помогают говорящему выделить определенный компонент высказывания как фигуру на фоне менее значимой информации:

***Очень важно**, что вот благодаря национальному проекту «Культура» не обиженными остаются регионы, что есть вот это внимание и такая деятельная поддержка. [«Мы на минном поле»: Евгений Миронов и Ольга Любимова о ситуации с культурой // Vesti.ru, 26.11.2020]*

Метакоммуникативные элементы могут выполнять и противоположную функцию – относить часть информации к фону:

***Попутно замечу**: к несомненным достоинствам книги следует отнести междисциплинарный подход, позволяющий при исследовании сложных явлений использовать разнообразные инструменты всех наук о человеке. [Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (2015)]*

Выражение *попутно замечу* сигнализирует, что последующее сообщение не является центральным для текущего дискурса. Оно переводит информацию в вторичный коммуникативный план, то есть в фон и, таким образом, понижает информационный статус высказывания, к которому относится.

На уровне дискурса метакоммуникативы могут не только маркировать фон и фигуру, но и сигнализировать переключение между ними:

*Чувствуешь себя маленьким и не защищенным человечком в ледяном плену, чувствуешь свою беспомощность перед природой и понимаешь, что с ней шутить нельзя». **Но вернемся к основной теме**. Результаты изучения ископаемых диатомовых водорослей в глубоководных кернах Байкала, полученные за минувшие 15 лет, имеют мировой уровень. [Михаил Кузьмин, Галина Хурсевич. Диатомовая летопись Байкала и изменение климата // «Наука в России», 2012]*

Метакоммуникативный сигнал возврата к теме маркирует переход от «лирического отступления» к научному дискурсу. Метакоммуникация выполняет функцию когнитивной перенастройки способа восприятия информации – от эмоционального к рациональному. В этом смысле метакоммуникация действует как дискурсивный механизм управления когнитивным фокусом.

Метакоммуникация может регулировать не только информационную структуру, но и эпистемический статус информации. Приведем несколько примеров.

*Ее главная особенность, **как мне кажется**, в том, что она занимается поиском технологического совершенства в энергетике. [«Прогнозы в солнечной энергетике всегда отстают от реальности» // Ведомости, 2021.05.16]*

Метакоммуникативный комментарий *как мне кажется* не только разграничивает тему и рему высказывания, но и выражает *эпистемическую дистанцию*, смягчая категоричность ремы.

*По мнению специалистов, «высокая распространенность бессимптомной инфекции, **вероятно**, является основным фактором широкого и быстрого распространения варианта омикрон-штамма. [Ученые предположили причину быстрого распространения «омикрона» // Парламентская газета, 2021.12.30]*

Вводное слово *вероятно* задает эпистемическую интерпретацию ремы. И выступает как инструмент распределения когнитивной значимости информации внутри высказывания.

Подведем итоги. Проведенное исследование показало, что метакоммуникация является ключевым механизмом организации высказывания и дискурса, функционирующего на пересечении синтаксического, прагматического и когнитивного уровней. Рассмотрение метакоммуникативных элементов в трех взаимосвязанных аспектах показало, что метакоммуникативы не могут быть адекватно описаны в рамках одного уровня анализа: их природа носит интегративный характер и проявляется в сложном взаимодействии формальных, функциональных и интерпретационных параметров.

С синтаксической точки зрения метакоммуникативные комментарии характеризуются относительной автономностью по отношению к пропози-

циональному содержанию высказывания. Они реализуются в разнообразных формах – от вводных конструкций до матричных предикатов – и демонстрируют различную степень интеграции в структуру высказывания. При этом их формальная «избыточность» оказывается функционально мотивированной: именно благодаря синтаксической факультативности метакоммуникативы способны выполнять функцию операторов, регулирующих интерпретацию высказывания.

Прагматический анализ показал, что метакоммуникация является важнейшим инструментом управления дискурсом. Метакоммуникативные элементы сопровождают формулирование мысли, сигнализируют уточнение и самокоррекцию, маркируют переходы между темами и выполняют функцию суммирования. Особое значение имеет их роль в организации информационной структуры: метакоммуникативы выступают в качестве операторов тема-рематического членения, задавая способы распределения информации и направляя внимание адресата на коммуникативно значимые компоненты высказывания.

С когнитивной точки зрения метакоммуникация функционирует как механизм координации интерпретации. Она обеспечивает управление вниманием, способствует переключению между фигурой и фоном и регулирует эпистемический статус информации. Метакоммуникативные комментарии помогают адресату распознавать коммуникативные намерения говорящего, интерпретировать имплицитные смыслы и активировать релевантные знания, тем самым обеспечивая успешность понимания в условиях сложной и неоднозначной дискурсивной среды.

Принципиально важным результатом исследования является вывод о том, что метакоммуникация играет роль связующего звена между уровнями организации дискурса. Синтаксические формы кодируют прагматические инструкции, которые, в свою очередь, реализуются в когнитивных эффек-

тах. Такая трехуровневая модель позволяет рассматривать метакоммуникацию как систему операторов, обеспечивающих динамическое управление дискурсом и когнитивным фокусом.

В более широком теоретическом плане метакоммуникация может быть интерпретирована как универсальный механизм, обеспечивающий согласование смыслов между участниками коммуникации. Она не только структурирует высказывание, но и регулирует процессы понимания, делая возможным эффективное взаимодействие в условиях вариативности языковых форм и интерпретаций.

Литература

1. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. – Москва: Прогресс, 1978. – С. 402-421.
2. Викторова Е.Ю. Вспомогательная система дискурса. – Саратов: Варатовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2015. – 404 с.
3. Гуревич Л.С. Лингво-когнитивная теория пространства метакоммуникации. Автореф. дисс. докт. филол. наук. – Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2009 – 31 с.
4. Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара. — М.: Метатекст, 1998. – 446 с.
5. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – Москва: Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова, 2004. – 544 с.
6. Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. — СПб.: Нестор-История, 2021. – 516 с.
7. Verschueren J. Notes on the role of metapragmatic awareness in language use // Metalanguage: Social and Ideological Perspectives / Ed. By A. Jaworski, N. Coupland & D. Galasiński. – Berlin / New York: Mouton de Gruyter, 2004. – P. 53-74.

Воронежский государственный университет
Шилихина К.М. – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Адрес электронной почты – shilikhina@rgph.vsu.ru

Ю.А. Южакова

ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПОДЧИНИТЕЛЬНЫМ СОЮЗОМ – ДЕФЕКТНЫЕ СТРУКТУРЫ, СРЕДСТВО РЕЧЕВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ИЛИ ЧТО-ТО ЕЩЕ?

Аннотация: вопрос о границах простого и сложного предложения относится к не до конца решённым и вызывает много споров. Введение в структуру простого предложения подчинительных союзов не переводит такие предложения в разряд сложных. Подчинительный союз в структуре простого предложения, с одной стороны, разрушает грамматические связи, с другой, не создаёт дополнительных отношений. Мы рассматриваем два возможных объяснения: союзное осложнение составного сказуемого (типа: *только и могут что баклуши бить)* или союзный оборот, не имеющий собственной предикативности и осложняющий простое предложение (например, *только и говорили, что о театре)*. Союзный оборот является одним из мало изученных средств осложнения простого предложения. Особый интерес может представлять изучение оборотов с точки зрения соотношения с членом простого предложения и придаточным предложением в плане функциональной синонимии. Мы для таких конструкций используем термин «псевдосложное предложение» и обосновываем его.

Ключевые слова: синтаксис, дополнительная предикативность, осложнённое простое предложение, союзный оборот.

Всегда ли мы можем легко и однозначно ответить на вопрос о том, является предложение простым или сложным? Казалось бы, подсчитай количество грамматических основ, и всё будет понятно. Но жизнь и речевая практика преподносит примеры, заставляющие усомниться. Так, в открытом банке заданий для подготовки к ЕГЭ появились предложения: *Почему ты появляешься лишь когда мне плохо? Попадут – значит, желание сбудется.* При объяснении пунктуации в них не содержится указание на то, что предложения сложные. Напротив, предложение *Последние десять лет она только и делала, что была сиделкой* названо сложным. Основания для та-

кой классификации вызывают много вопросов. Среди заданий по русскому языку для муниципального этапа Всероссийской олимпиады для 10 класса мы увидели задание: Укажите тип выделенного придаточного; обозначьте в нём подлежащее и сказуемое; определите тип сказуемого в предложении: *Конверт был крепко надушен, и Ганин мельком подумал, что надушить письмо то же,* ***что опрыскать духами сапоги для того****, чтобы перейти через улицу* (В. Набоков). Ответ удивил: **придаточное определительное; подлежащее *опрыскать*; составное именное сказуемое *что*.**

На то, что в изучении простого предложения остаётся много нерешённых вопросов, указывал П.А. Лекант: «Широкое исследование структуры простого предложения, различных элементов её только ещё начинается» [Лекант, 2002: 148]. Наибольшее количество спорных моментов связано, по нашему мнению, с осложнением простого предложения.

Один из таких вопросов – использование подчинительных союзов в простом предложении. По утверждению А.Ф. Прияткиной, наличие союза в простом предложении всегда свидетельствует о его осложнении дополнительными синтаксическими отношениями. Традиционно считается, что подчинительные союзы функционируют только в сложном предложении, оформляя придаточное предложение. Если следовать этому положению, то все предложения с союзами *как, чем, хотя, если, потому что* нужно рассматривать как сложные. Этот вывод не является бесспорным. А.Ф. Прияткина приводит примеры конструкций с подчинительными союзами, в которых трудно или вообще невозможно усмотреть сложное предложение: *Есть письма как сигнал тревоги; Петя выше, чем Коля; Сознание, хотя и слабое, возвращалось ко мне; Обращаюсь к Вам как к специалисту.* Подобные факты противоречат классическому определению функции подчинительного союза [Прияткина, 1990: 51].

Тем не менее, подобных предложений много, и их квалификация вызывает споры в научной литературе. Конструкции типа*: Теперь в полку только и говорили, что о театре (А.Н. Толстой)* обычно относят к сложным, что противоречит как структуре рассматриваемых конструкций, так и их семантике. А.А. Пешковский для определения таких предложений, которые как в структурном, так и семантико-стилистическом отношении отличаются от сложноподчиненного предложения, ввел понятие взаимоподчиненного предложения [Пешковский, 1956: 468-511] ; «Русская грамматика» называет их сложными предложениями, «где союз присоединяет особого рода неполное предложение» [Русская грамматика, 1980: 176-177]. Там же указано, что некоторые типы союзной связи создают конструкции, которые занимают «промежуточное положение между простым и сложным предложением» [Там же: 148]; к ним относятся, например, предложения с союзом *чтобы,* соединяющим глагол с субъектным инфинитивом цели: *Я пришел, чтобы проститься*. Предикативность второй части не является самостоятельной, но это не мешает исследователям восстанавливать недостающие элементы структуры.

Предложения другого типа: *Турист нашёл где остановиться; Сделаю что смогу; Я понял чем заняться; Запомнил где искать книгу; Школьник узнал что почитать летом* – тоже по-разному трактуются исследователями: и как простые, и как сложные. Н.Ю. Шведова рассматривает всю совокупность союзных выделительных средств (союзы, местоимения, частицы) как единый местоименный компонент, лежащий в основе образования модели и имеющий усилительно-указательное значение. Таким образом, инфинитив входит в местоимённое сочетание со значением определенности [Шведова, 1998: 19].

Сложное предложение состоит из частей, каждая из которых построена по той или иной формуле простого предложения и обладает предикативно-

стью. В.В. Виноградов писал: «Сложным называется предложение, представляющее единое интонационное и смысловое целое, но состоящее из таких частей, которые по своей внешней, формальной грамматической структуре более или менее однотипны с простыми предложениями» [Виноградов, 1975: 258]. Самостоятельные простые предложения – это всегда предикативные единицы. Следовательно, части сложного предложения тоже должны обладать и структурной близостью к простым предложениям, и предикативностью. Если нет этих признаков у обеих частей, связываемых подчинительным союзом, конструкцию нельзя считать сложным предложением. В.В. Виноградов критиковал попытки домысливать акцентируемый компонент до простого предложения в составе сложного: «Широко и необоснованно применялся принцип «подразумевания» недостающих до нормы и будто бы опущенных звеньев (или элементов), независимо от всякого обращения к контексту и ситуации… Таким образом, мысль отрывалась от слов, предполагалось наличие мыслей без слов» [Виноградов, 2001: 285]. То есть если у одной из частей нет признаков предикативной единицы, это не предложение, а группа словоформ, присоединённая союзом к основной части и сохранившая грамматические связи с предикативной основой.

Объяснить присутствие подчинительного союза в простом (монопредикативном) предложении можно двумя способами: наличием союзного оборота и включением союзов в состав предикативной основы.

Союзный оборот. Это грамматически организованная группа словоформ, которая вводится в состав простого предложения посредством подчинительного союза, ослабившего или утратившего свое прямое значение, или частицы, напротив, усилившей значение, и обозначает ситуацию, событие.

На эту функцию союза указывала М.Л. Ванслова: «Союзы иногда еще являются выражением логико-грамматических отношений обособленных

членов предложения к поясняемым ими словам» [Ванслова, 1958: 36]. А.Ф. Прияткина развила идею: «Союз выражает отношения между синтаксически оформленными частями текста (не только простыми предложениями), и связывает их в единое целое – конструкцию. Эта функция является для него первичной и определяет специфику данного класса слов, действующих на том же синтаксическом уровне. Другие функции являются для союза вторичными, в частности функция связи предложений в составе текста: этой цели служат специальные средства» [Прияткина, 1977: 106]. Таким образом, функции союза значительно шире, чем это принято считать. Кроме того, союз может ослаблять или утрачивать свое прямое значение и использоваться для сегментации частей простого предложения.

Ослабленный союз уже не может быть средством подчинения предикативных единиц. Оборот по своей грамматической структуре является словом или словосочетанием, а не самостоятельным предложением, так как не имеет грамматической основы. Однако оборот является носителем дополнительной предикативности и сохраняет грамматические связи внутри простого предложения.

Союзный оборот чаще всего является облигаторным, то есть семантически и структурно необходимым компонентом предложения. Цель конструктивного осложнения предложения – выделить часть высказывания, передать необходимые дополнительные оттенки усиления, ограничения и т.д. Поэтому мы считаем, что наряду с обстоятельственным и объектным бессоюзным оборотом следует выделять союзные, которые по значению могут быть сравнительными, целевыми, уступительными, выделительными.

Уступительный оборот с союзом *хотя* или частицей *хоть* ограничивает утверждение, содержащееся в основной части: *Не можем не хохотать, если кто из нас сострит, хотя бы неудачно (А.П. Чехов); Хоть и тяже-*

ленько, да придется, делать нечего, сам обещал (А.Н. Островский); Хорошо, что хоть поздно, а взялись за ум (М. Шолохов).

Выделительный оборот образуется союзными сочетаниями *если… то (так), если не, как не, только и... что: Если и есть на земле несчастная девушка, так это я (И.А. Бунин); Кому ж вдохновение дано, как не вам! (М.А. Булгаков); Только и радовался, что детям. (Разг).*

К союзным конструкциям как к ядру тесно примыкают другие, имеющие аналогичные синтаксические значения, например, конструкции со служебными словами, близкими по функции к союзу *(даже, в том числе, вернее, особенно* и др.), например: *Он никогда, даже в молодые студенческие годы, не производил впечатления здорового* (*А.П. Чехов*).

В этом аспекте может быть рассмотрена ситуация, когда предлог усиливает своё значение и становится средством подчинения не только словоформ, но и обособленного оборота, например, обособленного дополнения или обстоятельства: *Всё вокруг казалось белым, кроме черных поплавков (К. Паустовский); По каналам, за неимением дорог, можно пробираться в легком челне на десятки километров (К. Паустовский)*.

Очевидно, что нет четкой грани между собственно союзами и другими служебными словами, выполняющими союзную функцию.

Включение союзов в состав предикативной группы рассматривалось в лингвистической литературе, в частности, описаны конструкции с *как* перед именной частью сказуемого, типа: *Она была им как чужая; Он (край) как картины Левитана (К. Паустовский)*. Союз при таком употреблении утрачивает свои свойства, становится модальной частицей и осложняет составное именное сказуемое.

В ряду осложнённых форм простого глагольного сказуемого рассматриваются глагольные повторы, которые могут сопровождаться союзом или

частицей для еще большего акцентирования внимания на действии, например: *Сам работать не работает, да и другим мешает; Говорить, так говорите; Если идти, так идите.* Первый глагол как бы представляет действие в общем плане, а второй – в связи с конкретным субъектом. Одновременно инфинитив выполняет акцентирующую функцию.

Другим вариантом конструкций с акцентируемым сказуемым являются предложения, в которых для выделения использовано слово со служебным значением – «метаслово» – или «глагольное местоимение» [Краткий справочник по современному русскому языку], подобное местоимению в предложениях с акцентированным субъектом, объектом, обстоятельством. В предложениях с акцентируемым сказуемым в служебном значении употребляется глагол *делать, знать* или *заниматься* для обозначения интенсивности действия. Например: *Тем только всю жизнь и занимаются, что обманывают (А.Н. Островский); Только и делает, что на шею бросается (А.Н. Островский); Только и знаешь, что ходишь с места на место... (А.П. Чехов).*

Предложения с оборотами *только и делает, только и знает, только тем и занимается, что* представляют собой фразеологизированные построения. Н.Ю. Шведова отмечает, что лексически ограниченные сочетания с союзом *что* представляют собой устойчивую двуглагольную конструкцию, первая часть которой включает сложную частицу *только и* и глагол *делать, знать, заниматься* в форме настоящего или прошедшего времени, вторая часть (после союза) - лексически свободна. Значение таких конструкций – единственность и исключительность признака [Шведова, 1960: 209-210].

Подобные конструкции частотны в речевой практике, они активно используются для расчленения высказывания, усиления квалифицирующей семантики предиката. В частности, для указания на то, что нет такого явления или предмета, кроме названного подлежащим, к которому бы

относился признак, названный сказуемым, создаются предложения типа: *Только **одно** и **есть** для меня **утешение,** что **это** (выписывать переводные романы) (А.Н. Островский)*; *У тебя ведь **только и родни**, что **я** (И.А. Гончаров); Во всем ее лице только и **было хорошего**, что **глаза** (И.С. Тургенев).* Связка в форме единственного числа прошедшего времени среднего рода не обязательно предполагает подлежащее в форме среднего рода единственного числа.

Акцентированный союзом модальный глагол со значением желания в сочетании с инфинитивом соответствует составному глагольному сказуемому: *После куполов, крыш, окон и московских людей, которые стали мне ненавистны, если я чего и **хотел**, так только **жить** в своей собственной комнате (М.А. Булгаков); Если я о чем и **мечтал**, то только **видеть** Вас (А.И. Куприн).* Союз *если... то (так)* вносит семантику выделения одного детерминирующего желания, названного неопределенной формой глагола. Актуализаторами ремы в первой части предложения являются относительные местоимения *чего, о чем*. Ограничительная семантика усиливается за счет употребления частиц *и, только*.

Дискуссионным остаётся вопрос о месте конструкций с целевым инфинитивом, вводимым союзом *чтобы*: *Известное дело-с, **стараюсь, чтобы** все в порядке **держать-с** (А.Н. Островский); Впрочем, сколько я заметил, уж **не может** русский народ, **чтобы не потчевать** (А.Н. Островский).* Союз полностью утрачивает целевое значение. Первый глагол является модальным и выражает возможность-невозможность, желательность или неизбежность действия. Таким образом, создается подобие составного глагольного сказуемого, разделенного союзом *чтобы*. Союз является вторичным, добавочным средством связи, причем средством необязательным: без союза остается связь между глаголом и инфинитивом: *стараюсь держать, не может не потчевать*. Вариантом данной модели являются предложения

с модальным словом ***нет:*** *Так и пошло у них,* ***нет, чтобы сказать*** *жениху «милый» или «душечка», – «уморительный», и больше ничего (М.Е. Салтыков-Щедрин); Сидят, по уши в деньгах зарымшись, а* ***нет, чтобы*** *бедной девушке* ***помочь*** *(А.Н. Островский); А она* ***нет чтобы помолчать*** *– взяла да и рассказала обо всем (Разг.).*

Конструкции, построенные по модели: *Нам ежели бога* ***забыть****, творца нашего милосердного,* ***нельзя****, сударыня (А.Н. Островский); Ежели против наших* ***идти****, так это еще, брат,* ***погодить надоть*** *(А.И. Куприн) –* следует квалифицировать как односоставные безличные, ср.: *Нельзя забыть творца нашего милосердного; Надо погодить против наших идти…* Союз разделяет части главного члена односоставного предложения, по форме соответствующего составному глагольному сказуемому.

Таким образом, система видов и способов осложнения простого предложения представляется нам недостаточно сформированной и описанной. Полагаем, что понятие союзного оборота может уточнить некоторые спорные вопросы. Теория союзных оборотов может внести ясность и в школьную грамматику. Также нами выявлено и описано достаточное количество продуктивных моделей предложений с расчленённым, осложнённым союзом сказуемым. Разнообразие форм выражения составного сказуемого создаёт возможности для выражения различных оттенков значения, стилистической и эмоционально-экспрессивной окрашенности, а также расширяет перспективы дальнейших исследований.

Литература

1. Ванслова М.Л. О синтаксическом употреблении подчинительных союзов // Русский язык в школе. – 1958. – № 6. – с. 35-40.

2. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Исследования по русской грамматике. Избранные труды. – М.: Наука, 1975. – С. 258.

3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове, 4-е изд. М.: Рус.яз., 2001. С.285.

4. Краткий справочник по современному русскому языку / Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А.; Под ред. П.А. Леканта. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1995. 382 с

5. Лекант П.А. Развитие форм сказуемого // Очерки по грамматике русского языка. М., Издательство МГОУ, 2002. С. 148.

6. Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения: учеб. пособие для вузов . М.: Высшая школа, 1990. С.51.

7. Прияткина А.Ф. Об отличии союза от других связующих слов // Русский язык в школе. – 1977. – № 4. - С. 102-106.

8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. С. 468– 511с.

9. Русская грамматика // Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т.II. Синтаксис. С. 176-177.

10. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: АН СССР, 1960. С. 209-210.

11. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М.: Азбуковник, 1998.–176 с.

12. Южакова Ю.А. Псевдосложное предложение в современном русском языке: Дисс. ...к.филол.н. - Рязань, 1999. - 197 с.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Южакова Ю.А. – доктор филологических наук. доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания.

Адрес электронной почты: yu.yuzhakova@mail.ru

Л.В. Рыбачева

И.П. РАСПОПОВ О «СИСТЕМЕ СИНТАКСИСА И СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА»

Аннотация. В статье речь идет об адекватности лингвистической модели, по которой строится описание синтаксиса языка («система языка» в понимании И.П. Распопова) и ее соответствии реальным свойствам и чертам «синтаксической системе языка», анализируются связи морфологии и синтаксиса с опорой на морфологические категории языка (залог и лицо) в концепции И.П. Распопова и предлагается описание синтаксической системы языка по линии словообразовательных связей (в соотносительных конструкциях типа *Мы встретились случайно – Наша встреча была случайной*).

Ключевые слова: И.П. Распопов, система синтаксиса, синтаксическая система, связь словообразования и синтаксиса.

В книге «Методика и методология научного исследования» И.П. Распопов (1976) в качестве общих принципов методики научного исследования выделяет принцип консеквентности, т.е. «согласованности отдельных положений научной теории друг с другом», принцип объяснительной силы («научная тория должна быть построена таким образом, чтобы с ее помощью можно было интерпретировать (объяснить) возможно большее количество наблюдаемых фактов» и принцип оптимальности, т.е «к описанию и объяснению изучаемых объектов следует подходить наиболее экономным способом, принимая во внимание лишь те признаки и свойства, которые считаются для них в определенном отношении существенными (релевантными)» [Распопов, 1976: 22-24].

Особое значение И.П. Распопов придавал мысленному эксперименту, суть которого «заключается в том, что мы ставим изучаемый объект в такие идеальные условия, которые могут быть созданы только умозрительно», в частности исследователь может «испытывать» то или иное слово, ту или иную грамматическую форму …в различные условия употребления, что да-

ет возможность более глубоко проникнуть во внутренний механизм изучаемого языка» [Распопов, 1976: 17].

По мнению И.П. Распопова, в научном исследовании «особенно ценными оказываются отрицательные результаты проведенного исследования, которые при непосредственном наблюдении за фактами были бы просто не замечены» [Распопов, 1976: 17].

Не менее важным моментом для лингвистического описания является, по мнению И.П. Распопова, проблема адекватности лингвистической модели, по которой строится описание синтаксиса языка («система языка» в понимании автора) и ее соответствии реальным свойствам и чертам «синтаксической системе языка», о которой он писал в 1967 году в статье «Система синтаксиса и синтаксическая система языка» [Распопов, 2005: 91].

Блестящим образцом описания системы синтаксиса являются его труды «Строение простого предложения в современном русском языке» (1970), «Спорные вопросы синтаксиса» (1981).

Известно, что в синтаксической концепции И.П. Распопова ведущее место занимает разграничение двух уровней анализа предложения: конструктивно-синтаксического и коммуникативно-синтаксического [Распопов, 1964: 23], которые выражают две основные функции языка – функцию выражения мысли и функцию сообщения» [Распопов, 1967: 94]. С учетом соответствующих уровней в его классификации последовательно и непротиворечиво строится классификация простых предложений в русском языке, которая учитывает «взаимодействие отдельных частей языковой системы в целом, в частности связь между морфологией и синтаксисом, которая «проходит через конструктивно-синтаксический уровень» [Распопов, 1967: 96].

Так, в частности, рассматривая отдельные разновидности личных предложений, выделяемых по линии залоговых отношений, И.П. Распопов описывает следующие пары оппозиций:

1. Действительный оборот – страдательно-возвратный оборот (*Бухгалтер составляет смету – Смета составляется бухгалтером*).
2. Действительный оборот – пассивно-возвратный оборот (*Я вспоминаю эту историю – Мне вспоминается эта история*).
3. Действительный оборот – активно-возвратный оборот (*Мать моет ребенка – Мать моется*).
4. Действительный оборот – взаимно-возвратный оборот (*Отец обнимает сына – Отец обнимается с сыном*) [Распопов, 1970: 73-75].

Выделение двух уровней синтаксического описания предложения предполагает, по мнению И.П. Распопова, признание определенного рода взаимоотношений между синтаксисом и морфологией, так как «синтаксические конструкции складываются из отдельных словесных форм, в большей или меньшей мере опираясь на структурные свойства последних» [Распопов,1981: 18].

В связи с этим И.П. Распопов обращается к проблемам синтаксической деривации и синтаксической синонимии, выявляя при этом еще одно направление научного исследования – взаимодействие синтаксиса и словообразования при установлении отношений синтаксической производности.

Особый интерес представляют предложения типа *Мы встретились случайно – Наша встреча была случайной*, которые связаны словообразовательной производностью, показывая одну и ту же ситуацию с разных точек зрения, однако соотносительные предложения отражают разные коммуникативные намерения говорящего. Первое предложение – субъектно-агентивное предложение (в них позицию подлежащего занимает имя) – имеет значение агенса (реального или много производителя действия), а за-

нимающий позицию сказуемого глагол – значение действия, реализуемого данным агенсом. Вторые предложения относятся к субъектно-акциональным: в них занимающее позицию подлежащего отглагольное имя называет опредмеченное действие, а занимающий позицию сказуемого глагол (или сочетание вспомогательного глагола с прилагательным, наречием и т.п.) либо фиксирует различные формы опредмеченного действия, либо раскрывают те или иные особенности этого действия.

Поставленная цель предполагает выявление возможностей преобразования одних конструкций в другие путем замены одного компонента исходной конструкции другим, находящимся с ним в словообразовательной связи. В связи с этим особый интерес вызывают возможности преобразования конструкций с глаголами (активно-процессных предложений) в конструкции с именами действия, имеющими отличный конструктивно-синтаксический состав.

Функционально-семантическое тождество субъектно-агентивных и субъектно-акциональных предложений предполагает прежде всего их соответствие по линии модальных, темпоральных, аспектуальных и залоговых значений.

В рамках функционально-семантической категории модальности соотносительность двух типов конструкций устанавливается по линии объективной (реальной и гипотетической), предметной (иначе субъективной) модальности: *Она пела громко – Ее пение было громким; Иван мог ошибиться – У Ивана могла быть ошибка*, а также по линии субъективной модальности: *Вероятно, мы встретимся скоро – Вероятно, наша встреча будет скоро; Он действительно решил эту задачу – У него действительно есть решение этой задачи.*

Темпоральные значения субъектно-агентивной конструкции сохраняются в глагольном компоненте субъектно-акциональной конструкции, а

различные лексические показатели темпоральности употребляются в двух типах предложений: *В тот вечер они познакомились – В тот вечер состоялось их знакомство; Старик невнятно отвечает – Ответ старика невнятный; Мы встретимся завтра – Наша встреча будет завтра.*

Соответствие в выражении аспектуальных значений можно установить далеко не всегда. Имена действия не сохраняют вид соотносительного глагола. Из контекстных значений в анализируемых конструкциях может передаваться только кратное (*Они часто спорили – У них часто бывали споры*), «нулевое» (его обобщенно-фактический и частно-фактический варианты) (*Он не выступал – Его выступления не было*) и экспликативное значение) (*Они с минуту молчали – Их молчание продолжалось с минуту*) [Ломов,1977].

В передаче значений способов действия отмечаются две закономерности: в одних случаях, правда, крайне нерегулярно, некоторые значения способов глагольного действия сохраняются в семантике отглагольного существительного (например, значения статального (*волноваться – волнение, молчать – молчание*), прерывисто-смягчительного (*покрикивать – покрикивание*), взаимного (*перестукиваться – перестукивание*), длительно-смягчительного (*насвистывать – насвистывание*), сопроводительного (*присвистывать – присвистывание*), однократного (*кивнуть – кивок*) способов действия, в других случаях соответствующие значения воспроизводятся в глагольном компоненте субъектно-акциональной конструкции (например, значение ингрессивной начинательности – с помощью глаголов *появляться* / *появиться, возникать / возникнуть*, *наступать/ наступить;* значение инхоативной начинательности – с помощью глаголов *начаться / начинаться, становиться / стать,* значение результативности – с помощью глаголов *происходить / произойти, состояться / случиться*, значение ограничительности – с помощью глаголов *продлиться*).

Соотносительность субъектно-агентивных и субъектно-акциональных конструкций в выражении залоговых значений обеспечивается употреблением в каждой из них глаголов действительного залога: *Три дня они плыли по озеру – Их плавание по озеру продолжалось три дня; Внезапно он ощутил счастье – Внезапно появилось у него ощущение счастья; Он заинтересовался хоккеем – У него появился интерес к хоккею.*

Словоформы в значении подлежащего субъектно-агентивной конструкции соответствуют в субъектно-акциональной конструкции второстепенные члены предложения – определения (*Напрасно я тревожусь – Тревога моя напрасна*), дополнения (*Леночка пристрастилась к чтению – У Леночки появилось пристрастие к чтению*), обстоятельства (*Класс шумел – В классе был шум*).

Предложения в русском языке обладают различными возможностями синтаксической деривации. Как показывают наблюдения, на синтаксический потенциал конструкций с глаголом влияет принадлежность глагола к определенной лексико-семантической группе, его морфологические категории, а также конструктивный состав предложения, в частности наличие разного рода распространителей: наречия или предложно-падежных форм в функции квалифицирующего или ситуативного обстоятельства, детерминантов.

Рассматриваемые субъектно-агентивные и субъектно-акциональные предложения по-разному участвуют в организации коммуникативной перспективы предложения.

С учетом того, что соответствующие конструкции могут обозначать в связном тексте на одно и то же событие или разные события, различают 1) предложения с последовательной связью слов и 2) предложения с параллельной связью слов [Распопов, 1981].

Предложения первого типа представляют собой повторное обозначение события, как в примере*; Как в старину* ***открывали*** *земли, как астрономы открывали звезды, так писателю посчастливилось* ***открыть*** *человека: Есть великие* ***открытия*** *характеров: Гончаров* ***открыл*** *Обломова, Тургенев – Базарова, Сервантес- Дон-Кихота* (Гранин). В данном примере отглагольные имена производят смену тема-рематических компонентов текста, причем рема предшествующего предложения (глагол) соотносится с темой последующего предложения (отглагольное имя существительное). Следует отметить, что в соответствующих контекстах последовательного строя субъектно-агентивные предложения выполняют различные прагматические задачи: они уточняют временные, модальные характеристики действия. Например: *Мартайнен впервые за время службы* ***улыбнулся. Улыбка*** *у него была ослепительная и открытая* (Паустовский).

Что касается контекстов параллельного строя, то в них анализируемые предложения обладают особым прагматическим потенциалом. В субъектно-агентивном предложении обозначение действия служит фоном, на котором развертывается определённое событие. При этом между предложениями устанавливаются отношения простой смежности событий, например: *Сапожников пел и дурачился, а на душе было* ***предчувстви****е, что все плохо кончится и все разлетится* (М. Анчаров).

Чаще всего субъектно-акциональные предложения могут являться средством введения новой информации, то есть служить своего рода интродукцией к тексту. Например: *Уже перед самым уходом зашел у нас* ***разговор*** *с Багрицким о собаках, которых он любил, а я продолжаю любить до сих пор. Мне нравились довольно изысканные четвероногие, а Багрицкий предпочитал охотничьих, серьезных псов* (В. Инбер).

В субъектно-агентивных предложениях обозначается следствие, результат, уточнение действия, которое характеризует предшествующее субъ-

ектно-агентивное предложение. В этом случает используются: а) посессивные предложения, сообщающие о появлении у субъекта какого-либо состояния. Например: *Каждый раз, когда я перелистываю его стихотворные сборники, у меня возникает множество мелких, стариковских, никому не нужных* ***воспоминаний*** *о нем. Читая, например, его знаменитые строки: «ночь, улица, фонарь, аптека» – я* ***вспоминаю*** *Петербург, аптеку, принадлежащую провизору Винникову на Офицерской улице* (К. Чуковский): б) квалификативные предложения, в которых показывается изменение в протекании действия: *Потом внезапно наплывали облака, комната темнела. И* ***беседа*** *становилась то веселой, то слегка грустной* (В. Инбер); в) конверсные структуры: *Вот теперь Петр понял все. Понял – и такое* ***ожесточение*** *охватило его, что он взмок с головы до ног* (Ф. Абрамов).

Экспрессией в художественном тексте обладают те контексты, в которых встречается однородное сочинение имен и глаголов, одинаково относящихся к очевидному или устраненному неопределенно-личному субъекту. Например: *Потом тетя Дина уехала в Москву, вернулась, снова* ***прогулки, купание*** *в холодной речонке, снова сидели за самоваром, ели подогретые булочки, и тетя Дина играла на рояле «Времена года»* (Ю. Трифонов). Особой экспрессией обладают те тексты, в которых наряду с именами действия используется так называемая «событийная лексика», а также конкретно-предметные имена в событийном значении. Например: *В музее было тихо, безденежно и безнадежно, но зато невероятное* ***спокойствие****, а в институте началось:* ***обещанья, надежды, проекты, страсти, группировки, опасности*** *на каждом шагу* (Ю. Трифонов).

Таким образом, наши наблюдения подтверждают мысль И.П. Распопова: «В современной лингвистической литературе активно обсуждаются многие возможные пути познания и осознания явлений синтаксического строя языка

(в том числе явлений коммуникативного синтаксиса). Некоторые из них, быть может, не приведут к желаемым результатам. Но только в многообразии поисков – залог успешного развития науки, и это как раз весьма характерно для советского языкознания нашей эпохи» [Распопов, 1970: 26].

Литература

1. Ломов А.М. Очерки по аспектологии русского языка. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1977. – 139 с.
2. Распопов И.П Краткие очерки по русскому языку // Ученые записки. Курск. – 1970. – Т.72. – С. 20-26.
3. Распопов И.П. Методика и методология научного исследования (Методы синхронного изучения языка) / И.П. Распопов. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1970. – 108 с.
4. Распопов И.П. О предмете синтаксиса / И.П. Распопов // Вопросы общего и германского языкознания, Уфа: Издательство Башкирского университета. – 1964. – Вып.15. – С. 23-38.
5. Распопов И.П. Заметки о коммуникативно-синтаксических синонимах // Русский язык. – Известия Воронежского педагогического института, 1975. – Т. 150. – С. 5-9.
6. Распопов И.П. Спорные вопросы синтаксиса / И.П. Распопов. – Ростов: Изд-во Ростовского университета. – 1981. – 128 с.
7. Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке / И.П. Распопов. – М.: Просвещение, 1970. – 191 с.

Воронежский государственный университет

Рыбачева Лариса Васильевна, к.ф.н., доцент кафедры издательского дела

Адрес электронной почты: rybacheva@phil.vsu.ru

А.П. Бабушкин

МЫСЛЕННОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ АМФИБОЛИИ

Аннотация: статья посвящена устранению двусмысленности в случаях амфиболии при ее возникновении на лексическом и синтаксическом уровнях языка. Выявляются причины неоднозначности высказываний. Производится анализ примеров, подобранных для иллюстрации этого явления.

Ключевые слова: амфиболия, лексика, синтаксис, мысленное редактирование.

По определению А.М. Ломова, термин «амфиболия», восходящий к греческому слову «amphibolia» (двойственность, двусмысленность), соотносится с возможностью неоднозначного толкования высказывания, что создает неясность и требует его дополнительной интерпретации.

Причинами амфиболии являются либо случаи многозначности языковой единицы (*Книга упоминается в* ***ссылке***), либо вступают в действие синтаксические факторы, как то: порядок слов в предложении (*Купленные билеты вне кассы не действительны*) [Ломов 2004: 14].

Развернутый ряд примеров амфиболии (особенно ее синтаксического варианта) встречается в Словаре-справочнике лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой [Розенталь, Теленкова 1985, с. 15-17], часть которых дублируется на страницах интернета. В «глобальной паутине» также находим значительный набор образцов амфиболии как на уровне лексики, так и на уровне синтаксиса.

Переходя к конкретике, проиллюстрируем сначала случаи лексической амфиболии. К ним, помимо уже упомянутой многозначности, относятся факты омонимии, энантиосемии, то есть внутренней противоречивости слова (так, в составе фразы *Мы прослушали доклад* глагол означает «воспринять, осознать суть выступления», с одной стороны, тогда как, с другой,

«пропустить сказанное мимо ушей»), а также иные причины, вносящие путаницу в понимание.

На уровне синтаксиса двусмысленность высказывания может быть вызвана в результате пропуска той или иной лексической единицы (*Я не был на занятиях по причине врача* – опущено слово «посещения»); порой не понятно соотношение подлежащего и дополнения (*Продавцы преследовали воровку с утюгом*); имеет место неудачная местоименная замена; случаются казусы в соотнесении местоимения «который» с субъектами действий; возможно полное отсутствие знаков препинания, как в известной сентенции (*Казнить нельзя помиловать*).

Наша статья посвящена причинам и способам устранения многозначности, выражаемой амфиболией по отмеченной выше очередности, при этом ограничимся лишь некоторыми случаями ее проявления.

На фоне серьезного обращения к данной теме обратимся к примерам юмористического толка, так как именно благодаря смехопорождающему потенциалу амфиболия притягивает к себе внимание реципиентов – носителей русского языка.

Лексическая амфиболия. Учитывая то факт, что амфиболия чаще всего встречается в письменном формате, обратимся к ее образцу в тексте делового распоряжения: *Всех больных закапывать в 7 утра*. На секунду возникшее недоразумение снимается сопутствующей ремаркой: *Объявление в глазном отделении больницы.*

Дело в том, что слова *зака́пать и закопа́ть* обозначают разные действия, но форма глагольной лексемы *закапывать* действительно чревата двояким пониманием, о чем свидетельствует особая помета в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой.

Процедура ухода от возникшей путаницы совершается поэтапно по методике разграничения омонимов, продиктованной когнитивной психоло-

гией. Во-первых, подвергается сомнению начальное восприятие глагола *зака́пывать*; во-вторых, благодаря приписке, играющей здесь ключевую роль, становится понятной лечебная направленность объявления – оно написано по указу врача-офтальмолога; в-третьих, утверждается однозначный смысл слова *зака́пывать* – вводить по капле медицинский препарат. (Подробней об упомянутой методике см. по: Blackwell 1994, p.p. 171-172).

С теоретической точки зрения, в омонимии находит свое выражение принцип асимметрии языкового знака – один знак может нести несколько значений, а одно значение – передаваться несколькими знаками. (В нашем случае имеется в виду первая часть этого положения).

Интерес вызывают варианты, предполагающие «игру» омонимов в словаре двух примыкающих друг к другу предложений (*Под Новый год все **сбывается. Сбывается** даже то, что в другое время сбыть невозможно*), или – при таком же контакте двух предложений – в процессе подобной игры имеет место «обман ожидания» (*К одним женщинам требуется подход с **лаской**. К другим – лучше с соболем или норкой*).

Хотя в приведенных иллюстрациях говорится о лексической амфиболии, синтаксис не остается в стороне. Он обеспечивает структурную связь, которая позволяет контексту проявить омонимию.

Синтаксическая амфиболия. Перейдем к разбору амфиболии, встречаемой в синтаксических конструкциях. На этот раз рассмотрим выдержку из должностной инструкции:

*При обнаружении признаков пожара дежурный обязан доложить об этом руководителю предприятия или его заместителю и принять все меры к **их** ликвидации.*

Для адекватного восприятия данного наставления необходимо критически отнестись к сопоставлению двух существительных, обозначающих руководителей производства, с местоимением 3-го лица множественного

числа, поскольку оно связано с другими словами, а именно – признаками пожара.

В ключе синтаксической амфиболии воспринимаются и приводимые ниже примеры:

Дети выдаются отцам только в трезвом виде. Ясно, что «подшофе» могут находиться взрослые, поэтому фраза должна принять примерно следующую интерпретацию:

В нашем саду нетрезвым отцам дети не выдаются.

Предложение *Дети до пятилетнего возраста приходят в цирк на руках* не означает призыв к малышам превратиться в акробатов. Цирковому объявлению следует звучать иначе:

Дети до пятилетнего возраста не занимают отдельных мест, находясь во время представления на руках у родителей.

На мой взгляд, описанные случаи синтаксической амфиболии надо рассматривать с позиций семантики «возможных миров». Предлагается идея о конвергенции двух миров, один из которых является реальным, а другой – ирреальным, практически невозможным. «Ирреальный» – это «иной» мир, построенный на фантазии сознательно, или апеллирующий к «небывальщине» без прямого намерения, путем некорректного оформления мысли. Фантазия противопоставляется первичному (реальному) миру, ибо образы последнего не только присутствуют налично, но и не могут быть обнаружены в действительности [Бабушкин, 2001: 42].

Изначально ирреальный мир, объективируемый синтаксической амфиболией, выходит на первый план – это создает комический эффект. Что же касается сопряженного с ним реального мира, он (при кажущейся невыраженности) фоново присутствует, нуждаясь в вербальной реорганизации, чтобы из оппозиции «фигура»-«фон» перейти в статус «фигуры».

А.М. Ломов заканчивает разговор об амфиболии такими словами: «Амфиболия может быть непреднамеренной (и тогда это ошибка), так и преднамеренной (тогда это стилистический прием, используемый мастерами слова в целях создания комизма») [Ломов, 2004:14].

Как показывают собранные нами примеры, ошибки подобного рода допускаются в объявлениях, приказах, инструкциях и других «продуктах бумаготворчества». Канцелярский язык допускает погрешности в результате поспешности, невнимательности и, в конечном итоге, безграмотности.

Создателями преднамеренной амфиболии оказываются и признанные мастера слова, и авторы экзерсисов-миниатюр смехового жанра, выступающие под рубрикой «Нарочно не придумаешь».

Однако и в том, и в другом случае амфиболия предстает в качестве предмета мысленного редактирования людьми, обладающими одновременно чувством языка и чувством юмора.

Литература

1. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 86 с.
2. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 400 с.
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: «Просвещение», 1985. – 399 с.
4. The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / Ed. By M.W. Eysenck. – Cambridge. Massachusetts: Blackwell Publishers, 1994. – P.:390.

Воронежский государственный университет

Бабушкин Анатолий Павлович – доктор филологических наук, профессор.

Адрес электронной почты: anatoly.babushkin49@mail.ru

Т.Н. Голицына

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРАТКИХ РАССКАЗОВ И.А. БУНИНА

Аннотация: в данной статье анализируются грамматические особенности одного из цикла кратких рассказов И.А. Бунина «Маска» (1930). В тексте рассказа автор использует удостоверительно-вопросительное предложение, которое требует в ответе утверждения или отрицания. В качестве ответной реплики употреблено общеотрицательное предложение. Кроме того, в тексте используются бессоюзные сложные предложения, назначение которых состоит в том, чтобы показать истинное положение дел, истинное состояние героини. Используются высказывания, которые противоречат друг другу. Ведущую роль в тексте играют сенсорные квалификаторы, которые выражены наречиями и именами прилагательными.

Ключевые слова: И.А. Бунин, краткие рассказы, наблюдатель, перцепция.

Как известно, краткие рассказы И.А. Бунина занимают особое место в его творчестве. Они чрезвычайно малы по объему, некоторые из них составляют одну страницу. Очень точно и убедительно охарактеризовал краткие рассказы Владислав Ходасевич: *«Отрывки, почти или вовсе лишенные сюжета, небольшого размера. Здесь воистину формат становится содержанием, и по замыслу, и по блестящему выполнению. Бунин дает вещам и событиям новые имена»* [Бунин, 1956: 534].

Краткие рассказы И.А. Бунина уже находились в сфере интереса исследователей. Так, анализу некоторых из них была посвящена творческая мастерская «Краткие рассказ: фрагменты и целое» [И.А. Бунин в начале XXI века, 2005: 68-107].

Цель настоящей работы состоит в рассмотрении грамматических особенностей рассказа И.А. Бунина «Маска». В рассказе «Маска» (1930) события разворачиваются в ресторане Николаевского вокзала, самый центр Петербурга, зимний вечер. Вокзал выбран в качестве локальной сферы текста

не случайно: вокзал – это место, где все спешат, многолюдно, встречи случайны, все эфемерно. В рассказе три персонажа: герой-рассказчик, молодая женщина, которая выдает себя за светскую даму и жену офицера, молодой офицер.

Героиня попадает в поле зрения субъекта («я») случайно. И своеобразным первотолчком для их взаимодействия становится вопрос героини в форме вопросительно-удостоверительного предложения: *«Вы не знаете, были сегодня в вечерних газетах вести с фронта?»* [Бунин, 1987: 575], требующего в ответе утверждения или отрицания. Ответ собеседника отрицательный: *«Не видел вечерних газет, не могу вам сказать»* [Бунин, 1987: 575]. Используется общеотрицательное повествовательное предложение [Распопов, Ломов, 1984: 325-330]. Между тем у рассказчика появляется потребность объяснить причины, которые побудили его рассказать о том, почему он стал участником описываемых событий. Герой – первое лицо «я» как бы ставит перед собой задачу раскрыть объект восприятия – второго персонажа изнутри, занимает позицию наблюдателя [Золотова, 1996: 284-287]. Вербальным средством представления пропозиции восприятия выступает глагол зрительного восприятия «поглядывать», то есть смотреть время от времени: *«Я обедаю и порой поглядываю на нее»* [Бунин, 1987: 575]. При этом он испытывает эмоциональное состояние *«тайного любопытства»*, но это желание, по всей видимости, праздное, сопутствующее основному занятию: *«обедаю»*. В качестве квалификатора используется наречие *«порой»*, которое подчеркивает и углубляет семантику предиката *«поглядываю»*.

В зоне перцепции автора оказывается внешность героини. Так, он делает акцент на избытке косметики на ее лице. При этом несколько раз повторяются наречия «густо»: *«Глаза ее густо подведены темной синью»*, *«Лицо густо напудрено»* [Бунин, 1987: 575], используется парадоксальное,

на мой взгляд, сравнение в форме творительного падежа имени существительно *«точно известью»*. Сравнения с ядовитым веществом еще больше усиливает отталкивающее впечатление от образа героини.

Семантика зрительной перцепции представлена также синтаксическими конструкциями: *«все выше поднимает брови»* [Бунин, 1987: 575], *«сдвинув брови»* [Бунин, 1987: 575], что свидетельствует о мимических реакциях героини, желании вступить в контакт. В фокусе внимания наблюдателя оказываются ее руки: они крепки и крупны, *«с выпуклыми острыми ногтями»*, что совершенно не соответствует идеалу женской ручки дамы из высшего общества.

Семантика звукового восприятия реализуется в тексте с помощью наречий *«грустно», «сухо»* и предиката *«говорит»*, которые характеризуют звук и особенность его распространения: *«Говорит она сухо, грустно», «говорит еще суше»* [Бунин, 1987: 575], то есть печально и лаконично.

Обонятельное восприятие оказывается, по всей видимости, доминирующим при характеристике героини: *«Духи пахнут тяжко, собакой»* [Бунин, 1987: 576]. Высказывание *«духи пахнут тяжко, собакой»* может иметь несколько интерпретаций. Во-первых, неприятные духи с запахом псины могут свидетельствовать о дурном вкусе героини; во-вторых, это сигнал бедности, неустроенности, духи потеряли нормальный запах потому, что они старые.

Перцептивную семантику текста репрезентирует и восприятие поведения героини. В этом случае находят отражение оценочные характеристики, объединенные общим семантическим признаком «неистинный, ложный»: *«Делает вид спокойствия», «притворяется, что читает газету», «так нейдет к ней газета, так не привычно и не нужна она ей»* [Бунин, 1987: 576]. И как высшее проявление ироничного отношения рассказчика используется бессоюзное сложное предложение: *«Она же притворяется, что*

внимательно читает газету: заказала отбивную котлету с гарниром» [Бунин, 1987: 576], между частями которого устанавливаются совершенно парадоксальные отношения. Вторая часть не уточняет и не раскрывает значение первой, ее назначение состоит в том, чтобы показать истинное положение дел – газета лишь атрибут и было бы совсем неудивительно, если бы она держала ее кверху ногами. Говорящей деталью становится жест – *«изысканно отставленный мизинец»* как признак аристократических манер, реплика, имитирующая речь иностранки: *«чашечку шорного кофэ, пожалуйста»* [Бунин, 1987: 575].

Важным элементом квалификации героини становятся высказывания, которые противоречат друг другу. В первом из них она говорит, что беспокоится о муже, находящемся на фронте, и называет его летчиком. Второе высказывание адресовано молодому офицеру, и в нем героиня называет своего мужа артиллеристом и говорит, что он смертельно ранен в бою, и эти противоречия свидетельствуют о том, что у героини вообще нет мужа – ни летчика, ни артиллериста.

Рассказ И.А. Бунина носит название «Маска», эта же лексема завершает текст: *«Я только слишком хорошо умею носить маску!»* [Бунин, 1987: 576]. Как известно, это слово обладает несколькими значениями, среди которых фиксируется значение «притворство, скрывающее истинную сущность чего-либо». Таким образом, маска становится сигналом недостоверности, мнимого бытия героини, которая хочет представить себя изысканной дамой в ореоле загадочности, которая грустит о муже, но переносит свое состояние с большим достоинством. Но проницательный рассказчик-наблюдатель обнаруживает в образе героини второе «я». Он прочитывает неудавшуюся судьбу и одиночество, немолодую непрезентабельную женщину, которая мечтает вырваться за пределы своего низкого бытия, хотя бы на вечер, побыть не собой, другой, прожить другую судьбу, вступить в зону

«возможного мира», иллюзорного, но интересного, наполненного событиями, хотя бы ненадолго просуществовать в «кажимости». Зона «кажимости», зона «возможного мира» позволяет определить ситуация восприятия. Именно рассказчик-наблюдатель проникает в чужое сознание [Остин, 1987: 48-96], разграничивает подлинное и мнимое бытие героини. К постижению данных феноменов подключены зрение, слух, обоняние. Объектами восприятия становятся соматизмы: лицо, глаза, руки, ногти; особенности звучания голоса, предметы: духи, противоречивые высказывания. При этом ведущую роль играют сенсорные квалификаторы – это наречия *густо, сухо, печально, тяжко*; имена прилагательные: *крупны и крепки;* словоформы творительного падежа имен существительных: *точно известью, собакой*.

Своеобразен и необычен костюм героини: *«На ней синяя поддевка на белом барашке и папаха»* [Бунин, 1987: 576]. Как известно, поддевка – это мужская одежда, род пальто в талию, папаха – высокий головой убор, тоже мужской. Создается впечатление, что и выбор одежды тоже маскарад, переодевание.

Несмотря на то, что причиной наблюдения автора и анализа образа героини послужило обычное любопытство, его оценки чрезвычайно точны, но, вместе с тем, они категоричны и жестки. Автор специально разоблачает свою визави. И для него маска, которую с гордостью носит героиня, является псевдомаской.

Исследование противоречивости человеческой личности – это одна из главных проблем творчества И.А. Бунина. Большого художника, естественно, не может не притягивать тайна человеческой души, которую он разгадывал всю свою жизнь.

Литература

1. Бунин И.А. Собрание сочинений в шести томах. Том 4. / И.А. Бунин. – М : Издательство художественной литературы, 1987. – с. 575-576.

2. Бунин И. А. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. / И. А. Бунин. – М : Правда, 1956. – С. 534.
3. Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество: Сб. науч. тр. к 70-летию. В.П. Григорьева. - М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 287-297.
4. И.А. Бунин в начале XXI века: материалы и статьи Межвузовский сборник научных трудов, посвященный творчеству писателя. – Воронеж: Издательский дом «Кварта», 2005. – с. 68-107.
5. Остин Дж. Л. Чужое сознание // Философия, логика, язык. - М.: Прогресс, 1987. – С. 48-96.
6. Распопов И.П. Основы русской грамматики : Морфология и синтаксис / И.П.Распопов, А.М.Ломов. – Воронеж : Издательство Воронеж. ун-та, 1984. – С. 325-330.

Воронежский государственный университет
Голицына Т.Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Адрес электронной почты: rusling.vrn@mail.ru

В.К. Голубева

ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ИЗОСЕМИЧЕСКИХ – НЕИЗОСЕМИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В АДВЕРБИАЛЬНОЙ СФЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: в статье рассматриваются современные направления разработки понятия изосемии / неизосемии, введенного Г.А. Золотовой: дискурсивно-стилистическое, лингводидактическое, переводоведческое и структурно-семантическое. Основное внимание уделено параметризации изосемических и неизосемических адвербиалов русского языка: выделяются бинарные оппозиции параметров (компактность – аналитизм, синтаксическая однозначность – синкретизм и др.), позволяющих описать корреляцию наречий и предложно-падежных форм в адвербиальной функции.

Ключевые слова: наречие, предложно-падежная форма, изосемия и неизосемия, грамматическая синонимия, функциональная грамматика.

Вопросы инвентаризации и целостного представления возможных реализаций заданного содержания, тесно связанные с проблемами грамматической правильности и коммуникативной целесообразности высказывания, на протяжении длительного времени остаются в центре внимания лингвистической теории. Стремление выявить закономерности соотнесения смысла с его формальным выражением мотивировало создание различных научных течений, среди которых особое место занимает русская функциональная грамматика. Если говорить о школах в ее рамках, то можно выделить Санкт-Петербургскую (Ленинградскую) (во главе с А.В. Бондарко), Воронежскую (З.Д. Попова), Московскую лингводидактическую (М.В. Всеволодова) и Московскую коммуникативно-функциональную школы. Постулаты последнего направления, связанного с именем Г.А. Золотовой, составляют теоретическую основу данного исследования.

Представители каждой из названных школ выработали собственный метаязык описания. В грамматике Г.А. Золотовой ключевыми стали понятия коммуникативного регистра, синтаксемы, типового значения предложе-

ния, изосемии – неизосемии и др. Изосемия – неизосемия отражает (не)соответствие категориального класса слова тому, какие объекты и явления действительности оно репрезентирует (его денотативной роли) [Золотова, 1982: 126; Золотова, 1998: 44, 109]. Изосемические слова и конструкции реализуют прототипический (прямой) способ номинации данного смысла, а неизосемические, соответственно, – непрототипический (косвенный). Хотя авторы фундаментальной «Коммуникативной грамматики русского языка» выявили ряд определяющих характеристик изосемии / неизосемии, совокупность признаков, качественно отличающих изосемические слова (конструкции) от неизосемических, явно (в виде перечня) в монографии не формулируется. Дефиниция данных феноменов детальнее раскрывается через анализ конкретных лексико-грамматических классов и синтаксических выражений. Например, показаны различия высказываний *Специалисты* ***наблюдают*** *за проснувшимся вулканом – Специалисты* ***ведут наблюдения****...*; *Игра его* ***четка*** *и* ***темпераментна*** *– Игру его* ***характеризует четкость*** *и* ***темпераментность***, в которых нейтральный глагольный или адъективный предикат противопоставляется предикату, сформированному глаголом-компенсатором и отвлеченными именами действия, состояния, качества, принимающими основную категориально-семантическую нагрузку [Золотова, 1998: 72]. Между тем задача исчерпывающего описания конкурирующих структур с опорой на понятия изосемии / неизосемии в рамках одной книги представляется принципиально невыполнимой. Отказ от стремления к полной каталогизации средств русского языка в обозначенных аспектах и установка на выявление оснований анализа, открывающих возможности для дальнейших исследований, были осознанной методологической позицией авторов [Золотова, 1998: 3]. Сформулированные в «Коммуникативной грамматике» положения и предложенные там аналитические решения оказались продуктивными: на их основе в

современной лингвистике развивается ряд направлений, в которых (не)изосемия получает дальнейшее осмысление.

При изучении этого явления в **дискурсивно-стилистическом** аспекте ученые обращают основное внимание на распределение синтаксических моделей по функциональным стилям, жанрам и типам дискурса. Само наблюдение о закрепленности языковых средств за типовыми коммуникативными сферами предшествует введению понятий изосемии / неизосемии, однако в рамках концепции Г.А. Золотовой оно получает системное теоретическое осмысление как проявление закономерных соотношений между смыслом и способами его грамматического выражения. Особый интерес представляют прагмастилистические эффекты, возникающие при отклонении от синтаксического «оптимума», продиктованного стилевым / жанровым каноном, то есть при сознательном или непреднамеренном нарушении коммуникативных ожиданий (см. [Норман, 2021]).

В трудах **лингводидактической** направленности [Всеволодова, 2017: 75–78; Ларина, 2023; Еремеева, 2025] противопоставление изосемических и неизосемических средств оказывается значимым с точки зрения изучения в первую очередь неродного языка. Изосемические конструкции, как правило, легче воспринимаются инофонами благодаря наличию формальных коррелятов в их родном языке; неизосемические структуры, наоборот, сложнее поддаются усвоению [Всеволодова, 2017: 78]. В то же время владение средствами обоих типов, умение варьировать их с учетом жанрово-стилистических условий и речевых задач свидетельствуют о сформированности коммуникативной компетенции иностранных обучающихся.

Одной из актуальных проблем **переводоведения**, или транслатологии, являются способы передачи синтаксически соотнесенных структур в оригинальных и переводных текстах. Сопоставление различных переводов одного текста позволяет выявить предпочтительные переводческие страте-

гии, оценить степень адекватности воспроизведения авторского замысла с учетом ресурсов языка перевода, а также определить функциональную оправданность тех или иных отступлений от структур языка оригинала (см. работы [Уржа, 2009; Уржа, 2011]).

Наконец, **структурно-семантическое** изучение явления предполагает системное описание собственно языковых свойств изосемических и неизосемических средств. Реализация дискурсивно-стилистического, лингводидактического и транслатологического подходов в значительной степени опирается на результаты такого анализа: выявление структурно-семантической организации и функционального потенциала соотносительных единиц создает основу для их интерпретации в конкретных речевых практиках. В рамках данного направления выполняются как ***сопоставительные*** исследования, устанавливающие специфику распределения изосемических и неизосемических слов / выражений в разных языках (см., например, [Ларина, 2023]), так и ***дескриптивные*** работы, уточняющие степень прототипичности слова в пределах своей части речи, описывающие условия конкуренции и взаимозамены разнооформленных средств в одном языке [Соловьева, 2021; Кошкарева 2021; Панков, 2011[4]].

Наше исследование выполнено в русле структурно-семантического подхода. В центре внимания находится адвербиальная сфера русского языка, недостаточно описанная в терминах изосемии и неизосемии. Выделяя бинарные оппозиции параметров, характеризующих изосемические / неизосемические средства, мы рассматриваем особенности корреляции наречий и предложно-падежных форм, функционирующих в адвербиальной позиции: *воодушевленно – с воодушевлением воскликнул*, *одухотворенно –*

[4] Ф.И. Панков развивает положения лингводидактического направления М.В. Всеволодовой, тем не менее многие его труды представляют собой системно-языковое описание. Эти наработки затем успешно используются в преподавательской практике на занятиях по РКИ.

в одухотворении воспарил, *иронично – не без иронии прочел*, *вежливо – из вежливости поднес* и т. д.

- **Непосредственность – опосредованность выражения денотативного содержания**. Прямой способ номинации реализуется единицей, категориальные свойства которой не вступают в противоречие с предписанной ей функцией, вследствие чего не требуется «преодоления» ряда ингерентных семантико-грамматических характеристик изосемического средства. Наречие, как известно, представляет собой производный, вторичный знак. Для кодирования им семантики образа действия языковая система формирует деривационную базу, в которой сохраняются лишь компоненты значения, релевантные для выполнения данной семантической функции, – при этом предметные семы, если они имелись, элиминируются. Нельзя отрицать наличие в русском языке т. наз. относительных, или аспектных, наречий (***стилистически*** *окрашенный*, ***экологически*** *устойчивый*) [Кустова, 2019; Савелова, 2009: 27, 77], наречий сравнения и уподобления (*по-волчьи* – ‘как волк’) [Голубева, 2018], у которых эти семы в том или ином виде сохраняются благодаря семантико-деривационным отношениям данных лексем. Можно говорить и о способности некоторых наречий выражать актантные значения, т. е. замещать «предметных» участников высказывания (***побригадно*** *раздали конверты* ‘каждой бригаде’, ***природно*** *созданная скважина* ‘природой’ [Дегальцева, 2021: 471–478; Хорук, 2010: 51–56]). Несмотря на это, основной массив адвербиальной лексики явно, без «наслоения» иных смысловых множителей, репрезентирует семантику качества, свойства, состояния и т. д. В сравнении с такими качественно-отвлеченными знаками существительные характеризуются «вещественностью». Использование субстантивов в адвербиальной функции возможно лишь при достаточной абстрактности их значения, позволяющей в некоторой степени

нивелировать влияние морфологической формы, которая, напротив, актуализирует предметные семы имени независимо от его лексической семантики (ср.: «Грамматическое значение предметности объединяет все существительные, “подавляя” частные лексические различия» [Буланин, 1976: 29]). Итак, опосредованность выражения денотативного содержания проявляется в случаях, когда некоторые категориальные свойства части речи затрудняют выполнение словом неизосемической функции.

- **Компактность (структурная простота) – аналитизм (развернутость)**. Синонимичная наречию субстантивная конструкция включает по меньшей мере два компонента, иными словами, налицо противопоставление лексемы-наречия и конструкции – неоднословной единицы. Однословные, или падежные, формы практически не коррелируют с наречиями, подобные соответствия единичны:

(1) ***Ошибкой*** *попал я сюда – не именно в темницу, – а вообще в этот страшный, полосатый мир* <...> [В. В. Набоков. Приглашение на казнь (1935–1936)][5] = ***ошибочно*** *попал я сюда.*

Можно говорить и о трехкомпонентных синонимах наречий: в таких случаях предлог и падежная форма употребляются с препозитивной отрицательной частицей: ***не без*** *печали – печально произнесла*, ***не без*** *насмешки – насмешливо назвал прислугой*. Наконец, наречие как относительно лаконичная единица обеспечивает самодостаточное выражение адвербиального признака без привлечения распространителей, в то время как существительные тяготеют к присоединению одного или даже нескольких модификаторов, как в контексте (2), что усиливает структурный контраст изосемических и неизосемических адвербиалов (подробнее см. в [Голубева, 2024]).

(2) *С точки зрения сюжета или трюка это была мимолетная актерская чепуха, но выполненная* ***с такой филигранной психологической выра-***

[5] Контексты с указанием источника приводятся нами по НКРЯ.

***зительностью**, а главное, **убийственной достоверностью**, что я запомнил этот этюд на всю жизнь* [Марк Захаров. Суперпрофессия (1988–2000)].

- **Функциональная центрированность (специализация) – функциональная децентрированность (полифункциональность).** Наречию как части речи русская грамматика во многофункциональности не отказывает: оно может быть не только примыкающим к глаголу словом, но и, например, присубстантивным модификатором (*На нем **рубашка наизнанку** выглядела забавно*), предикатом (*Дети были **босиком***), дуплексивом / вторичным предикатом (*Дети **стояли босиком***). Однако для ядерных и самых многочисленных представителей адвербиального класса – качественных наречий на *-о/-е*, которые и коррелируют с синонимичными предложными группами, – эти позиции закрыты: *Над головой стоит **легкий шум** – *Над головой стоит **шум легко*** (при существительных наречие занимает, как правило, постпозицию; в норме субстантивы модифицируются не наречиями на *-о/-е*, а прилагательными); *Ночь **нежна** – *Ночь **нежно**; *Ночь стала **нежно**; Мать вышла **расстроенной** – *Мать вышла **расстроенно***. (Статус главного члена односоставного безличного предложения типа *Мне **спокойно*** остается дискуссионным, поэтому бесспорно расширять функционал наречий на *-о/-е* за счет данной позиции не представляется обоснованным.) Напротив, для предложно-падежных форм, способных употребляться вместо наречий, характерен целый ряд синтаксических позиций: дополнения (3), предиката (4), дуплексива (5) и др. (предложно-падежные формы разных моделей с разной активностью используются в перечисленных синтаксических функциях).

(3) *– А шакал продал вас за карточный долг и обещание вашего кресла, – голос Чанга состоял **из презрения** и **ярости*** [Грэй Ф. Грин. Кетополис – Киты и броненосцы (2001)].

(4) *Но лицо* ***не без наивности****. И даже* ***не без детскости*** [Сергей Юрьенен. Покер с Ильичом // «Столица», 1997.04.01].

(5) *Из командировки на Урал Борис Семенович Хитрук вернулся* ***в смятении*** [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019].

Такая синтаксическая разноплановость предложных групп приводит к деконцентрации адвербиальной функции в общей системе их употреблений, что лишает предложно-падежные формы роли специализированного глагольного модификатора.

- **Синтаксическая однозначность – синкретизм (усложненность синтаксических связей)**. Анализ взаимодействия адвербиалов с другими компонентами высказывания показывает, что даже изосемическое наречие не исключает **семантической** связи с другими, помимо глагола, элементами. Это наблюдается, например, при квалификации наречием поведения лица, когда через характеристику действия оценивается и поступок субъекта, и его свойство, т. е. актуализируется в т. ч. адъективная семантика (6). Расхождение семантического и синтаксического векторов наречия ярко проявляется при синтаксическом смещении (гипаллаге) [Манчинова, 1999; Волынец, Голубева, 2021: 111], при этом признак прилагательного переносится в адвербиальную позицию в экспрессивных целях (7). Тем не менее формально в этих случаях наречия сохраняют свою категориальную принадлежность и отнесенность к глаголу. В отличие от них, неизосемические предложно-падежные формы могут проявлять **синтаксическую** двунаправленность: они способны одновременно ориентироваться и на субъект, обозначая его качество или состояние, и на предикат, конкретизируя сферу проявления этого качества или состояния (8).

(6) *Его [архива] героический хранитель, Эйдан Мэкки,* ***гуманно*** *предложил поесть, и мы пошли в паб «Белая лошадь»* [Н. Л. Трауберг. Сама

жизнь (2008)] – ‘Эйдан Мекки обладает гуманностью, гуманный’ и ‘Эйдан Мекки поступил гуманно, предложив поесть’.

(7) *В ком жив полет влюбленный, / **Крылато** сердце бьется <...>* [М. А. Кузмин. Зеленая птичка: «В ком жив полет влюбленный…» [Вокруг, 5] (1921)] – ***крылато** бьется ← **крылатое** сердце.*

(8) *Вечером он [Анненков] пришел сам и очень подробно, **со** свойственными ему **вкрадчивостью** и **покорностью**, объяснял нарядную картину.* [А. Н. Бенуа. Дневник (1918)] – ‘Анненкову свойственна вкрадчивость и покорность, он вкрадчивый и покорный’ (связь с именем) и ‘Анненков вкрадчиво и покорно объяснял’ (связь с глаголом).

- **Нейтральность – стилистическая маркированность (экспрессивность)**. В отличие от типичных средств, иллюстрирующих оппозицию изосемии и неизосемии (*Мальчик **впечатлителен** – Мальчик **отличается впечатлительностью***; *Лаборанты **испытывают** новый прибор – Лаборанты **ведут испытания** нового прибора* [Золотова, 1998: 72, 110]; *Юный спортсмен **бегает быстро** – **Бег** юного спортсмена **быстр*** [Панков, 2011: 10]), анализируемые адвербиалы в стилистическом отношении не демонстрируют жесткого противопоставления. Тем не менее в целом можно говорить о большей сдержанности выражения признака посредством наречия, с одной стороны, и о большей стилистической нагруженности предложно-падежных форм, склонных к экспрессивному усложнению, риторической акцентуации и утяжелению высказывания – с другой. Если абстрагироваться от случаев, когда наречие и предложная группа различаются по значению, можно заметить, что субстантивная форма может выступать показателем интеллектуализации или архаизации речи, средством повышения семантического веса признакового компонента за счет отказа от лаконичного способа кодирования смысла в пользу менее тривиального и более развернутого (особенно при наличии

распространителей). Наречие чаще обозначает признак, не выводя его в коммуникативный фокус; вне прагматически заданных условий оно функционирует как нейтральное и экономное средство. Предложно-падежная форма, особенно в модифицированном виде, наоборот, представляет собой отклонение от прагматической экономии речи и приобретает статус, если воспользоваться выражением Б.Ю. Нормана, «дискурсивного знака» [Норман, 2021: 42], т. е. маркированного элемента высказывания.

В заключение подчеркнем, что выделенные параметры изосемии – неизосемии, позволившие нам противопоставить разнокатегориальные адвербиалы, неодинаковы с т. зр. их универсальности, т. е. применимости к характеристике иных классов слов и конструкций. Вместе с тем признаки, оказывающиеся релевантными при сопоставлении других коррелирующих средств, могут не обеспечивать столь же отчетливой дифференциации наречий и предложно-падежных форм. Это позволяет сделать вывод о вариативности параметризации изосемии – неизосемии в зависимости от сопоставляемых единиц: при сохранении общего принципа соотношения формы и семантики конкретный набор дифференцирующих признаков определяется спецификой рассматриваемой функционально-семантической области.

Литература

1. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии / Л.Л. Буланин. – М.: Просвещение, 1976. – 207 с.

2. Волынец Т.Н. Наречие в поэтическом тексте: лексико-грамматическое своеобразие и художественно-изобразительные возможности / Т.Н. Волынец, В.К. Голубева. – Минск: РИВШ, 2021. – 280 с.

3. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка / М.В. Всеволодова. – М.: URSS, 2017. – 656 с.

4. Голубева В.К. К вопросу о роли относительных прилагательных в словообразовании наречий / В.К. Голубева // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: традиции и инновации: материалы междунар. научно-практ. конф., посвящ. 70-летию Института иностр. языков, Москва, 22–24 нояб. 2018 г.: в 2 ч. / Моск. гос. пед. ун-т; редкол.: М.Я. Блох [и др.]; под ред. Е.А. Никулиной, Е.Е. Беляевой. – Москва, 2018. – Ч. 1. – С. 50–57.

5. Голубева В.К. Модификаторы наречий и предложно-падежных форм в адвербиальной функции: семантика и потенциал / В.К. Голубева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2024. – № 4. – С. 7–17.

6. Дегальцева А.В. Наречия образа действия в разных сферах общения современного русского общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла предложения: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 / А.В. Дегальцева; Саратов. нац. исследов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2021. – 638 с.

7. Еремеева Д.А. Отаббревиаты в теории и практике преподавания русского языка как иностранного / Д.А. Еремеева // Stephanos. – 2025. – № 1 (69). – С. 87–91.

8. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А.Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

9. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.

10. Кошкарева Н.Б. Изосемические высказывания с семантикой качественной характеризации и их неизосемические экспрессивные синонимы / Н.Б. Кошкарева, И.И. Бакайтис // Сибирский филологический журнал. – 2021. – № 1. – С. 293–307.

11. Кустова Г.И. Относительные наречия в контексте глаголов и прилагательных (по данным Национального корпуса русского языка) / Г.И. Кустова // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2019. – № 21. – С. 126–141.

12. Ларина О.Р. Сопоставительный анализ контекстуальных парадигм русского числительного *четыре* и его английского эквивалента *four* / О.Р. Ларина // Филологический аспект. – 2023. – № 4 (96). – С. 129–134.

13. Манчинова Н.В. Стереотипность и творческий характер деривации гипаллаги в поэтическом тексте / Н.В. Манчинова // Стереотипность и творчество в тексте / ред. М.П. Котюрова. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1999. – С. 236–252.

14. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru. Дата последнего обращения 10.04.2026.

15. Норман Б.Ю. Синтаксис как объект пародии / Б.Ю. Норман // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 40–51.
16. Панков Ф.И. Контекстуальная парадигма наречий (фрагмент лингводидактической модели русской грамматики) / Ф.И. Панков // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2011. – № 2. – С. 7–29.
17. Савелова Л.А. Аспекты прагмасемантического описания системы русского наречия / Л.А. Савелова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2008. – 232 с.
18. Соловьева А.А. Понятие изосемии в изучении синтаксиса новогреческого языка / А.А. Соловьева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 2. – С. 25–30.
19. Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики / А.В. Уржа. – М.: Спутник+, 2009. – 293 с.
20. Уржа А.В. Использование понятия изосемии в изучении синтаксиса и стиля переводных текстов / А.В. Уржа // Мир русского слова. – 2011. – № 4. – С. 21–25.
21. Хорук К.М. Роль обстоятельств образа действия в организации семантической структуры русских простых предложений: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / К.М. Хорук; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2010. – 204 с.

Белорусский государственный университет
Голубева В.К. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Адрес электронной почты: victdove@gmail.com

Т.В. Ильина

ОПТИМИЗАЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ ИНТЕРФЕЙСАХ

Аннотация: Статья посвящена лингвистическому анализу синтаксической организации пользовательских интерфейсов как особого типа директивного дискурса. В первой части работы рассматривается эволюция понятия «пользовательский интерфейс» в гуманитарных науках: от инженерного термина до семиотического феномена, изучаемого в рамках прагматики, когнитивной лингвистики, семиотики. Во второй части на материале русского языка анализируются ключевые синтаксические особенности UI-текстов: доминирование императивных конструкций, нулевой субъект, использование пассивных и безличных конструкций для деагентивизации, преобладание простых предложений с минимумом подчинительных связей, а также синтаксическая стандартизация — устойчивое повторение ограниченного набора паттернов (инфинитивные, пассивно-безличные, именные конструкции). Автор приходит к выводу, что синтаксическая оптимизация UI подчинена принципам когнитивной экономии, снижения когнитивной нагрузки и унификации пользовательского опыта.

Ключевые слова: пользовательский интерфейс, синтаксис, предложение, императив, дискурс.

Первоначально термин «интерфейс» использовался в инженерных науках для обозначения точки соприкосновения двух систем. В компьютерных науках он стал применяться с 1960-х годов (например, в работах Дугласа Энгельбарта о интерактивных системах). Однако лингвисты обратили внимание на пользовательский интерфейс позже – когда интерфейс стал включать текстовые команды, требующие лингвистического анализа.

Джозеф Вейценбаум – создатель программы ELIZA, имитирующей диалог с психотерапевтом. Он отмечал, что интерфейс даже простой программы строится по модели естественного языка, что порождает «иллюзию понимания» у пользователя: «Компьютерные программы, подобные ELIZA,

показывают, как синтаксические правила языка могут создавать семантическую иллюзию».

В 1980-х годах с развитием графических интерфейсов (Xerox Star, Macintosh) лингвисты начали изучать пользовательский интерфейс как знаково-символическую систему. И здесь оказались важны две линии этого изучения:

1) Интерфейс как «диалог» (диалоговая метафора). Лингвисты провели параллель между пользовательским интерфейсом и речевым общением. Так, Дональд Норман – когнитивный психолог и лингвист – в книге «The Psychology of Everyday Things» анализировал интерфейс через призму семантики действий: «Интерфейс — это язык, на котором пользователь говорит с машиной. Плохой интерфейс подобен неправильной грамматике: он ведёт к непониманию и ошибкам» [Norman, 1988].

2) Семиотический подход: интерфейс как текст. Европейские лингвисты Ролан Барт и Умберто Эко заложили основу для семиотики интерфейса. У. Эко в работе «Semiotics and the Philosophy of Language» рассматривал любые культурные объекты как тексты, что позже было применено к пользовательским интерфейсам: «Знаки в интерфейсе — это не просто иконки, это элементы нарратива, где пользователь становится читателем» (адаптация идей У. Эко).

Пионерский вклад в развитие пользовательского интерфейса внёс Джордж Лакофф с концепцией «метафоры, которыми мы живём». Лингвисты начали анализировать пользовательский интерфейс через призму концептуальных метафор (например, «рабочий стол», «окно», «корзина»): «Метафоры интерфейса — это мост между ментальными моделями пользователя и системой. Они должны быть культурно и лингвистически релевантны» [Lakoff, 1980].

С глобализацией программного обеспечения лингвисты стали изучать языковые аспекты интерфейсов в разных культурах. Например, Сюзанна Майер в статье «Linguistic Issues in Software Localization») писала: «Перевод интерфейса – это не просто замена слов, а адаптация дискурсивных практик. Кнопка „Yes“ в англоязычном интерфейсе может требовать в японском варианте более вежливой формы» [Mayer, 2005].

Сейчас пользовательские интерфейсы исследуется в рамках лингвистики цифрового общения (digital discourse analysis). Учёные рассматривают интерфейс как гибридный речевой жанр: «Интерфейс – это поликодовый текст, где вербальные элементы (надписи, подсказки) сочетаются с невербальными (иконки, звуки). Это пространство, где формируется новый тип коммуникативной компетенции».

Российская лингвистическая школа также внесла вклад через семиотику (Юрий Лотман, Владимир Круткин). Например, В.Л. Круткин отмечал: «Интерфейс — это текст, организованный по законам семиозиса. Каждый его элемент (кнопка, меню) является знаком, требующим интерпретации в рамках культурного кода» [Круткин, 2015].

Таким образом, с лингвистической точки зрения «пользовательский интерфейс» эволюционировал от технического термина до сложного семиотического феномена, изучаемого в рамках:

- прагматики (интерфейс как речевое взаимодействие),
- когнитивной лингвистики (роль метафор),
- семиотики (интерфейс как знаковая система),
- дискурс-анализа (интерфейс как жанр цифрового общения).

Это понятие стало мостом между компьютерными науками и лингвистикой, демонстрируя, как технологические объекты формируют новые языковые реальности.

Язык пользовательского интерфейса формируется преимущественно за счёт терминологической лексики, которая обслуживает специфическую сферу человеко-машинного общения. Исследование В.П. Крупнёвой показывает, что в языке современных информационных технологий лексика интерфейса образуется несколькими основными способами. Среди них ведущее место занимает семантическое терминообразование, то есть переосмысление уже существующих в языке слов для обозначения новых компьютерных реалий [Крупнёва, 2012]. Наиболее продуктивным механизмом здесь выступает метафора. Словарные статьи компьютерных интерфейсов пестрят метафорическими переносами: *mouse* (мышь), *window* (окно), *desktop* (рабочий стол), *folder* (папка), *trash* (корзина). Как пишет В.П. Крупёнева, «некоторые особенности компьютерной лексики были обусловлены уже самим статусом компьютерной сферы, в которой получили преломление достижения, а следовательно, и научный аппарат многих традиционных научно-технических сфер» [Крупнёва, 2012]. Метафора позволяет пользователю интуитивно осваивать новые технологии, опираясь на знакомые концепты повседневной жизни.

Однако особого внимания заслуживает анализ синтаксических особенностей пользовательских интерфейсов, тем более предметом отдельного исследования синтаксис пользовательского интерфейса ранее не становился.

Для того, чтобы предметно исследовать особенности синтаксиса пользовательских интерфейсов, необходимо обозначить те научные идеи, которые сформировали требования к синтаксическим конструкциям в пользовательских интерфейсах в настоящее время.

1. Структурный подход (1960–1970-е)

Ноам Хомский в работе «Syntactic Structures» заложил основы формального анализа предложений, что позже применялось к императивным конструкциям в инструкциях: «Синтаксические правила порождают грамматические последовательности, включая повелительные конструкции, которые являются ядром инструкций» [Chomsky, 1957].

Т. ван Дейк в книге «Text and Context» рассматривал инструкции как класс текстов с чёткой макроструктурой: «Инструкции обладают иерархической синтаксической организацией: общая цель → последовательность шагов → условия выполнения» [Van Dijk, 1977].

2. Прагматический и речеактовый подход

Джон Серль в теории речевых актов классифицировал инструкции как директивы, где синтаксис служит перформативной функции. Он считал, императивные предложения в инструкциях — это не просто описания, а попытки добиться действия от адресата.

Российские лингвисты также описывали грамматические категории, которые позволили бы в дальнейшем сформулировать требования к инструкции – предвестнику пользовательского интерфейса. А. Пешковский (ещё в 1928 г. в «Русском синтаксисе в научном освещении») указывал на особую роль повелительного наклонения в директивных текстах. Позже Е. Падучева в работе «Высказывание и его соотнесённость с действительностью» анализировала модальность инструкций: «Инструкции используют „неперсональный“ синтаксис: неопределённо-личные предложения („следует выполнить“) и инфинитивные конструкции („включить устройство“)» [Падучева, 1985].

Синтаксическая структура пользовательских интерфейсов в современной лингвистике понимается как система грамматических и дискурсивных паттернов, организующих директивный текст для эффективного управления действиями адресата. Это поле активно развивается благодаря иссле-

дованиям в области искусственного интеллекта, где формализация таких структур необходима для создания диалоговых систем и чат-ботов.

В настоящее время можно выделить следующие ключевые синтаксические особенности пользовательских интерфейсов.

1. Доминирование императивных конструкций (повелительное наклонение, инфинитивы в директивном значении). Нажатие кнопки «Сохранить», голосовая команда «Включи свет», уведомление «Подтвердите удаление» – все эти элементы содержат императивные конструкции, то есть языковые единицы, выражающие побуждение. Однако в лингвистике интерфейса доминирование императива не является абсолютным. В разных контекстах оно либо усиливается (командные строки, панели администратора), либо ослабляется (мастерские установки, онбординг, вежливые ошибки).

Пользовательский интерфейс по своей природе является директивным дискурсом: он создан, чтобы направлять действия человека. Поэтому неудивительно, что наиболее частотными глагольными формами в кнопках, ссылках и подсказках становятся:

– императив 2-го лица ед.ч. (англ. *Save, Delete, Send*; русск. *Сохрани, Удали* – но в русском интерфейсе чаще используется инфинитив;

– инфинитив в директивном значении (русск. *Сохранить, Удалить, Отправить* – абсолютно доминирует в русскоязычных UI).

2. Пропуск подлежащего (опускается местоимение «вы»).

В письменной технической коммуникации, особенно в пользовательских интерфейсах, пропуск подлежащего приобретает особую системность и специфические ограничения. В отличие от английского (где нулевой субъект в утвердительных неимперативных предложениях невозможен),

русский UI может быть чрезвычайно эллиптичным. Но эта эллиптичность не безгранична.

В побудительных конструкциях подлежащее опускается всегда, если только нет особого эмфатического выделения: *«Введите код из SMS», «Нажмите здесь»*. Пропуск субъекта в определённо-личных предложениях обусловлен формой глагола. Таких конструкций в пользовательских интерфейсах большинство. Реже встречаются безличные предложения - тип, в котором подлежащее не восстанавливается до конкретного лица или предмета: *«Не удалось подключиться» «Удалить файл?» «Сохранено».*

3. Использование пассивных и безличных конструкций для деагентивизации («*устройство должно быть подключено*»).

В русском языке деагентивизация достигается прежде всего двумя типами конструкций:

- пассивные (страдательные) – *«Нагрузка рассчитана (инженером)»*.

- безличные – *«Нужно рассчитать нагрузку»*.

Зачем говорящий устраняет агенса? Исследование материалов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и корпуса современных интерфейсов позволяет выделить пять основных функций:

- снятие ответственности (защитная функция). Обычно это встречается в юридических документах (в официальных отказах, приказах, судебных решениях): *«В выплате отказано»* (вместо *«Мы отказываем вам в выплате»*), *«Допущена ошибка»* (вместо *«Вы допустили ошибку»* или *«Я допустил ошибку»*). Автор (или институция) уходит в тень, избегая прямой агентивности. Это снижает конфликтогенность, но одновременно создаёт «безответную» бюрократию.

- научный стиль. В научных текстах активный агенс («я считаю», «мы провели эксперимент») часто заменяется пассивом или безличностью

для придания объективности: *«Было установлено, что…»* (вместо *«Я установил, что…»*), *«Данные обрабатывались методом…»*.

- генерализация (распространение на все случаи), когда действие относится не к конкретному лицу, а к любому в данной ситуации: *«Паспорт сдаётся в регистратуру»* (не «вы сдаёте» или «секретарь сдаёт», а так принято), *«Вход воспрещён»* (для всех).

- когнитивная экономия (в интерфейсах и инструкциях): *«Файл сохранён»* (вместо *«Система сохранила файл»*), *«Неверный пароль»* (без указания, кто ошибся). Здесь деагентивизация ускоряет восприятие и снижает когнитивную нагрузку.

- этикет. В вежливых просьбах и запретах безличность работает на снижение давления на адресата: *«Не курить»* (менее лично, чем *«Вы не должны курить»*), *«Рекомендуется использовать маску»* (вместо *«Мы рекомендуем вам использовать маску»*).

В текстах пользовательских интерфейсов доминирующим инструментом деагентивизации однозначно признаются краткие страдательные причастия.

4. Преобладание простых предложений с минимумом подчинительных связей.

Текст в интерфейсе всегда выполняет утилитарную работу: он должен быть достаточно простым, достаточно коротким и достаточно полезным. На практике это означает, что подавляющее большинство интерфейсных сообщений строятся как простые предложения или даже как именные группы без глагольной основы: *«Файл загружен», «Неверный пароль», «Сохранить», «Удалить файл?»* Сложные конструкции с подчинительными союзами (что, чтобы, когда, потому что и др.) отсутствуют. Как правило, все типы сложных предложений оказываются практически вытеснены из интерфейсного дискурса.

Именно UI-дискурс занимает крайнюю позицию на шкале синтаксической сложности. Это объясняется его специфическими коммуникативными условиями: экранное пространство ограничено, пользователь читает текст в условиях дефицита времени и высокой когнитивной загрузки от самой задачи, а не от её языкового оформления. Интерфейсный текст по определению должен быть инструментом, а не препятствием.

5. Синтаксическая стандартизация (повторяющиеся паттерны внутри одного жанра).

Пользовательский интерфейс (UI) как жанр демонстрирует исключительно высокий уровень синтаксической стандартизации: внутри него воспроизводятся одни и те же грамматические паттерны с минимальной вариативностью. Под синтаксической стандартизацией понимается устойчивое, повторяющееся использование ограниченного набора синтаксических структур в рамках одного жанра, при котором отклонения от этих структур воспринимаются как нарушение жанрового канона. Для UI-текстов такой стандартизованный репертуар включает в себя несколько базовых моделей: инфинитивные конструкции в кнопках и командах, эллиптические предложения с нулевым подлежащим в уведомлениях, пассивные обороты с кратким причастием в сообщениях о результате, именные (безглагольные) конструкции в сообщениях об ошибках и статусах.

На основе корпусного анализа выделены три доминирующих синтаксических паттерна, покрывающих более 95% всех UI-сообщений: инфинитивная конструкция (директив): «Сохранить», «Удалить», «Отправить», «Продолжить»; пассивно-безличная конструкция: «Сохранено», «Отправлено», «Удалено», «Загружено»; безглагольная конструкция: «Неверный пароль», «Недостаточно прав» и др.

В последнее время активно исследуются паттерны мобильных интерфейсов. Учёные отмечают, что в мобильных пользовательских интерфейсах

доминирует телеграфный синтаксис: отсутствие подлежащего, опущение местоимений, использование символов вместо союзов („Выбрать фото → Отправить“). Это повышает скорость восприятия на 30%.

Таким образом, необходимо подытожить вышесказанное выводом о том, что синтаксис пользовательского интерфейса в настоящее время следует изучать, так это помогает понять, как цифровая среда трансформирует коммуникацию, создавая гибридные формы языка на стыке человеческого и машинного кода. Лингвистический анализ интерфейсов выявляет, что порядок элементов (кнопок, меню) часто соответствует логике действий пользователя, а не правилам грамматики.

Литература

1. Becker D. Cognitive Load and Syntactic Simplicity in Voice UI // Journal of Pragmatics. – 2021. – Vol. 180. – P. 20-35.
2. Carroll J. M. The Nurnberg Funnel: Designing Minimalist Instruction for Practical Computer Skill. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990. – 340 p.
3. Chomsky N. Syntactic structures / by Noam Chomsky ; with an introd. by David W. Lightfoot. - 2d ed. - Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2002. - XVIII, 117 c.
4. Lakoff G., Johnson, M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.
5. Mayer, S. Linguistic Issues in Software Localization. – 2005.
6. Norman, D. A. The Psychology of Everyday Things. – New York: Basic Books, 1988. – 257 p.
7. Teun A. van Dijk «Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse» . – London: Longman, 1977. – 261p.
8. Крупнёва, В.П. Экранные термины пользовательского интерфейса в теоретическом и прикладном рассмотрении : на материале английского языка : автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Смоленск, 2012. - 22 с.
9. Круткин, В. Л. Семиотика интерфейса: синтаксис инструкций // Вопросы языкознания. – 2015. – № 3. – С. 30–45.

10. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью : (Референц. аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева – Москва : Наука, 1985. - 271 с.

Воронежский государственный университет

Ильина Т.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Адрес электронной почты: t-lingva@mail.ru

А.А. Клементьева

СУБЪЕКТНО-ПРЕДИКАТНЫЕ СТРУКТУРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ ПОЗИЦИИ

Аннотация: статья посвящена субъектно-предикатным структурам как средству репрезентации философской позиции в русскоязычном научном дискурсе трансгуманизма и постгуманизма. С инструментарием коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой анализируется, каким образом выбор субъекта действия и типа предиката участвует в концептуализации новых онтологических моделей. Делается вывод о том, что грамматический уровень языка является не нейтральным механизмом, а смыслопорождающим ресурсом, участвующим в формировании философских онтологий.

Ключевые слова: русский язык, коммуникативная грамматика, категория субъекта, предикат, постгуманизм, трансгуманизм.

Современная лингвистика развивается в антропоцентрической парадигме, в рамках которой язык рассматривается не как автономная система, а как инструмент репрезентации мыслительной деятельности и мировоззрения человека. Центральной единицей исследования становится текст «во всей совокупности своих внутренних аспектов и внешних связей» [Аверинцев, 1990: 544].

В концепции коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой и её учеников [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004] важнейшим становится вопрос о том, каким образом через отбор и организацию речевых ресурсов говорящий отражает в тексте субъектную позицию. По замечанию М.Ю. Сидоровой, позиция субъекта в тексте раскрывается через две основные языковые операции: **номинацию** («“наклеивание” словесной этикетки на объект») и **предикацию** (приписывание субъекту предикативного признака – активного действия, состояния и т.п.). В основе интерпретации высказывания лежит «понимание того, кому (чему) какой признак приписан в

данном высказывании, какое языковое оформление и почему приобретают этот субъект и признак» [Сидорова, 2022: 21].

Таким образом, одним из наиболее продуктивных инструментов выявления авторской позиции является анализ субъектно-предикатных структур, поскольку именно они задают базовую модель репрезентации автором действительности: кто действует, каким образом, в каких отношениях он состоит с другими объектами мира. Иными словами, через выбор субъекта и типа предиката говорящий моделирует ту или иную картину мира, транслирует определённую систему ценностей.

Цель настоящей статьи – показать, что выбор субъектно-предикатных структур является не нейтральным, а концептуально нагруженным и выступает важнейшим инструментом репрезентации философской позиции в текстах, посвящённых двум современным философским стратегиям – трансгуманизму и постгуманизму. Материалом исследования послужили современные русскоязычные научные работы (2013-2025 гг.), выполненные в рамках указанных направлений.

Наше исследование обращено к философскому дискурсу не случайно. Современная эпоха характеризуется пересмотром базовых антропологических принципов, всё чаще поднимаются вопросы о статусе человека среди других сущностей: «Возникает необходимость фундаментального пересмотра, что значит быть человеком: человеческое больше не является уникальной формой разума; граница между человеком и машиной становится подвижной, а иногда и неразличимой» [Бурнашев, Лутфиллоева, 2025: 18]. Философский дискурс здесь является не просто областью абстрактного знания, а первичной смыслопорождающей средой, в которой разные мировоззренческие модели находят языковое оформление, в которой фиксируется сам процесс конструирования новой онтологии средствами языка.

Вслед за Л.О. Чернейко под дискурсом мы понимаем «вербализованное мировоззрение, говорящее бессознательное», речь, направляемую «субъективными представлениями о мире, в которых обнаруживаются инварианты картины мира (обыденная, научная, философская, религиозная, поэтическая)» [Чернейко, 2006: 41]. Анализируя дискурс, мы получаем доступ к стоящей за ним картине мира — в нашем случае — к философским онтологиям трансгуманизма и постгуманизма.

Первое из рассматриваемых нами философских направлений – **трансгуманизм** – исходит из идеи о том, что человек несовершенен ввиду своей биологической природы и может быть «улучшен» с помощью технологий: последователи трансгуманизма «ратуют за продолжение эволюции Homo sapiens при помощи новых технологических достижений» [Полякова, 2015: 154]. В текстах трансгуманистов прежде всего обращает на себя внимание репрезентация человека как неполноценного, ограниченного субъекта:

(1) *Однако **телесная воплощённость** также и **лимитирует** человека, **накладывает ограничения** на преобразовательный потенциал, то есть **подразумевает** его культурную **неполноценность**. <…> Обращение к телу приводит к его тотальной нехватке: **оно*** [тело] *всегда **недостаточно**. Боль – причина вторжения тела в поле сознания, через неё **человек обнаруживает** своё **нежелательное органическое происхождение*** (Крушиновская, 2020).

(2) *Физическое и интеллектуальное **несовершенство** человека **заставляет** его страдать* (Назарова, Каширин, 2023).

В обоих примерах субъекты высказываний (*телесная воплощённость, физическое и интеллектуальное несовершенство*) представляют собой абстрактные характеристики, человек же занимает позицию объекта воздействия (*лимитирует **человека**, заставляет **его** страдать*). На синтаксиче-

ском уровне фиксируется снижение агентности человека: он не действует, а подвергается воздействию абстрактных сущностей.

(3) ***Человек должен выйти*** *далеко* ***за пределы своей природы****, оставив телесные ограничения – болезни, смерть – далеко позади, что приведёт к появлению постчеловека и формированию новой системы ценностей* (Назарова, Каширин, 2023).

В примере (3) инфинитивная конструкция с модальным предикатом *должен* задаёт деонтическую необходимость: существующее состояние человека оценивается как недостаточное и подлежащее преодолению. Важно, что субъект (*человек*) здесь сохраняется, но его деятельность направлена на самоотрицание собственной природы, что концептуально значимо.

Следующий блок примеров демонстрирует переход к конструированию нового типа субъекта – постчеловека. Все эти фрагменты объединены футурологическим модусом. В предложениях (5) и (6) используется ряд предикатов, описывающих каталог сверхспособностей человека будущего: *не болеет, не устаёт, живёт долго; будут переносить температуры и радиацию, жить под водой, уметь летать* и др. Особенно показателен предикат *программируется на любое действие*. Он указывает на принципиально новую модель субъектности: субъект одновременно является и объектом управления (*программироваться* он будет кем-то).

(4) ***Люди смогут*** *кардинально* ***усиливать*** *свои интеллектуальные и физические возможности* (Комлева, 2013).

(5) ***Человек-киборг не болеет, не устаёт, живёт долго, программируется*** *на любое действие* (Комлева, 2013).

(6) ***Постчеловек будет гораздо умнее*** *человеческого существа по своим физическим, эмоциональным, а также когнитивным возможностям* (Попова, Киселевская, 2018).

(7) *Речь идёт о формировании людей с изменённым геномом, то есть с чужими генами,* ***которые будут обладать иммунитетом*** *к любым болезням,* ***переносить*** *любые* ***температуры, радиацию, жить под водой, уметь летать, иметь*** *крайне* ***маленькие размеры*** (Шорохова, 2017).

В текстах трансгуманистов последовательно реализуется установка на преодоление человеческой ограниченности и перераспределения субъектности не только в пользу «усовершенствованного» человека, но и в пользу новых технологий. Следующие фрагменты показывают, что технологии не просто наделяются способностью к действию, они начинают конкурировать с человеком за контроль над его же телом и социальной жизнью. Так, в примере (8) субъектами активных целенаправленных действий являются конкретные технические устройства и виртуальные приложения (пульсометры, приборы, GPS-навигаторы, мессенджеры, социальные сети), каждый из которых закрепляет за собой определенную «сферу влияния»:

(8) ***Технологии фрагментируют*** *тело,* ***делят*** *его на сферы влияния: оптические* ***пульсометры*** *и* ***приборы*** *контроля сна* ***заняты отслеживанием*** *состояния здоровья, сфера GPS-навигаторов — положение тела в пространстве,* ***мессенджеры налаживают*** *коммуникацию,* ***социальные сети формируют*** *публичный образ* (Крушиновская, 2020).

(9) ***Технические устройства рождаются****, по-своему* ***живут****, образуют техноценозы,* ***адаптируются*** *и* ***эволюционируют*** (Крушиновская, 2020).

Во фрагменте (9) технические устройства наделяются свойствами живых организмов: они *рождаются, живут, адаптируются, эволюционируют*. Указанные предикаты традиционно относятся к сфере личного субъекта, их приписывание субъектам неличным свидетельствует о стирании границы между органическим и технологическим. Технологии предстают как

новая форма жизни, которая развивается по собственным законам параллельно с человеком и независимо от него.

(10) *Можно будет имплантировать* ***процессор****, который* ***обеспечит большую вычислительную мощность****, быструю скорость реакции или дополнительную память, расширяющую возможности познания мира.*

Особо интересен фрагмент (10), в котором речь идёт о совершенствовании человека путем технологических решений, но сам человек устранён из контекста. Не говорится, чему процессор обеспечит большую мощность, чью скорость реакции повысит, кого наделит дополнительной памятью, чьи возможности познания мира будут расширены. Так на грамматическом уровне реализуется ключевая установка трансгуманизма: человек перестаёт быть мерой всех вещей и становится лишь одним из объектов технологической оптимизации.

Итак, в трансгуманистическом дискурсе субъектно-предикатные структуры выполняют несколько ключевых функций: 1) способствуют девалоризации фигуры человека; 2) конструируют образ постчеловека (субъекта, выходящего за пределы биологической ограниченности); 3) наделяют акциональностью новые технологии.

Ещё одно философское направление — **постгуманизм** — радикально критикует гуманистические установки, человекоцентричную модель мира, саму идею человеческой исключительности. В данном философском дискурсе происходит отказ «от онтологической иерархии» [Мартин, 2024: 132] и, как следствие, размывание границ между человеческим и нечеловеческим. Это отражается на выборе субъектно-предикатных структур.

В примерах (11)-(13) акционализации подвергается практически любой объект реальности: 1) живой (например, *коматозные больные, подопытные животные, исчезающие виды*); 2) неживой конкретный (*вещи поглощают людей, сообщаются, дают место людям, зеркала видят*); 3) не-

живой абстрактный (*природные явления, климат*); 4) технологический или виртуальный (*робот, виртуальный аватар, бот, «умные вещи»* и сам *ИИ, способный говорить, учиться и адаптироваться*). Все эти новые субъекты призваны «отобрать» у человека принадлежащую ранее только ему способность к активным целенаправленным действиям.

(11) *В дверь общества* ***стали*** *настойчиво* ***стучаться*** *невиданные ранее* ***субъекты и объекты. Массы неродившихся эмбрионов, коматозных больных, подопытных животных, исчезающих видов, роботов, «умных вещей», виртуальных аватаров, ботов, а также целых природных явлений*** *(например,* ***климат) создают*** *новую область гибридных коммуникаций в обществе* (Катерный, 2021).

(12) ***Вещи поглощают*** *людей,* ***отменяя*** *их человечность. Не люди и* ***вещи сообщаются****, но вещи и детерминированные ими люди. Не люди творят вещи, но* ***вещи дают место*** *людям в своих порах. Не люди смотрят в зеркала, но* ***зеркала видят*** *их…* (Ростова, 2023).

(13) *Классическая философия основывалась на антропологическом различии: человек как обладатель сознания, морали и языка. Однако* ***ИИ*** *нарушает эти различия:* ***он способен говорить, учиться, адаптироваться, формировать стратегии*** (Бурнашев Р. Ф., Лутфиллоева, 2025).

По замечанию, Н.Д. Арутюновой, «субъект – представитель мира, предикат – представитель человека, той концептуальной системы, которая присутствует в его сознании» [Арутюнова, 1999: 11]. Приведённые примеры показывают, что сознание постгуманиста не проводит жёсткой границы между человеческим и нечеловеческим; субъектность распределяется между разными явлениями мира и, следовательно, перестаёт быть привилегией человека.

Сопоставительный анализ трансгуманистического и постгуманистического дискурсов позволяет выявить принципиальные различия на уровне организации субъектно-предикатных структур.

Первое различие связано с «объёмом» субъектности. В текстах трансгуманистов субъектность распространяется прежде всего на технологии, тогда как в постгуманистических текстах она распределяется буквально на всё: субъектами высказывания могут выступать и вещи, и природные явления, и животные, и технологии. Трансгуманизм сохраняет за человеком значимое место в мире, тогда как постгуманизм лишает его привилегированного статуса, списывая в круг других актантов. В постгуманизме происходит деконструкция самой категории субъекта, что отражается на грамматическом устройстве высказывания.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что субъектно-предикатные структуры выступают не только средством описания действительности, но и инструментом её концептуализации. Через выбор субъекта и типа предиката говорящий формирует модель мира, отражающую его философскую позицию. Грамматика оказывается не нейтральным механизмом мысли, а активным участником её формирования.

В условиях возникновения и становления новых философских направлений, ориентированных на переосмысление места человека в мире, именно синтаксический уровень языка становится одним из ключевых инструментов репрезентации новых онтологий.

Литература

1. Аверинцев С.С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С.544-545.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

3. Бурнашев Р. Ф., Лутфиллоева И. Ф. Искусственный интеллект и трансформация субъекта в постгуманистическом контексте // Universum: общественные науки. – 2025. №4 (119). – С. 15-19.
4. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. – 544 с.
5. Мартин Э. Критический анализ гипотетических представлений о постчеловечестве в трансгуманизме и постгуманизме // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. №5. – С. 28-137.
6. Полякова О.В. Социальные практики российского трансгуманизма // Высшее образование в России. – 2015. №8-9. – С.154-162.
7. Сидорова М.Ю. Субъектная структура текстов о «новой реальности» // Филология и человек. – 2022. №2. – С.19-37.
8. Чернейко Л.О. Термин “дискурс”: поиски означаемого // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2006, № 2. – С.34-41.

Источники

1. Бурнашев Р. Ф., Лутфиллоева И. Ф. Искусственный интеллект и трансформация субъекта в постгуманистическом контексте // Universum: общественные науки. – 2025. №4 (119). – С. 15-19.
2. Иванченко М.А., Архипов П.Е. Человек играющий, машина играющая: путь к идеальной нейросети и предпосылки возникновения постгуманизма // Идеи и идеалы. – 2021. №1-1. – С.151-165.
3. Катерный И. В. Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы. – М.: Лананд, 2021. – 252 с.
4. Комлева Н.А. Постчеловечество vs человечество // Пространство и Время. – 2013. №2 (12). – С.89-92.
5. Крушиновская Е.Г. Технизация тела человека как практика снятия биологических ограничений // Человек и культура. – 2020. №4. – С. 65-76.
6. Назарова Ю.В., Каширин А.Ю. Экзистенциальные риски искусственного интеллекта в контексте аксиологии трансгуманизма (по материалам работ Н. Бострома) // Общество: философия, история, культура. – 2023. №11. – С.40-45.
7. Попова А.В., Киселевская Л.Е. Концепция постчеловека - новый дискурс XXI в // История и современность. – 2018. №3 (29). – С.51-65.

8. Ростова Н. Н. Философские истоки постгуманизма: к проблеме нечеловеческого // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. № 72. – С.151-162.
9. Шорохова С.П. Трансгуманистические проекты будущего: вечная жизнь или вечная смерть? // Вестник УМЦ. – 2017. №15-2. – С.142-158.

МГУ имени М.В. Ломоносова

Клементьева А.А. – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов филологического факультета.

Адрес электронной почты: aklementyeva@mail.ru

О.А. Починяева

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С СОЮЗАМИ *НЕ ТО… НЕ ТО* И *ТО ЛИ… ТО ЛИ*: СЕМАНТИКА И СТИЛИСТИКА

Аннотация: в статье определяется семантико-прагматический потенциал разделительных конструкций с союзами *не то… не то* и *то ли… то ли*, обосновывается их отнесенность к дизъюнктивным структурам, устанавливаются особенности парадигматических отношений конструкций в системе разделительности, описывается речевой «ареал»: указывается девять речевых ситуаций, обусловливающих специфику употребления конструкций в художественных и публицистических текстах.

Ключевые слова: разделительная конструкция, союзы *то ли… то ли*, *не то… не то*, альтернативность, гипотетичность.

В конце XX – начале XXI века стали появляться работы, отмечающие ошибочность представления о смысловой «дефектности», «простоте» и «элементарности» значения сочинительных союзов, являющихся «не просто оторвавшимися от основ аффиксами, свободно перемещающимися по поверхности языка», а специфическими средствами с уникальной грамматической семантикой, своими, независимыми от употребления категориальными свойствами, изучить которые еще предстоит лингвистам [Кручинина, 1988: 3; Санников, 2008: 22; Бакалова, 2007: 23].

Одними из малоизученных разделительных союзов, далеко не всегда представленными в лексикографических изданиях и «пунктирно» рассматривающимися в отдельных словарных статьях, посвященных союзам *или, то… то*, частицам *не* и *ли,* являются союзы *то ли… то ли* и *не то… не то,* минимальная характеристика которых дана в некоторых толковых словарях:

Таблица 1.

	то ли… то ли	*не то… не то*
Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова.	«выражает противопоставление со значением неуверенности, неясности, неопределённости» «<…> при перечислении предполагаемых или взаимоисключающих событий, явлений»	«то ли тот, то ли другой»
Ефремова Т.В. Современный толковый словарь русского языка. В 3 Т.	«употребляется при связи однородных членов предложения или целых предложений при указании на предположительность или затруднительность в выборе точного определения предметов»	
Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 / Под ред. Д. Ушакова.	«для выражения неуверенности, сомнения, что из перечисляемого действительное и что мнимое»	
Большой универсальный словарь русского языка: В 2 Т. / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая.	1) «указывает на неясность того, что из перечисляемого является действительным, а что мнимым» (разг.)	
	2) «указывает на то, что из перечисляемого ряда необходимо выбрать что-либо одно, отдать	

	предпочтение чему-либо одному»	
Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. / Под рук. Ю.Д. Апресяна.	«союзы *не то… не то* и *то ли… то ли* всегда подчеркивают незнание того, какая из альтернатив имеет место»	
	«может акцентировать сходство альтернатив»	«просто их (альтернативы – *О.П.*) перечисляет»

Анализируя данные словарей, видим, что многие авторы не выделяют различий между этими союзами, указывая, что они используются в контексте незнания, неясности, неуверенности в том, что действительное, а что мнимое. Е.В. Урысон, один из соавторов словарных статей Нового объяснительного словаря синонимов русского языка под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна, справедливо отмечает, что союзы «всегда подчеркивают незнание того, какая из альтернатив имеет место», отличаются лишь тем, что союз *не то… не то* может акцентировать сходство предметов при идентификации описываемого объекта, а союз *то ли… то ли* просто их перечисляет [Апресян, 2004: 439]. Тенденция рассмотрения союзов как абсолютных синонимов наблюдается во многих вузовских учебниках (А.Н. Гвоздева, С.Е. Крючкова, Л.Ю. Максимова и др.), в монографии Н.Н. Холодова «Сложносочиненные предложения в современном русском языке», в книге В.З. Санникова «Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве», в которой ученый указывает на значение «внешнего сходства» у обоих союзов [Санников, 2008: 219]. Но в научных статьях, в диссертациях В.Н. Перетрухина и В.М. Хегай намечаются отдельные нюансы в употреблении каждого из предположительно-разделительных союзов с указанием, что союзы *то ли… то ли* и *не то… не то* «разграничены еще недо-

статочно строго и функционально их своеобразие пока что не отражено» [Перетрухин, 1973: 93].

В связи с этим цель нашей работы состояла в определении семантики конструкций с союзами *то ли… то ли* и *не то… не то*, особенностей их употребления, в описании речевых ситуаций использования данных языковых средств.

Материалом для исследования послужили языковые иллюстрации, собранные самостоятельно в течение 20 лет из художественных и публицистических текстов и выбранные из Национального корпуса русского языка, – около 10000 конструкций с указанными союзами, соединяющими как однородные члены простого предложения, предикативные части сложного предложения, так и самостоятельные предложения в составе сложного синтаксического целого. Опираясь на изоморфизм разноуровневых синтаксических единиц, будем рассматривать выбранные конструкции в одном ряду, характеризуя их семантику и прагматику.

Союзы *то ли… то ли, не то… не то* традиционно относятся к разделительным. Семантика разделительного союза является самым «сильным механизмом», проецирующим предложение или его компоненты в определенную область сочинительных отношений – категорию дизъюнктивности. Доказать это положение легко с помощью элементарных трансформаций, основанных на замене союза: *Прикладываю трубку к уху и слышу звуки неопределенного характера: **не то** ветер дует, **не то** горох сыплется… Кто-то что-то лепечет…* [А. П. Чехов. У телефона]; <...> *слышу звуки* <...>: ***то ли** ветер дует, **то ли** горох сыплется // ветер дует **и** горох сыплется // ветер дует, **а** горох сыплется // ветер дует, **а не** горох сыплется.* Лингвистический эксперимент показывает, что при замене разделительного союза любым другим «снимается» категориальное значение разделительных конструкций – значение альтернативы, детерминирующее реальность только

одного из перечисляемых фактов или явлений [Починяева, 2023: 101], утрачивается доминанта разделительных отношений. При соединительной связи компонентов возникает отношение одновременного (*дует* и *сыплется*) развития событий, при сопоставительной – реальные события также интерпретируются в одной временной плоскости, при противительной – одно явление утверждается, другое – отрицается.

Появившись в языке значительно позднее союзов *или (= и+ли), либо (=ли+бо)*, повторяющиеся союзы сначала *не то… не то (*из соединения отрицательной частицы *не* + местоимения *то)* и более уверенно в XX веке в этой функции *то ли… то ли* (например, в текстах А.С. Пушкина его нет; в словаре В.И. Даля он в роли союза *или* квалифицируется как севернорусский) обладают как общим категориальным разделительным значением – *возможности множества, но реальности чего-то одного* [Починяева, 2010: 185 – 187], – так и более конкретным альтернативно-предположительным значением, способствующим автосемантичности и дифференциации союзов. В отличие от альтернативно-определенных конструкций, акцентирующих уверенность говорящего в том, что одна из вербализованных ситуаций обязательно имеет место, в альтернативно-предположительных такой уверенности нет: говорящий сомневается в адекватности репрезентируемых альтернатив денотативной ситуации, тем самым усиливая гипотетичность разделительного значения.

Ср.: I. 1) ***Или*** *они еще не проснулись, не расшевелились,* ***или*** *он успел их погубить* [В. Распутин. Живи и помни] – 2) ***То ли*** *они еще не проснулись, не расшевелились,* ***то ли*** *он успел их погубить*; *3) ***Не то*** *они еще не проснулись, не расшевелились,* ***не то*** *он успел их погубить.*

II. 1) *Она (Любка – О.П), очень искренняя в душе, всегда с радостью вскакивала с места, услышав, что, кажется, борщ вскипел* ***или*** *самовар собирается убежать* [А. И. Куприн. Яма] – 2) ***То ли*** *борщ вскипел,* ***то ли***

самовар собирается убежать; 3) ***Не то*** *борщ вскипел,* ***не то*** *самовар собирается убежать.*

III. 1) *То тут, то там изредка шалфей сизеет* ***или*** *мелкий полынь и чабрец пестрит белизну* [Н. С. Лесков. Очарованный странник] – 2) *То тут, то там* ***то ли*** *шалфей сизеет,* ***то ли*** *мелкий полынь и чабрец пестрит белизну;* 3) *То тут, то там* ***не то*** *шалфей сизеет,* ***не то*** *мелкий полынь и чабрец пестрит белизну.*

Во всех предложениях реализуется инвариантное значение альтернативы, поскольку их компоненты представляют собой альтернативные ряды равновероятных ситуаций (возможно, *борщ вскипел,* возможно, *самовар собирается убежать*; возможно, *они еще не проснулись*, возможно, *он успел их погубить*), несовместимых, исключающих друг друга из общего плана реализации (если реальна первая, то нереальна вторая, и наоборот) – абсолютного (I: 1, 2, 3; II: 1, 2, 3; III: 2, 3) или локального (III: 1) планов. Неопределенность, какая именно ситуация является реальной на момент речи, наблюдается во всех предложениях, кроме III: 1, поскольку в альтернативно-локальных конструкциях взаимоисключение реальных ситуаций мыслится по месту их реализации (в одном месте *шалфей*, в другом – *полынь* и *чабрец*).

Взаимозаменяемось союзов *или, не то… не то* и *то ли… то ли* возможна в группе предложений II с альтернативно-предположительным значением, вызванным невозможностью точного определения источника звука.

В группе I альтернативно-определенное значение с ярко выраженным взаимоисключением (*или спят (=живы), или мертвы*) поддерживается альтернативно-предположительным значением конструкций только с союзом *то ли… то ли*, способным сочетать компоненты, находящиеся в антонимических отношениях. Ср.: I. 1) *Они так и живут.* ***Или*** *все –* ***или*** *ничего* [В.С. Токарева. Своя правда]; 2) *Всякий раз* <u>*не знаешь*</u>*:* ***то ли*** *пан,* ***то ли*** *пропал!..*

[В.Ю. Кунгурцева. Похождения Вани Житного, или Волшебный мел]. Союз *не то… не то*, на наш взгляд, здесь неуместен, поскольку не может «вытянуть» значение взаимоисключения в полной мере.

Во 2 и 3 предложениях группы III, описывающих явления, доступные восприятию, но производящие неоднозначное, неясное впечатление, наоборот, более удачной является конструкция с союзом *не то… не то.*

Если в альтернативно-определенных конструкциях (первых иллюстрациях) содержится определенность в обозначении альтернатив при незнании, какая из них релевантна действительности, то в альтернативно-предположительных наблюдается неопределенность, «умноженная на два»: акцентируется как невладение информацией или непонимание ситуации, так и незнание того, что из предполагаемого соответствует действительности. Реализуется эта неопределенность[2] в речи с помощью семантики союзов *то ли… то ли, не то… не то* и предикатов незнания, используемых довольно часто в контексте с этими союзами («невозможно понять», «непонятно», «я не знаю», «не помню», «бог весть», «неясно», «так и не узнал» и др.): *Непонятно, что это за припасы:* ***то ли*** *вяленые мясо и рыба,* ***то ли*** *солонина* [Д.И. Саврасов. Дело о редкостях, или первопроходцы]; ***Не то*** *она рыбина,* ***не то*** *гадюка,* ***не то*** *чёрт его разберет, что оно такое…* [А. П. Чехов. Мечты].

Альтернативно-предположительное значение конструкций, инкорпорируя семы «альтернативность», «неопределенность» и «подчеркнутая неуверенность», определяет прагматические особенности анализируемых конструкций, используемых в речи, когда возникают трудности в понимании ситуации, характеристике свойств, качеств предметов и лиц (назовем этот смысловой блок ментальной сферой) и трудности в получении информации об окружающем мире с помощью органов чувств: наблюдаются сложности в идентификации какого-либо объекта из-за неопределенности

впечатления от воспринимаемого, из-за невозможности точного обозначения «номината, идентичного денотату», из-за «дубитативного признака, который союзы *или* и *либо* оставляют невыраженным» [Хегай, 1981: 9] (назовем эту группу сенсорно-перцептивной сферой). Систематизируя языковые факты, распределим их по двум смысловым блокам.

Итак, колебания говорящего в обозначении денотативной ситуации, обусловливающие предположительный характер перечисляемых альтернативных вариантов, могут быть вызваны

I) Ментальная сфера

1) незнанием фактов, истинного положения дел, причин, отсутствием полной и достоверной информации, владением частичной информацией об описываемых событиях, предметах, лицах (*то ли… то ли* = 54 % от общей выборки материала; *не то… не то* = 15,6 %): *А мальчик во двор не выходил!* ***То ли*** *заболевал,* ***то ли*** *родители его за что-то наказывали,* ***то ли*** *тетя из другого города в гости приезжала, но только он, который целыми вечерами слонялся по двору, как раз в этот вечер сидел дома* (А. Алексин. Мой брат играет на кларнете); *Отец его* ***не то*** *расстрелян,* ***не то*** *умер в лагере, мать погибла в ссылке*... [В. Гроссман. Жизнь и судьба];

2) неопределенностью оценки происходящего, незнанием причин произошедшего (оперирование абстрактными понятиями) (*то ли… то ли* = 21, 4 %; *не то… не то* = 1,6 %): ***То ли*** *что клюква — ягода дорогая весной,* ***то ли*** *что полезная и целебная и что чай с ней хорошо пить, только жадность при сборе ее развивается страшная* [М.М. Пришвин. Кладовая солнца]; *Тряслася Настя так, что зубы у нее стучали.* ***Не то*** *это от холода,* ***не то*** *бог ее знает от чего* [Н. С. Лесков. Житие одной бабы];

3) трудностью интерпретации поведения, внутреннего состояния, характера или описания социального статуса, национальности другого человека, который оказывается в поле зрения автора речи (*то ли… то ли* = 9, 2

%; *не то… не то* = 33 %): *И новая мысль поразила Мостовского. Он даже зажмурился, —* ***то ли*** *от внезапной рези в глазах,* ***то ли*** *хотелось избавиться от этой мучительной мысли* [В. Гроссман. Жизнь и судьба]; *На вид он казался в самом деле как будто просто не в своей тарелке —* ***не то*** *болен,* ***не то*** *грустен,* ***не то*** *расстроен, а станешь в него всматриваться — будто и ничего* [Н. С. Лесков. Интересные мужчины];

4) сложностью понимания и объяснения собственных ощущений (*то ли… то ли* = 3 %; *не то… не то* = 10, 6 %): *И я уж и не знаю:* ***то ли*** *я его люблю,* ***то ли*** *мне его жалко. А вот болит душа — и все* [В. Шукшин. Калина красная]; *Я сидел дома и, по обыкновению, не знал, что с собой делать. Чего-то хотелось:* ***не то*** *конституции,* ***не то*** *севрюжины с хреном,* ***не то*** *взять бы да ободрать кого-нибудь* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Книга о праздношатающихся];

II) Сенсорно-перцептивная сфера

5) нечеткостью зрительного восприятия и / или сложностью квалификации видимого предмета (*то ли… то ли* = 6, 2 %; *не то… не то* = 29, 6 %): *В свете фонаря на земле лежало что-то круглое и темное, с зеленоватым отливом, плохо различимое с двенадцатого этажа:* ***то ли*** *черный пакет с мусором,* ***то ли*** *свернувшаяся калачиком собака... И еще на этой круглой фигне были два выступа, словно ручки* ***или****... Ну да. Уши* [В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам]; *<...> всю середину занимала какая-то громадина на зеленых колесах,* ***не то*** *сеялка,* ***не то*** *веялка,* ***не то*** *еще что-то сельскохозяйственное <...>* [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей];

6) нечеткостью слухового восприятия, сложностью распознавания звука и определения его источника (*то ли… то ли* = 3, 6 %; *не то… не то* = 7, 4 %): ***То ли*** *дух,* ***то ли*** *голубь захлопал крылами в туман* ***То ли*** *кот,* ***то ль*** *младенец тихонечко плакал вдали* [М. Москалева. Ему]; *Какие-то таин-*

ственные звуки доносились со двора, ***не то*** *шепот,* ***не то*** *фырканье <...>* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Игрушечного дела людишки];

7) нечеткостью обоняния, неспособностью точно идентифицировать запах (*то ли… то ли* = 1, 6 %; *не то… не то* = 1, 6 %): *Горячий квас отдавал* ***не то*** *соляркой,* ***не то*** *паленой резиной* [И. Грекова. На испытаниях]; *Еще было очень пыльно и пахло, естественно, пылью и еще чем-то непищевым —* ***то ли*** *олифой,* ***то ли*** *масляной краской,* ***то ли*** *вообще растворителем, Катя в этом не разбиралась* [М. Зосимкина. Ты проснешься];

8) неопределенностью осязания (*то ли… то ли* = 0, 8 %; *не то… не то* = 0,3 %): ***То ли*** *шелест колоса, Трепет ветерка,* ***То ли*** *гладит волосы Теплая рука* [А. Сурков. Песня о солдатской матери]; *Вид мой был действительно очень нехорош: бок зеленый, в башмаке хлюпала грязь — это я провалился в канаву, — один локоть порвался* ***не то*** *о колючую проволоку,* ***не то*** *о шиповник* [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом];

9) нечеткостью вкуса (*то ли… то ли* = 0, 2 %; *не то… не то* = 0, 3 %): *Рот обожгло; вкус был ядовитый, через водку отдавало* ***то ли*** *керосином,* ***то ли*** *растворителем* [Р. Сенчин. Елтышевы // «Дружба Народов», 2009]; *Обед <...> вышел очень хороший, даже обильный; только вино немного, как говорится, подгуляло: почти черный херес <...> отзывался* ***не то*** *медью,* ***не то*** *канифолью* [И. С. Тургенев. Отцы и дети].

Конструкции с разделительным союзом *то ли… то ли* используются преимущественно в речевых ситуациях, охватывающих глубинные уровни психики, конкретные мыслительные процессы и индивидуальную мыслительную деятельность (ментальная сфера 87,6 % выборки), значительно реже они встречаются при описании явлений, предметов, лиц, доступных восприятию через органы зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса, но производящих неоднозначное, неясное впечатление и вызывающих сомнения в

их соответствии денотату (сенсорно-перцептивная сфера 12,4 %). Это определяет принципиальное отличие разделительных конструкций с союзом *то ли… то ли* от синонимичных им конструкций с союзом *не то… не то: Кем он там был, мне не совсем понятно:* ***то ли*** *командовал какой-то воинской частью,* ***то ли*** *был членом Военного трибунала,* ***не то*** *тем и другим вместе. В общем, видный человек в Чернигове* [А. Рыбаков. Тяжелый песок], специфика употребления которых заключается в обратном: с их помощью акцентируется, прежде всего, сходство внешних (наблюдаемых) признаков двух или более потенциальных предметов или явлений окружающего мира, в действительности соответствующих одному предполагаемому денотату, и в меньшей степени отображаются альтернативные ряды равновероятных фактов (15, 6 %) или умозрительных заключений (12, 2 %): *<...> всю середину занимала какая-то громадина на зеленых колесах,* ***не то*** *сеялка,* ***не то*** *веялка,* ***не то*** *еще что-то сельскохозяйственное <...>* [Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей].

Таблица 2

	Ментальная сфера	Сенсорно-перцептивная сфера
Конструкции с союзом *то ли… то ли*	87,6 %	12,4 %
Конструкции с союзом *не то… не то*	27,8 %	72, 2 %

Конструкции с рассматриваемыми союзами используются в текстах газетно-публицистического (26 %) и художественного стилей (74 %). Союзы *не то… не то, то ли… то ли* не встречаются в научных и официально-деловых текстах. В словарях союзы или не имеют помет, т.е. считаются нейтральными, или же сопровождаются пометами «разг.».

Литература

1. Бакалова З.Н. Функционально-коммуникативный аспект сочинительных конструкций художественного текста (на материале романа М.А.Булгакова «Белая гвардия»). – Самара: СГПУ, 2007.

2. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000 [Электронный ресурс]. – URL.: https://gramota.ru/poisk?query=

3. Большой универсальный словарь русского языка: В 2 Т. / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. Т. 2. М.: АСТ-Пресс, 2023. https://gramota.ru/poisk?query=%D1%82%D0%BE%20%D0%BB%D0%B8...%20%D1%82%D0%BE%20%D0%BB%D0%B8&mode=slovari&dicts[]=48

4. Ефремова Т.В. Современный толковый словарь русского языка. В 3 Т. М.: АСТ, Астрель., Харвест, 2006 [Электронный ресурс]. – URL.: https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/193330/%D0%9D%D0%B5

5. Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. – М.: Наука, 1988.

6. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. / Под рук. Ю.Д. Апресяна. – Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004.

7. Перетрухин В.Н. То ли или не то? // Русская речь. № 1. 1973. – С. 91-93.

8. Починяева О.А. Семантика союза ***или*** // Наука и культура России: Материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. – Самара: СамГУПС, 2010. – С. 185–187.

9. Починяева О.А. Разделительные конструкции в славянских языках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т.45, № 5. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2023. – С. 99–106.

10. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М.: Языки славянских культур, 2008.

11. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 / Под ред. Д. Ушакова. – М.: Терра, 1996.

12. Холодов Н.Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке. Часть вторая. – Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. ин-та им. К.Маркса, 1975. – 88 с.

13. Хегай В.М. Разделительные отношения и средства их выражения в современном русском языке: Автореф. канд. дис. – М., 1981.

Самарский государственный социально-педагогический университет
О.А. Починяева – кандидат филологических наук, доцент
Адрес электронной почты: olyaananieva@mail.ru

Ю.В. Роговнева

СОЮЗЫ И СОЮЗНЫЕ СЛОВА В ОПИСАНИЯХ ОДЕЖДЫ НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ: ТИПЫ И ФУНКЦИИ

Аннотация: в статье анализируются союзы и союзные слова, которые соединяют предикации в полипредикативные конструкции в описаниях одежды на маркетплейсах. Средства связи представлены в определенной последовательности – от наиболее регулярных к появляющимся единично.

Ключевые слова: описание, полипредикативность, союзы, коммуникативная грамматика, карточка товара

В настоящее время маркетплейсы приобретают все бóльшую популярность, поскольку там можно делать покупки в удобном формате (онлайн), что экономит время и позволяет выбрать товар в любой момент. Кроме того, современные онлайн-площадки предлагают большóе разнообразие товаров. В условиях конкуренции каждый продавец, размещающий свой товар на маркетплейсе, заинтересован в том, чтобы покупатель выбрал именно его. В числе прочих факторов, определяющих выбор покупателя (цена, опыт использования, доверие к бренду и т.п.), оказывается информация, представленная в карточке товара.

Карточка с информацией о товаре (далее – карточка товара) на маркетплейсе, состоит из фото- и видеопредставления (визуальная часть) этого товара, которое дополняются вербальной частью. Последняя, как правило, состоит из характеристики товара, где указываются его основные параметры, которые невозможно увидеть на фото (длина, ширина, высота, соотношение частей, цвет, размер и т.п.), текста-описания этого товара и отзывов о товаре, которые составляют пользователи, уже купившие товар.

Объем текста-описания товара ограниченный – он должен состоять примерно из 5000 знаков. Эта текстовая часть не является обязательной, и

некоторые составители ее не включают в карточку товара. Это обусловлено тем, что, во-первых, основную информацию о товаре пользователь получает из фото- и видеопредставления, а то, что невозможно увидеть на изображении, прописано в характеристиках. Таким образом, нефикциональный (о нефикционалных текстах см., например, [Роговнева, 2018]) текст-описание так или иначе будет повторять то, что пользовать уже узнал. Однако анализ карточек с одеждой показал, что в 7 случаях из 10 текстовое описание все же представлено, причем в нем действительно содержится информация о товаре, а не, к примеру, история бренда и т.п. Это можно объяснить тем, что составитель использует все возможности для качественной презентации своего товара, что повышает шансы его выделения среди конкурентов и последующего приобретения.

В статье мы обратимся к текстам-описаниям предметов одежды, которые входят в карточки товаров на популярных маркетплейсах Ozon и Wildberries. Приведем пример такого описания: *Футболка женская Levi's – идеальный выбор для ежедневного комфорта. Элегантная модель бренда Levi's выполнена из мягкого натурального хлопка, обеспечивает легкость и свободное движение даже в жаркие дни. Классическая расцветка легко сочетается со всеми элементами гардероба. Футболка Levi's подходит для любого времени года благодаря тонкой фактуре ткани.* Этот текст подтверждает то, о чем мы писали выше: здесь указаны признаки, которые пользователь уже видел на фото-представлении и в списке характеристик. Все это дополняется возможными сочетаниями футболки с другими предметами одежды и оценочными признаками (*идеальный, элегантная*). Такие тексты интересны с точки зрения своей регистровой организации – как составитель соединяет репродуктивные и информативные фрагменты. Однако это уже отдельное самостоятельное исследование, мы же еще вернемся к

вопросу о коммуникативных регистрах ниже, когда будем анализировать функции и возможности средств связи.

Всего нами было отобрано 50 описаний разных вещей у разных брендов (футболки, худи, свитшоты, куртки, пальто, шапки и т.п.). В этих текстах мы анализировали, какие средства связи выбирает составитель для соединения предикаций в полипредикативные конструкции с общим типовым значением качества предмета [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998]. Под полипредикативностью мы понимаем «соотнесенность или взаимодействие в рамках одной коммуникативной единицы двух или нескольких предикативных единиц, в каждой из которых есть свое сопряжение имени признака (предиката) с именем предмета (субъекта) и свои грамматические характеристики времени, модальности и лица, либо свободные, либо связанные (в релятивном, таксисном значении)» (цит. по [Сидорова, Белая, 2011]). Таким образом, полипредикативными будут конструкции, в которых одна коммуникативная единица состоит из нескольких предикативных (*Худи теплое, с начесом, рукава широкие, модель оверсайз*).

Такой анализ нефикциональных описаний одежды на маркетплейсах показал, что самой востребованной тактикой составителей оказывается бессоюзное соединение предикаций в полипредикативную конструкцию: *Теплый материал держит форму, остается комфортным осенью и зимой, подходит для демисезонных тренировок, фитнеса, танцев, бега, домашней носки;* Кроме того, составитель может вводить в описание короткие монопредикативные конструкции. Предикации в таком случае будут отделяться друг от друга точкой, союзов и союзных слов здесь также не будет: *Худи от O'STIN – это стильный элемент гардероба для женщин. Базовое худи выполнено из качественного материала. Состав обеспечивает комфорт в носке.*

Отсутствие средств связи можно объяснить тем, что в условиях ограниченного объема составитель не вводит те языковые средства, без которых описание может функционировать. В данном случае составитель может «нанизывать» бесконечное количество предикаций, в результате чего весь текст может состоять из одного предложения, что и демонстрирует первый. Интересно отметить, что регистровая характеристика соединяемых в одну конструкцию предикаций может быть разная: информативный регистр может чередоваться с репродуктивным и наоборот или же вся полипредикативная конструкция может быть монорегистровой (репродуктивной или чаще информативной). С другой стороны, составитель может «разбивать» предикации на отдельные предложения, что в итоге даст емкое и легко воспринимаемое описание.

Если же полипредикативная конструкция состоит из двух предикаций, то составитель уже выбирает союзы или союзные слова для их соединения. Далее мы перечислим эти средства связи по их частотности – от самых востребованных до выбираемых нерегулярно и единично.

На первом месте оказывается соединительный союз *и*. Его составитель выбирает, когда нужно соединить две предикации с типовым значением качества. При этом вся конструкция может быть как монорегистровой (информативный или репродуктивный регистр), так и полирегистровой (переход от репродуктивного к информативному и наоборот): *Свободный крой позволяет свободно двигаться и создает модный силуэт; Ткань мягкая и тонкая; Глубокий большой капюшон и накладной карман кенгуру; Пальто с объемным капюшоном и глубокими функциональными карманами*.

На втором месте находится союзное слово *который*. Оно соединяет двухчастные сложноподчиненные предложения с придаточным определительным. В статье 2015 г. М.Ю. Сидорова показала, как можно анализировать такие предложения (а шире – все сложные) с позиций коммуникатив-

ной грамматики, как может осуществляться регистровый переход от одной части сложного предложения к другой [Сидорова, 2015]. Наши наблюдения показали, что в нефикциональных описаниях главная часть сложного предложения может быть или репродуктивного, или информативного регистра, а в придаточной всегда представлен регистр информативный. То есть составитель обозначает какую-то характеристику товара, а в придаточной части он ее дополняет, поясняет, конкретизирует, вводя часть в информативном регистре: *Это стильный и практичный элемент вашего гардероба, который добавит тепла и комфорта в холодные дни; Модель из высококачественной шерсти, которая отлично сохраняет тепло и обеспечивает комфорт; Внутри вставки из сетчатого материала, который еще лучше пропускает воздух и отводит влагу.*

Так же регулярным в описательных текстах оказывается союзное слово *что* в составе так называемых придаточных присоединительных, его мы можем поместить на третье место: *Шапка имеет классический дизайн бини с широким отворотом, что делает её универсальной и стильной; Модель выполнена в благородном бежевом цвете, что делает её универсальной и практичной для любого гардероба.*

В конструкциях с союзным словом *что* в разных формах первая часть вводит какой-либо признак предмета или его части, причем, как правило, то, что можно увидеть (*Модель выполнена в благородном бежевом цвете* – см. примеры выше). Вторая же часть сложноподчиненного предложения дает всегда информативный регистр, в ней обознается функция предмета или его части (*что защищает от ветра и осадков*), или информативный признак (*что делает её универсальной и практичной для любого гардероба*). Таким образом, мы наблюдаем переход от репродуктивного регистра в первой предикации к информативному во второй.

Такие предложения интересны тем, что в условиях ограниченного объема всего текста-описания составитель не использует более короткие и емкие конструкции-синонимы с сочинительным союзом *и* или без средства связи, ср.: *Шапка имеет классический дизайн бини с широким отворотом, что делает её универсальной и стильной – Шапка имеет классический дизайн бини с широким отворотом, и это делает ее универсальной и стильной* и *Шапка имеет классический дизайн бини с широким отворотом, это делает ее универсальной и стильной*.

Еще одно средство связи, которое тоже регулярно появляется в текстах-описаниях и находится на 4 месте – это сочинительный составной союз *как… так и.* Предложения с этим союзом тоже состоят из двух частей, союз выполняет соединительную функцию: *Она идеально подходит как для подростков, так и для взрослых женщин; Модель oversize позволяет носить ее как самостоятельно, так и в качестве верхней одежды.*

Не совсем понятно, почему составители регулярно обращаются к этому союзу, который можно заменить на простой соединительный *и* – это позволит сэкономить количество знаков и сделает описание более простым для восприятия, ср.: *Она идеально подходит для подростов и для взрослых женщин*.

На пятом месте находится сочинительный союз *а*, который должен сопоставлять две характеристики предмета, например: *Левый рукав без принта, а на правом орнамент.* Представляется, что этот союз уместен, если в текст вводится описание парных деталей одежды, как в примере выше. Он занимает только пятое по востребованности составителями место, поскольку такое сопоставление двух частей одного предмета появляется не всегда и не во всех описаниях, а только там, где одна часть пары отличается от другой.

Однако союз *а* может вводиться в предложение и при обычном перечислении характеристик, где его можно заменить на соединительный союз *и* или вообще убрать союз из предложения: *Капюшон добавляет практичности и защищает от ветра, а длинные рукава с манжетами обеспечивают дополнительную защиту от холода; Натуральная кожа обеспечивает комфорт и долговечность, а лаконичный дизайн подчеркнет вашу индивидуальность.* Как мы видим, в этих примерах нет как такового сопоставления и непонятно, почему составитель предлагает увидеть связь между капюшоном и рукавами, натуральной кожей и лаконичным дизайном.

На этом обзор и распределение по частотности регулярных средств связи в полипредикативных предложениях в составе описаний одежды заканчивается. Но нельзя не назвать еще один союз, который появляется нерегулярно, но тем не менее он встретился в 4 текстах из 50. Это сочинительный союз *но*, который выбирается для противопоставления двух характеристик: *Модель укороченная, но теплая, с начесом; Приталенная модель подчеркивает силуэт, но не сковывает движения*.

Нерегулярность и единичность этого союза можно объяснить следующим образом. Составитель должен дать идеальное описание товара, чтобы у пользователя не было сомнений в том, что именно этот товар именно у этого продавца – то, что ему нужно, чтобы он его купил. Противопоставление в данном случае не совсем уместно, поскольку одна из двух характеристик должна быть отрицательной, а это в свою очередь не работает на стратегию составителя – дать в описании положительный и даже исключительный образ товара.

При этом очевидно, что некоторые характеристики модели могут вызвать сомнения у покупателя. В примерах выше *укороченная модель* – это неудобно и холодно, *приталенная модель* может сковывать движения и т.п. Таким образом составитель в начале конструкции вводит наблюдаемые

признаки моделей (которые на момент составления карточки и продажи считаются еще и трендовыми), а далее во второй части он заявляет о том, что эти особенности моделей, которые могут не понравиться некоторым покупателям, не мешают им быть в первом случае теплыми, в другом – не сковывать движения. Такая тактика заставить обратить внимание на модель не только тех, кто ищет трендовые вещи, но и тех, кто ценит удобство и комфорт.

Анализ средств связи в текстах-описаниях одежды на маркетплейсах подтверждает, что главная цель составителя карточки товара – представить товар, описать все ее признаки тем самым показать, чем этот товар выделяется среди аналогичных у конкурентов. В соответствии с этой стратегией составитель выбирает языковые средства, которые будут а) обозначать характеристики одежды, б) соединять эти характеристики в полипредикативные конструкции. Наиболее востребованной тактикой оказывается, как уже говорилось выше, отсутствие средств связи, составитель просто «нанизывает» предикации в одну полипредикативную конструкцию. Это актуально для полипредикативных предложений, в которых предикаций больше, чем две. Союзы и союзные слова появляются в двухчастных полипредикативных конструкциях. Среди союзных средств регулярно отбираются те, которые могут выполнить соединительную функцию, причем составители не ограничиваются самым простым и нейтральным союзом *и*.

Регулярное обращение составителей к некоторым союзам не представляется логичным. Прежде всего это составной союз *как… так и*, использование которого нагружает конструкцию и затрудняет восприятие информации. Также нелогичен выбор союза *а*, который в анализируемых текстах выполняет функцию не противопоставления характеристик, а их соединения, поэтому его можно убрать из предложений вообще или заме-

нить на *и*. Нам же представляется, что именно *и* в таких описаниях будет самым уместным для соединения предикаций.

Кроме того, регулярны и союзные слова, с помощью которых придаточная часть раскрывает содержание главной или конкретизирует его, вводя дополнительную характеристику предмета одежды. Здесь уже необходимо анализировать регистровую принадлежность соединяемых предикаций. В настоящей статье показано, как происходит переход от репродуктивного регистра в первой части таких сложноподчиненных предложений к информативному – во второй. Однако необходимо дальнейшее исследование этого вопроса и увеличение объема анализируемых описаний.

Литература

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова – М.: Издательство Москвоского университета, 1998. – 524 с.

2. Роговнева Ю.В. Нефикциональность и фикциональность в тексте. Нефикциональный текст / Ю.В. Роговнева // Русский язык за рубежом. – 2018. – № 6. – С. 93–97.

3. Сидорова М.Ю., Белая Е.В. О синтаксической неоднозначности полипредикативных конструкций в русском языке (в сопоставлении с французским) / М.Ю. Сидорова, Е.В. Белая // Мир русского слова. – 2011. – № 1. – С. 9–15.

4. Сидорова М.Ю. Коммуникативно-функциональная грамматика и традиционные синтаксические объекты (придаточное определительное с союзным словом «который») / М.Ю. Сидорова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2015. – № 6. – С. 24-34.

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Роговнева Ю.В. – кандадат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания

Адрес электронной почты: vinnipuh61@yandex.ru

Е.В. Сидорова

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируются структурно-семантические особенности функтивных содержательно односоставных предложений, рассматривается их компонентный состав в утвердительных и отрицательных вариантах, возможности расширения минимальной структурной схемы изучаемых конструкций. Описываются субстанциальный и экзистенциальный компоненты предикативного центра функтивных предложений и их номинативная периферия. На основе примеров НКРЯ рассматривается лексическая сочетаемость косвенной номинации предикативного центра с инфинитивами и возможности их препозитивного употребления в речи.

Ключевые слова: содержательно односоставное предложение, функтивное предложение (безлично-инфинитивное предложение), структурно-семантические особенности предложения, субстанциальный и экзистенциальный компоненты.

Односоставные предложения в русском языке могут быть разделены на два разряда: формально односоставные, которые близки к двусоставным, поскольку позиция отсутствующего главного члена не исключается и «подсказывается» грамматической формой представленного в предложении второго главного члена (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные), и содержательно односоставные, в которых позиция второго главного члена отсутствует (предметные, или номинативные, признаковые, процессные (активно-процессные и пассивно-процессные), дебитивные, или инфинитивные, и функтивные, или безлично-инфинитивные). В данной статье мы рассмотрим структурно-семантические особенности функтивных предложений, попытаемся описать их разновидности и функциональную специфику.

В грамматике односоставных предложений термины «безлично-инфинитивное» и «функтивное» предложение могут использоваться равно-

правно, однако стоит учитывать тот факт, что первый имеет явно «морфологизированную» специфику и обозначает рассматриваемый тип предложений как некий промежуточный между безличными и инфинитивными, а второй является содержательно ориентированным, что точнее передает суть данного типа односоставных предложений.

По определению проф. А.М. Ломова, функтивные предложения – тип содержательно односоставных предложений, констатирующих существование / несуществование реалий, для экспликации которых язык прибегает к косвенной номинации, квалифицируя эти реалии не путем отсылки к тому или иному частеречному значению, а путем указания на выполняемую ими функцию: *У них есть с кем посоветоваться; Ему негде жить* [Ломов, 2004: 22 – 23].

По своему происхождению рассматриваемый тип содержательно односоставных предложений восходит к предложениям сложным, в которых инфинитив был включен в состав придаточной части. Однако вследствие языковых трансформаций конструкции приобрели форму простого предложения. Этот процесс описан в понятийном словаре-справочнике «Русский синтаксис в алфавитном порядке» и в монографии «Типология русского предложения» А.М. Ломова. Начало трансформации было положено конструкциями с отрицанием, в которых глагол *быть* имел в третьем лице единственного числа настоящего времени вариантную, скорее всего, диалектную форму *е*, утратив начальный *j*, ассимилировался с отрицательной частицей *не*, которая, в свою очередь, слилась с соотносительным словом в одно целое и образовала отрицательное местоимение или наречие: *нечего*, *некому, не о чем, некуда* и т.д. Вследствие этого границы между главной и придаточной частями сложного предложения были стерты, и произошел переход сложного предложения в простое: *Мне не е, куда пойти. – Мне некуда пойти, Ему не е, кому сказать об этом. – Ему некому сказать об*

этом. Позже были переосмыслены конструкции без отрицания: *Ему е, куда пойти. – Ему есть куда пойти* [Ломов, 2004: 23 – 24; 2012: 262 – 263]. В результате процесса опрощения небазисная пропозиция в таких предложениях стала передаваться не придаточной частью, а словом или сочетанием слов, которые указывают на функцию – констатацию существования или несуществования реалий.

Следует отметить, что рассматриваемый тип содержательно односоставных предложений до сих пор в лингвистике не имеет четкой и однозначной характеристики: разные исследователи относили их к односоставным безличным, к промежуточному типу между безличными и инфинитивными предложениями и к несогласованному двусоставному предложению. В монографии В.В. Бабайцевой «Система односоставных предложений в современном русском языке» безлично-инфинитивные предложения описываются как переходный тип между безличными и инфинитивными предложениями [Бабайцева, 2004: 301]. В работах А.Ф. Калинина безлично-инфинитивные предложения рассматриваются как фразеологизированные: «Фразеологизированный характер предложений такой структуры обусловлен наличием облигаторных компонентов: глагольной словоформы *есть (было, будет)* и местоименного наречия или местоимения *кто (что)*» [Калинин, 2012: 52]. В автореферате Е.В. Шутун безлично-инфинитивные предложения подразделяются на «собственно-безлично-инфинитивные» и «несобственно-вопросительные безлично-инфинитивные» [Шутун, 2008: 9, 13].

Функтивные предложения имеют утвердительный и отрицательный варианты, во многих случаях коррелирующие между собой: *Мне есть (было, будет) куда пойти. – Мне некуда (было, будет) пойти; Мне есть (было, будет) с кем поговорить. – Мне не с кем (было, будет) поговорить.* Утвердительные варианты строятся по схемам: *было (есть, будет) + наречие +*

инфинитив; было (есть, будет) + местоимение + инфинитив. Отрицательные варианты функтивных предложений имеют следующие структурные схемы: *отрицательное наречие + было (будет) + инфинитив; отрицательное местоимение + было (будет) + инфинитив.*

Номинативный центр функтивных предложений составляют субстанциальный и экзистенциальный компоненты. Субстанциальный компонент выражается инфинитивом и зависящими от него относительными словами, которые в утвердительных вариантах представлены местоимениями и наречиями, а в отрицательных вариантах – отрицательными наречиями и отрицательными местоимениями. Профессор А.М. Ломов в своей монографии пишет: «Субстанциальный компонент в описываемых предложениях, как и его прообраз – дебитивное высказывание, остается постоянно модализованным. Однако его модальная характеристика не варьируется: он усвоил только модальное значение возможности, благодаря которому небазисная пропозиция интерпретируется не как реально существующий, а как потенциальный, т.е. принципиально возможный факт, форма существования которого так или иначе коррегируется экзистенциальным компонентом» [Ломов, 2022: 264]. Экзистенциальный компонент утвердительных функтивных предложений представлен глаголом *быть,* который употребляется во всех трех временах изъявительного наклонения, при этом в настоящем времени он имеет форму *есть*. В отрицательных конструкциях настоящего времени данный глагол остается невостребованным.

Минимальная структура функтивного предложения, состоящая из субстанционального (инфинитив + косвенная номинация) и экзистенциального компонентов: *Есть кому сказать; Некому сказать; Есть где остановиться; Негде остановиться,* – вполне может быть расширена включением семантического субъекта: ***Мне*** *есть кому сказать;* ***Мне*** *есть где остановиться;* семантического объекта: *Мне есть что* ***с вами*** *обсудить; Мне есть*

где ***с вами*** *остановиться;* обстоятельств со значением времени и места: *Мне есть что с вами* ***сейчас*** *обсудить; Мне есть где* ***там*** *с вами остановиться.*

Отрицательные конструкции рассматриваемых односоставных предложений способны трансформироваться в неполные, в которых, по наблюдениям, опускается инфинитив, поскольку он легко может восстанавливаться из контекста: *Ей нечего было обсудить, да и* ***не с кем****; Не о чем было спросить, да и* ***незачем.*** Союз *да и* обладает присоединительным значением и позволяет реализовать неполноту следующей за ним части высказывания, проецируя компонентный состав первой части на вторую, неполную.

В номинативной периферии функтивных предложений внимания заслуживают в первую очередь детерминанты. Они имеют локальное значение: *Здесь есть где остановиться. – Здесь негде остановиться;* темпоральное значение: *Завтра будет что обсудить. – Завтра нечего будет обсудить;* посессивное значение: *У меня есть кому работать. – У меня некому работать;* адресатно-субъектное значение: *Мне есть что вам предложить. – Мне нечего вам предложить;* причинно-источниковое значение: *От духоты нечем было дышать;* условно-констатирующие значение: *Без проводника незачем было отправляться.*

Косвенная номинация, представленная наречием, в составе субстанциального компонента имеет схожие значения времени: *Есть когда поговорить. – Некогда поговорить;* локальное значение: *Есть где встретиться. – Негде встретиться. – Есть куда поехать. – Некуда поехать. – Есть откуда забрать. – Неоткуда забрать;* значение причины: *Есть почему обидеться;* значение цели: *Есть зачем возвращаться. – Незачем возвращаться.*

Семантику функтивных предложений можно определить как «возможность, целесообразность действия, обусловленного наличием субъекта /

объекта, необходимых обстоятельств (время, место, цель, причина)» для утвердительных конструкций; «невозможность, нецелесообразность действия, обусловленного отсутствием субъекта / объекта, необходимых обстоятельств (время, место, цель, причина)» для отрицательных конструкций.

Объективная модальность реальности в таких предложениях реализуется в их повествовательном варианте: *Есть что почитать*. Модальность ирреальности передается либо в вопросительных предложениях: *У нас есть что почитать? – У нас нечего почитать? – Разве есть что почитать? – Разве нечего почитать?*, либо в повествовательных предложениях с частицей *бы: Было бы где остановиться.* Вопросительное высказывание в подобный примерах оформляется с помощью интонации, преобразующей повествовательное высказывание в вопросительное.

Помимо вопросительных частиц, средствами выражения модальности могут быть вводные слова: *У нас, конечно, есть что почитать. – У нас, возможно, есть что почитать?*

Главный член функтивного предложения в силу своей специфики не предполагает построения побудительных высказываний. Однако некоторым функтивным конструкциям свойственна директивность: *Тебе есть чем заняться*, а также запрет: *Незачем тебе уезжать.*

Как было отмечено ранее, функтивные предложения имеют полную временную парадигму: *Мне есть (было, будет) что почитать. – Мне нечего (было, будет) почитать; Есть (было, будет) куда пойти. – Некуда (было, будет) пойти.* Однако они способны передавать и вневременное значение, не имеющее соотнесенности с конкретным моментом речи: *Мне есть о чем подумать.* Ситуативные детерминанты в функтивных предложениях являются дополнительными показателями значения времени: *Мне сейчас*

есть о чем подумать. – Мне тогда было о чем подумать. – Завтра мне будет о чем подумать.

Функтивные предложения, в которых в качестве косвенной номинации представлены местоимения, допускают широкую вариативность падежных и предложно-падежных форм, предопределенных грамматическими возможностями местоимений: *Есть у кого (Р.п.) спросить. – Не у кого (Р.п.) спросить; Есть кому (Д.п.) рассказать. – Есть к кому (Д.п.) подойти. – Некому (Д.п.) рассказать. – Не к кому (Д.п.) подойти; Есть кого попросить (В.п.) – Некого (В.п.) попросить. – Есть на кого (В.п.) равняться. – Не на кого (В.п.) равняться; Есть кем (Т.п.) заменить. – Некем (Т.п.) заменить. – Есть с кем (Т.п.) поговорить. – Не с кем (Т.п.) поговорить; Есть о ком (П.п.) поговорить. – Не о ком (П.п.) поговорить; Нечего (Р.п.) посмотреть; Есть чему (Д.п.) удивиться. – Нечему (Д.п.) удивиться; Есть что (В.п.) посмотреть. – Есть на что посмотреть; Есть чем (Т.п.) похвастаться. – Нечем (Т.п.) похвастаться. – Есть с чем (Т.п.) согласиться. – Не с чем (Т.п.) согласиться; Есть о чем (П.п.) поговорить. – Не о чем (П.п.) поговорить.*

Интересно проследить лексическую сочетаемость компонентов функтивных предложений. Остановимся лишь на нескольких структурных схемах. По данным основного подкорпуса НКРЯ, косвенная номинация *не у кого* сочетается с инфинитивами *спросить* (на первом месте по количеству примеров)*, выяснить, жить, занять (денег), взять в долг, учиться* и т.д. *Есть у кого* употребляется в контексте с глаголами *узнавать, остановиться, учиться, перенять, лечиться, просить, закурить, защиты искать* и т.д. *Есть кому* встречается в составе функтивных предложений с инфинитивами *рассказать, постоять, защищать, позаботиться, побеспокоиться, зависеть, зарыть (в землю), сделать, позвонить* и т.д. Косвенная номинация *есть к кому* среди наиболее частотных имеет инфинитив *обратиться*, еди-

ничными являются примеры употребления с глаголами *поехать, пойти, сходить, прийти, вернуться.* Конструкция *есть кого* имеет широкую лексическую сочетаемость с инфинитивами *просить, ждать, любить, ненавидеть, радовать, бояться, жалеть, позвать, спрашивать, будить, отметить, подозревать, защищать, поздравить, побеждать* и т.д. Самая частотная сочетаемость конструкции *есть на кого* связана с инфинитивами *опереться, положиться, равняться, свалить,* отмечаются также примеры сочетаемости с глаголами *сослаться, ориентироваться, посмотреть, оставить, надеяться, злиться, кричать,* глагольно-именным сочетанием *обратить внимание* и т.д. Конструкция *есть кем* в основном корпусе представлена лишь двумя вариантами сочетаемости с инфинитивами *гордиться* и *заменить.* Наблюдения показывают, что функтивные предложения имеют богатую палитру лексической сочетаемости компонентов структурной схемы, которая обусловлена грамматическими особенностями косвенной номинации и ее семантическими потребностями.

Следует отметить, что среди большого числа примеров функтивных предложений из НКРЯ, построенных по схемам: *было (есть, будет) + наречие + инфинитив; было (есть, будет) + местоимение + инфинитив*, а также *отрицательное наречие + было (будет) + инфинитив; отрицательное местоимение + было (будет) + инфинитив,* – единичны случаи препозитивного употребления инфинитива: Уж и *любить*-то есть кого…» [Н. А. Добролюбов. Темное царство (1859)]; … *мирить* есть кого у нас самих, в собственном доме. [А. С. Черняев. Дневник (1991)]; Скоро уже и *учиться* будет не у кого. [Д. Н. Каралис. Дневник (2011)]; *Взять* в долг тоже не у кого, работать нет сил. [Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть первая // «Волга», 2015]; Подробнее *спросить* не у кого. [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом (1943-1958)]. При этом в некоторых схемах функтивных предложений при наличии большого количества примеров не

обнаружены случаи употребления инфинитива в препозиции (например, в схеме *есть на кого + инфинитив*). Такого рода построения, как *Спорить было не о чем; Поучиться есть у кого; Поехать некуда; Жить есть где* и т.д., в основном корпусе НКРЯ представлены в меньшем количестве, чем с постпозитивным инфинитивом. Объяснение тому, по всей вероятности, можно найти в стилистических особенностях использования функтивных предложений в речи, которые являются устно-разговорными средствами языка и функционируют в непосредственном общении при обсуждении возможности или невозможности осуществления действия.

Кроме глагола *быть* в разных временных формах, в качестве бытийного компонента может быть использован глагол *стать* в прошедшем времени, при этом инфинитив может оказаться как в постпозиции, так и в препозиции: Некого *стало* ждать по вечерам, не для кого стряпать. [В. Ф. Панова. Евдокия (1944-1959)]; Мы отменили ставку инструктора потому, что у нас некого *стало* учить, все подготовлены примерно одинаково. [Виктор Доценко. Тридцатого уничтожить! (2000)]; Успели только фундамент доделать и стены, а потом, сам знаешь, оповещать *стало* некого. [Виктор Пелевин. Generation «П» (1999)]; Догонять *стало* некого, а идти вперёд в одиночку было слишком дорого и опасно. [Лев Смиренный. Ядерная жар-птица // «Наука и жизнь», 2008].

В роли экзистенциального компонента способен выступать глагол *оказаться* в прошедшем времени: Посвященных было так мало, что послать в прошлое *оказалось* некого. [Евгений Прошкин. Механика вечности (2001)]; Но приветствовать *оказалось* некого, и он, неожиданно откинувшись, подставил голову под водяную струйку. [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 2) (1989)]; Верно, был кто-то первый, оставивший здесь еду, – возможно, незачем *оказалось* нести ее дальше, возможно, заботясь о тех, кто придет потом. [Вячеслав Рыбаков. Свое оружие (1987)].

Среди рассмотренных примеров из НКРЯ были отмечены варианты пунктуационного оформления конструкций в качестве придаточных предложений, запятая в таких случаях ставится после глагола *есть*: Необходимо бомжовое сословие и обывателю: есть, с кем сопоставить уровень собственного благополучия, *есть, кому* бросить денежку от щедрот своих. [Александр Зябликов. Провинциальная столица // «Сибирские огни», 2013]; Пусть вороги о русских всякие небылицы плетут, да шпионов засылают. *Есть, кому* границы защищать. И мечом, и амулетом. [А. Г. Асмолов. Низкий поклон (2015)]; Мне говорят, что надо уезжать, Но медлю я, приникнув как Овидий, К родной земле, где я не одинок, Где *есть, кого* любить и ненавидеть. [Рада Полищук. Портреты (2003) // «Вестник США», 10.12.2003]; А тут прохожие всякие. И *есть, кого* попугать. Ой, какая небылица страшная, – сказал Карандаш и поежился. [Валентин Постников. Путешествие Карандаша и Самоделкина (1995)]; Хорошо на них опираться, когда *есть, на кого* опереться. [Николай Солодников, Тамара Эйдельман, Сергей Бунтман. Как правильно преподавать историю в школе? (2017.09)]; Снимите полосу такой, как Марина Потемкина, и завтра она пойдет в «Новое русское слово». У вас *есть, кем* ее заменить? [В. А. Ярмолинец. Приключение с гринкартой. Детективные записки русского репортера // «Волга», 2009]. Такое пунктуационное оформление с избыточными с точки зрения современных норм запятыми в выделенных курсивом фрагментах напоминает об истории функтивных предложений, произошедших от сложных, в которых роль придаточной части выполняли дебитивные структуры с косвенными номинаторами.

Анализ структурных и семантических особенностей функтивных предложений позволяет считать их самостоятельным классом содержательно односоставных предложений, имеющих ярко выраженное модальное значение возможности / невозможности осуществления действия, ограни-

ченную вариативность структурных схем, в которых косвенная номинация влияет на выбор инфинитива с тем или иным лексическим значением.

Литература

1. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке: Монография / В.В. Бабайцева. – Москва: Дрофа, 2004. – 512 с.

2. Калинин А.Ф. Фразеологизированные безлично-инфинитивные предложения в системе простого предложения в русском языке / А.Ф. Калинин // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание, 2012. – № 1 (15). – С. 51 – 56.

3. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник / А.М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 400 с.

4. Ломов А.М. Типология русского предложения / А.М. Ломов. – 3-е изд. – Москва: Флинта, 2022. – 280 с.

5. Национальный корпус русского языка // https://ruscorpora.ru/

6. Шутун Е.В. Структура, семантика и текстообразующие функции безлично-инфинитивных предложений: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Шутун; Моск. гос. обл. ун-т. – Москва, 2008. – 21 с.

Воронежский государственный университет

Сидорова Е.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

Адрес электронной почты: sidorovaelenavl@mail.ru

О.А. Швецова

ОБУЧЕНИЕ ВЫДЕЛЕНИЮ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ШКОЛЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация: в статье рассматривается актуальная в методике преподавания русского языка проблема – трудности, возникающие у школьников средней школы в процессе выделения грамматической основы предложения. Анализируются причины затруднений, предлагаются пути их преодоления. Особое внимание уделяется обзору классических и современных методических подходов, используемых для формирования у учащихся навыков правильного выделения грамматической основы предложения.

Ключевые слова: русская грамматика, предложение, грамматическая основа, подлежащее, сказуемое, методика, русский язык, школа.

Русский язык – это единственный школьный предмет, который на всю жизнь человека определяет его мышление, способ общения, способность объясниться и понять другого. А знакомство с грамматикой русского языка как нельзя лучше учит логике мышления, умению анализировать и обобщать. Не случайно А.М. Пешковский называл грамматику «гимнастикой ума». Поэтому знание грамматических правил является одной из важнейших составляющих формирования лингвистической компетентности школьников.

Как известно, грамматика закрепилась в качестве раздела в учебниках русского языка для начальной школы благодаря усилиям таких лингвистов и методистов, как Н.Ф. Бунаков, В.П. Вахтеров, Д.И. Тихомиров, А. М. Пешковский. Так, А.М. Пешковский в своих трудах настаивал на необходимости изучения грамматики младшими школьниками, считал её опорой для формирования осознанных речевых (грамматических) и, как следствие, орфографических умений обучающихся. По его мнению, на основе изучения грамматики у младших школьников формируются словообразователь-

ные, морфологические, синтаксические нормы литературного языка [Пешковский, 2021].

Л.В. Щерба считал, что изучение грамматики должно быть направлено не столько на получение чисто теоретических знаний, сколько на выработку практических навыков владения языком. Он утверждал, что грамматику следует преподавать не как изолированную дисциплину, а как инструмент, позволяющий свободно и грамотно общаться [Щерба, 2008].

Ф.И. Буслаев также подчёркивал, что грамматика должна учить пользоваться языком практически, развивая речь и письменные навыки учащихся [Буслаев 2019].

Л.Н. Толстой, рассуждая о трудностях в преподавании грамматики, писал: «Единственное объяснение необходимости грамматики, кроме требования на экзаменах, может быть найдено в приложении её к правильному изложению мыслей. <...> Мне кажется, что грамматика идёт сама собой, как умственное небесполезное гимнастическое упражнение, а язык – умение писать, читать и понимать – идёт сам собой» [Толстой, 2010: 208].

Ни для кого не секрет, что в современной школе преподавание русской грамматики сталкивается с множеством трудностей, которые связаны как с внутренней структурой языка, так и с методами обучения, мотивацией учащихся и их возрастными особенностями. Одной из таких трудностей является выделение грамматической основы предложения, что негативно сказывается на успешности усвоения школьниками более сложных разделов синтаксиса.

Понимание структуры предложения – один из ключевых аспектов овладения русской грамматикой. Умение правильно выделять грамматическую основу является фундаментальным дисциплинарным умением, влияющим на развитие остальных синтаксических навыков, навыков логического мышления и грамотного письма. Поэтому актуальность нашего исследо-

вания обусловлена необходимостью совершенствования методики преподавания синтаксиса, поиска путей минимизации ошибок и повышения мотивации обучающихся при изучении тех или иных разделов «Синтаксиса».

Изучение синтаксиса как части грамматики порождает большое количество трудностей объективного и субъективного характера. Объективный характер трудностей, по мнению С.В. Бредихиной, связан с методическими особенностями подачи синтаксического материала в учебниках по русскому языку [Бредихина, 2024].

Анализ результатов педагогической практики студентов филологического факультета Воронежского государственного университета, а также письменных работ выпускников средней школы на итоговой аттестации свидетельствует о многокомпонентных **причинах трудностей** школьников **в выделении грамматической основы предложения**. Назовём некоторые из них.

1. Несовершенство языкового сознания

Распознавание грамматической основы требует аналитического абстрактного мышления, позволяющего выделять главные члены. Однако многие учащиеся не только младшего, но и среднего звена ещё не обладают необходимым уровнем когнитивной зрелости, позволяющей адекватно воспринимать сложные языковые структуры, поэтому они сталкиваются с затруднениями в выделении основы из-за несформированности этого типа мышления.

2. Недостаточная дидактическая подготовка

Она проявляется в незначительном использовании разнообразных форм работы по развитию навыков анализа предложения и в слабой дифференцированности педагогических методов в учебных пособиях. Всё это приводит к тому, что в процессе обучения внимание на уроке уделяется скорее репродуктивным действиям, нежели творческим операциям, свя-

занным с поиском решений в нестандартных ситуациях [Чупашева].

3. Отсутствие системного подхода в обучении

Многие уроки строятся без систематического закрепления правил выделения грамматической основы, что приводит к фрагментарности знаний и затруднениям при закреплении навыка.

4. Недостаточная мотивация и интерес школьников

Обеднение учебного процесса часто связано с недостаточной мотивацией, что снижает активность при выполнении упражнений, связанных с анализом предложений.

5. Особенности русской грамматики

Большое количество грамматических форм и конструкций, сложности в определении синтаксического статуса отдельных членов предложения вызывают у учащихся сложности при синтаксическом анализе.

6. Отсутствие постоянного мониторинга прогресса в усвоении темы

Учителям недостает времени для полноценного отслеживания динамики продвижения учащихся в изучении темы, что препятствует оперативной коррекции ошибок.

7. Недостаточно продуманная методика преподавания

Нередко применяемые традиционные методы оказываются неэффективными ввиду устаревшего содержания и отсутствия учёта современных реалий [Чупашева].

Теперь перечислим ***основные ошибки, возникающие у школьников при выделении грамматической основы***.

1. Невыполнение полного разбора предложения

Учащиеся часто останавливаются на первых попавшихся словах, принимая их за грамматическую основу, и пренебрегают дальнейшим синтаксическим анализом.

2. Неверное выделение подлежащего и сказуемого

Одна из распространенных ошибок – путаница между подлежащим и обстоятельствами, либо смешение сказуемого с другими членами предложения. Вот лишь некоторые частые случаи ошибок:

а) неправильное выделение подлежащего

Учащиеся нередко принимают дополнение за подлежащее, например в предложении «Дети читают книгу» подлежащим называют существительное «книгу»;

б) отождествление дополнения и подлежащего

Особенно характерно такое явление в пассивных конструкциях, где форма винительного падежа воспринимается как подлежащая. Например, в предложении «Книга прочитана детьми» подлежащим называют существительное «детьми».

3. Расхождение между теорией и практикой, некорректное употребление терминов

Теоретические знания не находят должного воплощения в реальной работе с текстом, что ведет к накоплению ошибок и неуверенности. Зачастую учащиеся используют терминологию формально, не вполне понимая суть понятия.

4. Непонимание границ предложения и его частей

При анализе многосоставных предложений возникают дополнительные сложности. Часто учащиеся пропускают части конструкции, считая лишними вводные и вставные конструкции, обращения. Ситуации подобного рода приводят к ошибкам в построении правильных схем предложений и неверному пониманию общего смысла высказывания, а также к неправильной расстановке знаков препинания.

5. Отсутствие практических навыков и недостаток упражнений

Некоторые трудности обусловлены недостаточностью практических занятий и количества тренировочных примеров. Чем меньше ситуаций са-

мостоятельного разбора встретится ученику, тем больше вероятность появления систематических ошибок. Учебники иногда содержат лишь ограниченное количество иллюстраций, необходимых для полного осознания теории.

6. Ошибки, связанные с неправильным выделением простого и составного сказуемого. Такие ошибки, в свою очередь, также возникает по нескольким причинам:

а) несформированность чёткого представления о структуре предложения

Часто ученики недостаточно ясно понимают различия между простым и составным сказуемым. Простое сказуемое обычно выражается одним словом (личной формой глагола), тогда как составное состоит из двух частей: вспомогательного и вещественного компонента. Отсутствие ясного представления о границах сказуемого приводит к путанице. Например, в предложении *Они стали друзьями* вместо верного составного именного сказуемого «стали друзьями» (связка + существительное), ученик может посчитать глагол «стали» единственным сказуемым, упустив второй элемент.

б) ограниченный опыт анализа предложений разной структуры

Обычно дети начинают изучать простую форму сказуемого раньше, чем составную. Поэтому, сталкиваясь впервые с составным сказуемым, ученики автоматически пытаются применить привычные алгоритмы выделения главного члена, ориентируясь исключительно на первое найденное слово, которое кажется сказуемым.

в) смешение семантически близких явлений

Учащиеся часто плохо отличают разные типы сказуемых друг от друга. Например, легко принимают простое глагольное сказуемое за составное глагольное, если обе формы близки по смыслу («писать письмо» vs. «решил написать письмо»).

г) неглубокий уровень знакомства с функциональными особенностями глагольных форм, неразличение их омонимии.

Детям трудно бывает осознать, что одни и те же глагольные формы выполняют разные роли в зависимости от контекста и наличия дополнительной информации в предложении. Например, слова «начала», «хочет», «может» могут служить как составляющими составного сказуемого, так и обычными действиями-предикатами.

Наметим ***пути преодоления трудностей*** и возникающих ошибок при выделении грамматической основы предложения.

Считаем, что для предотвращения подобного рода ошибок необходимо последовательно и систематично подходить к введению каждой категории сказуемых, используя при этом разнообразные виды упражнений, направленные на практику осознанного выделения и сравнения видов сказуемых. Эффективными методами здесь могут стать

1. актуализация учебно-методического комплекса: необходимо разработать новый комплект пособий, учитывающих возрастные особенности учащихся и требования современной синтаксической науки;

2. внедрение интерактивных методов: проектные задания; составление графических моделей и таблиц для облегчения восприятия и систематизации материала, использование ярких визуальных схем для демонстрации связей членов предложения друг с другом;

3. тренировочные упражнения повышенной сложности: следует увеличить количество заданий, требующих высокого уровня анализа и синтеза, обеспечивая возможность постепенной выработки навыка;

4. постоянный мониторинг и коррекция: регулярный контроль качества выполнения заданий, индивидуальный подход к каждому ребенку и оказание помощи тем, кто испытывает трудности.

Полагаем, что, понимая природу ошибок и регулярно применяя эффективные стратегии исправления, ученики смогут успешно освоить этот важный раздел грамматики.

Таким образом, мы видим, что вопрос выделения грамматической основы – важнейшего уровня анализа синтаксической структуры предложения – остаётся актуальным для большинства учащихся средней школы, сталкивающихся с многочисленными трудностями, порождаемыми как внутренними особенностями языка, так и недостатками методической системы. Необходимость разработки специальных мер по профилактике и коррекции возникающих трудностей очевидна. Только путём комплексных педагогических и методических мер можно обеспечить формирование устойчивых навыков анализа синтаксической структуры и, как следствие, повышения общего уровня грамотности школьников.

Литература

1. Бредихина С.В. Методические аспекты преодоления трудностей в формировании грамматических умений младших школьников / С.В. Бредихина // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. – 2024. – Вып. 2 (54). – С. 17–25. – https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-2-17-25.

2. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка / Ф. И. Буслаев. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 266 с.

3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Языки славянской культуры, 2021. – 544 с.

4. Толстой Л. Н. Педагогические сочинения / Л.Н. Толстой. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 592 с.

5. Чупашева О.М. Грамматическая основа предложения: проблемы и решения / О.М. Чупашева. – https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200501306&ysclid=mjwud5fdf3783800751

6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – М.: ЛКИ, 2008. – 432 с.

Воронежский государственный университет
Швецова О.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Адрес электронной почты: shvetsova@phil.vsu.ru

К. А. Еникеева

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЕЙ В ТЕКСТЕ СТИХОТВОРЕНИЙ В ПРОЗЕ И.С ТУРГЕНЕВА

Аннотация. Статья исследует взаимодействие языковых единиц на разных уровнях в стихотворении в прозе И. С. Тургенева «Necessitas, Vis, Libertas». Рассматривается специфика стиля писателя, обусловленная уникальностью жанра, совмещающего признаки поэзии и прозы, и проявленная в композиции и принципах отбора языковых средств. Это обусловлено уникальностью жанра, совмещающего признаки поэзии и прозы.

Ключевые слова: стихотворение в прозе, художественное произведение, грамматическое единство текста, многоуровневый анализ, семантическое пространство текста.

Объектом нашего внимания стала лирико-прозаическая миниатюра «NECESSITAS, VIS, LIBERTAS» из цикла «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева, а предметом – средства, способы и приёмы организации единства текста.

Выбор обусловлен тем, что в цикле представлены тексты, отвечающие всем требованиям художественности. Под художественным текстом мы понимаем «материально-идеальную, высшую, относительно законченную единицу творческой речемыслительной деятельности, воплощающуюся в единстве формы и содержания картину фикционального мира, отражающую особенности эстетического восприятия действительности и средствами языка моделирующую авторское видение мира» [Кольцова, 2014: 5]. Кроме того, любой прозаический или лирический текст художественный текст обладает грамматический единством, которое выражается, по мнению М. Ю. Сидоровой, в «единстве принципов отбора системно-языковых грамматических средств, «принципов сочетания грамматических и лексических элементов в структуре текста, в «способах организации линейной по-

следовательности знаков в тексте в целом, его композиционных блоках, отдельных предложениях» [Сидорова, 2000: 10]**.** «Грамматическое единство художественного текста, взаимодействуя с факторами его линейной организации (порядком слов, длиной предложения, соотношением «количества» рассказывания и продолжительности рассказывания, речевым ритмом), является проявлением и служит обеспечением динамического горизонтального и вертикального единства двух сторон его плана содержания – модусной и диктумной», – утверждает исследователь [Сидорова, 2000: 11].

Текст «NECESSITAS, VIS, LIBERTAS» был выбран для исследования по причине того, что в нём поднимаются важнейшие для мировой литературы темы зависимости человека от миропорядка и ограниченности возможностей познания.

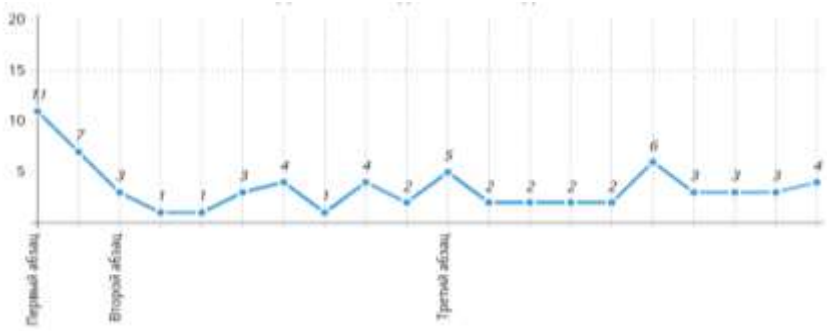
При рассмотрении заглавия, абсолютно сильной позиции начала текста, была выявлена его иконичность. В названии представлено три латинских слова: necessitas – необходимость, vis – сила, libertas – свобода. Эти слова соотносятся с тремя абзацами текста: NECESSITAS соотносится с первым абзацем, где агенсом является «*высокая костлявая старуха с железным лицом и неподвижно-тупым взором...*»; VIS – с женщиной «*огромного росту, могучей, дебелой, с мышцами, как у Геркулеса*» из второго абзаца; LIBERTAS – с девочкой из третьего абзаца. Анафорический повтор Necessitas, Vis, Libertas отличается написанием каждого слова с заглавной буквы, т.е. перед нами имена собственные [Лукин, 2005: 92-109].

Анализ языковых средств построен с учетом метафоричности образов.

При рассмотрении ***ритмической структуры*** в тексте обнаруживается закономерность в регулировании числа тактов в фонетических предложениях. Следуя алгоритму, выдвинутому в работе А. М. Пешковского «Ритмика "Стихотворений в прозе" Тургенева», нам удалось схематично представить эту упорядоченность следующим образом: 11, 7 ||13 (3 + 1 + 1 + 3 + 4), 1, 6

(4 + 2) || 5, 2, 2, 4 (2+2), 6, 3, 3, 3, 4. Итак, каждый абзац этой лирической миниатюры обладает специфической структурой, что обусловлено её содержанием, т.е. противопоставленностью образов друг другу. Первый абзац отличается многотактовыми фонетическими предложениями. Таким образом передается характеристика старухи Необходимости, медленно и бездумно толкающей впередиидущую. Второй абзац представлен волнообразным ритмом, где один – это минимальное количество тактов, а максимальное – четыре. Позиция женщины Силы усреднена не только композиционно, но и содержательно, ведь, с одной стороны, она обладает мощью, физической крепостью, но с другой стороны, она инструмент Необходимости. Третий абзац наиболее гармоничен: кульминационное шеститактовое фонетическое предложение, в котором рисуется живое лицо девочки Свободы, обрамляется практически зеркальными фонетическими предложениями (5+2+2+2+2=13 и 3+3+3+4=13).

График, отображающий ритмику текста «NECESSITAS, VIS, LIBERTAS»:



Звуковая сторона текста имеет определённые знаковые черты. Так, например, в первом абзаце при помощи щелевых звуков [в], [ж], [с], [ш], [ш’], [х] автору удается подчеркнуть некоторую холодность, безразличие старухи, неотвратимость её действий. Во втором абзаце, помимо щелевых звуков, повторяемыми становятся [г], [г’] в словах *огромного*, *могучая*, *Геркулеса*, *головка*. Звуки [ш], [ж], [х], [х’], [г], [г’] характеризуются А. П. Журавлёвым как «тоскливые», «темные», «грустные», что переносится читате-

лем и на женщину, описываемую во втором абзаце [Журавлев, 1991: 91]. В третьем же абзаце, героиней которого является девочка, каких-либо «тёмных» звуков нет, поэтому и образ героини ассоциируется с энергичностью, волеизъявлением. Таким образом, звуковая сторона в каждом из абзацев соотносится с объектом изображения.

Лексический уровень текста характеризуется ключевыми словообразами. Образы Необходимости и Силы раскрываются средствами статичных описаний, а Свободы – психологизированных. В портретах подчеркнуты лишь основные, преобладающие черты: у Необходимости – *«железное лицо»*, *«неподвижно тупой взор»*, рука *«сухая, как палка»*, у *«дебелой»* Силы – «*крохотная головка на бычачьей шее»*, *«мышцы, как у Геркулеса»*, слепота. И лишь у Свободы – *«зрячие глаза»*, *«тонкие, красивые руки»*, *«оживленное лицо»*, которое *«выражает нетерпенье и отвагу»*.

Прилагательные, описывающие старуху и женщину, преимущественно антонимичны тем, что описывают девочку (слепая – зрячая; высокая, огромная – небольшая; дебелая – худенькая), однако эти три фигуры, вписанные в замкнутое пространство барельефа, не создают пропорциональную картину. Так логическая цепочка «огромный – большой – небольшой» в тексте преображается в «высокий (также упоминаются «большие шаги») – огромный – небольшой». Сравнительные величины внешних характеристик связаны с идейно-эмоциональным содержанием художественно-философского образа: «Алогизм ритмического ряда обусловлен воплощением идеи, фиксирующей строгую упорядоченность законов бытия, далеких от ценностных человеческих представлений о его целесообразности» [Головко, 2014: 41].

Такой же алогизм обнаруживаем в соотношении слов «костлявый – могучий, дебелый – худенький, тонкий». Эпитет *костлявая*, описывающий старуху, в тексте не является синонимом слова *худенькая*. Метафорический

образ старухи связан с воплощением сверхчеловеческой силы, с образом кощея, «изможденного непомерно худобою человека», по определению В.И. Даля [Даль, 1865: 716].

Мотив видения, характерный для всего цикла, реализуется здесь с новым оттенком смысла, так как к оппозиции «зрячий – слепой» добавляется *«неподвижно-тупой взор»* Необходимости. Учитывая, что слепота/зрячесть – комплементарные антонимы, следует сказать, что образ старухи стоит вне этих понятий. В «Толковом словаре русского языка» под ред. С.И. Ожегова слово *тупой* представлено восемью дефинициями и все они так или иначе отрицают какое-либо качество: например, «невыразительный, почти бессмысленный» или «безропотный, безответный, притерпевшийся к чему-н. неприятному, отупелый» [Ожегов]. Старуха Необходимость, таким образом, оказывается невосприимчивой к проявлениям жизни.

Показательно использование прилагательного «слепая» по отношению к Силе. В «Толковом словаре русского языка» под ред. С.И. Ожегова слово *слепой* во втором пункте определяется как «безрассудный, действующий или совершающийся без разумного основания» [Ожегов].

Головко В. М. утверждает, что тургеневские героини соотносятся с учением о «слоях» сущего, различаемых ещё со времен Аристотеля. «Низшие» (Необходимость и Сила) являются носителями «высшего» (Свободы), они более сильные, но «высший» слой обретает новое свойство – способность к свободному выражению своей сущности [Головко, 2014: 46].

На ***морфологическом уровне*** наиболее показательным является соотношение имен прилагательных и глаголов.

Во-первых, в тексте все глаголы использованы в настоящем времени, что создает иллюзию непосредственного восприятия картины как автором, так и читателем. Во-вторых, только в третьем абзаце есть возвратные глаголы, характеризующие образ девочки. При этом присутствуют и собственно

возвратные, например, *оборачивается*, *упираться*, и имплицитно-возвратные глаголы или общевозвратные, обозначающие скорее состояние, которое вызвано извне, чем действие, например, *слушаться*, *повиноваться* с узуальной семемой «подчиняться другим людям» [Боброва, 2014: 160–163]. В-третьих, мы видим, что образы старухи и женщины более статичны (четыре глагола: три в первых двух абзацах, один в третьем), чем образ девочки (девять глаголов).

В тексте представлены только качественные прилагательные, при этом одно из них (*железный*) изначально является относительными, что указывает на принадлежность старухи к неорганическому, бессмертному миру, а другое (*бычий*) – к притяжательным, что возвращает нас к мысли о том, что женщина действует инстинктивно.

Кроме того, в третьем абзаце использовано личное местоимение *она*, а в двух предыдущих абзацах агенс и пациенс выражены существительными. Местоимение *она*, во-первых, выполняет анафорическую функцию, а во-вторых, отсылает читателя к идее свободы, т.к. местоимения, по своей природе, отличаются недостаточностью содержания. В контексте лирической миниатюры это свойство можно трактовать как способность героини формировать свою сущность.

Синтаксическая и пунктуационно-графическая организация текста также отличается своеобразием. Заголовок и его повторение, представленные в латинской графике, находятся в отношении контрапункта с остальным текстом, что создаёт особое интеллектуальное и эмоциональное напряжение. Использование «мёртвого» языка способствует передаче идеи ограниченности человеческого восприятия, необходимости дополнительного усилия для понимания. Авторский комментарий в конце отсылает нас к проблеме соотношения Необходимости и Свободы. С одной стороны, есть указание на наличие у читателя выбора, но с другой стороны, сама специ-

фика соотношения заголовка и содержания лирической миниатюры делает необходимым перевод с «мёртвого» языка на русский язык.

Подзаголовок *барельеф* также активизирует читательское восприятие, т.к. скульптурный элемент непонятен в применении к вербальному тексту. Лукин В. К. говорит об иконичности подзаголовка: «Но важен еще смысл «объем, переданный меньше чем наполовину». Значит, что читатель не видит и «половины» того, что есть NECESSITAS, VIS, LIBERTAS» [Лукин, 2005: 92].

Предложения в первом и втором абзацах являются двусоставными и полными и отличаются непрямым порядком слов. В третьем абзаце, помимо полных двусоставных предложений с прямым порядком слов, можно отметить назывное («*У одной этой девочки зрячие глаза*»), неопределенно-личное (*«куда ее толкают…»*) и неполное двусоставное (*«… и все-таки должна повиноваться и идти»*). В первых двух случаях построения предложений характерны для книжных стилей речи (публицистический, художественный стили), во втором – для разговорного. Такое соотношение служит созданию контрастных образов.

Тире первый раз употреблено в тексте как выделительный знак, а второй как разделительный. В первом случае два тире выделяют согласованное определение *слепая*, относящееся к женщине. Во втором случае тире использовано согласно норме, т.к. первая часть предложения выражает условие совершения действия, о котором говорится во второй части, но также использованный разделительный знак выполняет функцию противопоставления. Так в первой части (*«Кому угодно»*) выражается акт волеизъявления, а во второй (*«пусть переводит»*), несмотря на кажущееся продолжение мысли, есть момент необходимости и зависимости человека, потому что перевод ему необходим для познания.

Многоточие использовано два раза в третьем абзаце. Сначала этот знак препинания противопоставляется точке и выполняет эмотивную функцию. Если точка используется для выражения мысли о подчинении силе, то многоточие указывает на сопротивление, на попытки изменить предначертанное судьбой.

Точка с запятой использована два раза в первом предложении последнего абзаца. Благодаря этому знаку препинания в одном сложном предложении соединяются портретные характеристики с описаниями внутреннего мира: глаза и зрячесть, что синонимично оживленности; корпус, руки и упорство, красота; лицо и нетерпение, отвага.

В конце третьего абзаца использована точка, которая связывает этот абзац со всеми остальными. Этот конечный пунктуационный знак, идентичный во всех абзацах, подчеркивает гармоничность в построении текста.

Таким образом, в тексте осмысляется зависимость человека от вселенских сил и ограниченность рационального познания. Образы трёх героинь связаны с идеей строгого построения мироздания, которое не соответствует человеческому представлению о справедливости и ставит вселенские закономерности выше отдельного индивида. Единицы всех уровней языка, совокупность средств, способов и приёмов организации текста эстетически безупречно работают на раскрытие, развёртывание, донесение до вдумчивого читателя авторской идеи.

Литература

1. Тургенев И.С. Стихотворения в прозе / И.С. Тургенев // Соч.: в 30 т. – М.: Наука, 1982. – Т.10. – 607 с.
2. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста: учебник, практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 495 с.
3. Боброва Г.А. Особенности употребления возвратных образований в современном русском языке / Г.А. Боброва // Вестн. Ом. ун-та. Серия: Филология. – 2014. – № 4. – С. 160-163.

4. Головко В.М. Художественно-философская интерпретация свободы и необходимости И.С. Тургенева в парадигматическом контексте аксиологического онтологизма XX века / В.М. Головко // Знание. Понимание. Умение. Серия: Философия и современность. – 2014. – № 4. – С. 40-48.
5. Даль. В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль . – М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1865. – Т.2 – 1351 с.
6. Журавлев А.П. Звук и смысл / А.П. Журавлёв. – 2-е изд., исп. И доп. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.
7. Колесов В.В. Словарь русской ментальности. В 2т. / В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. – СПБ: Златоуст, 2014. – Т.1. – 592 с.
8. Кольцова Л. М. Пунктуация художественного текста: теория, практика, интерпретация: монография / Л. М. Кольцова. – Воронеж: Издательсткий дом ВГУ, 2022. - 400 с.
9. Кольцова Л.М. Пунктуация художественного текста: Учебное пособие / Л.М. Кольцова. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. – 227 с.
10. Лукин В.А. Текстовые знаки / В.А. Лукин // Художественный текст: основы лингвист. теории: аналит. минимум. – М.: Ось-89, 2005. – 196 с.
11. Николина Н.А. Художественное время и пространство / Н.А. Николина // Филологический анализ текста. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 121 – 167.
12. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И.Ожегов, Н.Ю. Шведова – [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://gufo.me/dict/ozhegov/
13. Пешковский А.М. Ритмика «Стихотворений в прозе» Тургенева / А. М. Пешковский // Русская речь. – 1928. – Вып. 2. – С. 69 – 84
14. Сидорова М.Ю. Грамматическое единство художественного текста: Проза и поэзия: специальность 10.02.01. «Русский язык»: автореферат дис. ... доктора филологических наук / М. Ю. Сидорова. – М., 2000. – 485 с.
15. Чернухина И.Я. Поэтическое речевое мышление / И.Я. Чернухина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 157 с.

Воронежский государственный университет
Еникеева К.А. – студентка 4 курса бакалавриата филологического факультета ВГУ
Адрес электронной почты: enikeewa.karina2016@yandex

В.К. Кириленко

О ЦЕЛЕВЫХ РЕЛЯТИВАХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: статья посвящена анализу группы русских целевых релятивов – языковых единиц, служащих для выражения целевых отношений, но в отличие от союзов и союзных слов не указывающих на синтаксическую связь и потому способных располагаться в любой части предложения и сочетаться с союзами, союзными словами и другими релятивами: *для этого, ради этого, во имя этого, затем, в целях этого / в этих целях, с целью этого / с этой целью, во избежание этого*. Описываются их вариативность, семантика и синтаксические функции.

Ключевые слова: русский язык, синтаксические отношения, целевые отношения, релятивы, коннекторы, т-скрепы.

Как подчеркивает Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1987: 387], **категория цели** играет фундаментальную роль в структуре человеческого действия. Именно цель придает действию смысл: бесцельное действие квалифицируется как бессмысленное. Важно отметить, что целенаправленным может быть только осознанное действие человека, в отличие от спонтанных природных процессов, для которых характерна причинно-следственная связь (подробнее см. [Рахилина, 1989], [Левонтина, 1995] и др.)

Как известно, **целевые отношения** – это синтаксическая категория, выражающая цель или назначение действия и реализуемая как на уровне простого предложения, так и на уровне сложного предложения [Тихонов, 2014], а также на уровне сложного синтаксического целого, что особенно актуально для данной работы.

К средствам выражения целевых отношений в русском языке традиционно относят предлоги, союзы, союзные слова, конструкции с деепричастным оборотом, целевой инфинитив. Этот список следует дополнить единицами, которые могут быть названы **релятивами** (см. [Чуриков, Леш-

кова, Коротких, 2024]), **коннекторами** в узком понимании этого термина ([Ломов, 2004], [Данилевская, 2008] и др.) или **т-скрепами** (см. Колосова, Черемсина, 2010]): **для этого, ради этого, во имя этого** и др. Под **релятивами** в рамках данной статьи мы (вслед за [Лешкова, Чуриков, 2023]) будем понимать «группу языковых единиц (в большинстве случаев включающих в качестве компонента анафорическое местоимение), служащих для выражения синтаксических отношений (но в отличие от союзов и союзных слов не указывающих на синтаксическую связь) и потому способных располагаться в любой части предложения и сочетаться с союзами, союзными словами и другими релятивами».

Русские целевые релятивы, как и большинство других обстоятельственных релятивов, четко соотносятся с перечисленными выше единицами других типов. Поэтому основной список интересующих нас элементов может быть получен с помощью заполнения последнего столбца в следующей таблице.

Предлог	**Союз**	**Союзное слово**	**Релятив**
Для	Для того, чтобы	Для чего	**Для этого**
Ради	Ради того, чтобы	Ради чего	**Ради этого**
За	Затем, чтобы	Зачем	**Затем**
В целях	В целях того, чтобы	В целях чего	**В целях этого / В этих целях**
С целью	С целью того, чтобы	С целью чего	**С целью этого / С этой целью**
Во имя	Во имя того, чтобы	Во имя чего	**Во имя этого**
Во избежание	Во избежание того, чтобы	Во избежание чего	**Во избежание этого**

Таблица 1. Соотношение средств выражения целевых отношений.

Как наглядно показывает таблица 1, в которой соотнесены разные средства выражения целевых отношений в русском языке, основной набор целевых релятивов включает в себя семь единиц: **для этого, ради этого, во имя этого, затем, в целях этого / в этих целях, с целью этого / с этой целью, во избежание этого**.

Сразу следует оговориться, что, говоря о релятиве типа **для этого**, мы указываем самый распространенный, но не единственный его вариант. Как показано в работе [Чуриков, Лешкова, Подшивалова, 2026], большинство обстоятельных, аддитивных и некоторых других русских релятивов представлено определенным набором вариантов. Авторы указанной статьи предлагают выделять следующие три группы таких вариантов (в качестве иллюстрации используется аддитивный релятив **вдобавок к этому**): а) **базовый вариант**, включающий в себя предлог и анафорический элемент (**вдобавок к этому**); б) **усеченный вариант**, предполагающий опущение анафорического элемента (**вдобавок**); в) **расширенный вариант**, включающий в себя предлог, анафорический элемент и лексемы типа **факт**, **обстоятельство** и др. (**вдобавок к этому факту/ обстоятельству**).

Для большинства целевых релятивов характерны наборы базовых и расширенных вариантов. Базовые варианты включают в себя целевой предлог и анафорический элемент (**этот, тот**). Расширенные варианты предполагают наличие трех компонентов: целевого предлога, анафорического элемента и лексемы **цель** (которая может употребляться как в единственном, так и во множественном числе**)**. При этом в расширенных вариантах некоторых целевых релятивов набор анафорических элементов может существенно расширяться: наряду с местоимениями **тот, этот, такой** здесь могут употребляться слова **данный, указанный, названный** и некоторые другие. Так, релятив, образованный на базе предлога **для**, представлен в современной речи следующими вариантами: **для этого; для того; для этой цели**

(этих целей); для такой цели (таких целей); для указанной цели (указанных целей) и др. Приведем несколько примеров их употребления в современной речи (здесь и далее представлен иллюстративный материал, извлеченный из «Национального корпуса русского языка»):

Закон предусматривает, что физлицо сможет самостоятельно размещать в системе свои данные с использованием доверенного программного обеспечения. ***Для этого*** *будут использоваться подтвержденная учётная запись в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА) и данные с чипа на загранпаспорте россиянина.* [Парламентская газета, 30.12.2021]

В ожидании этого фильма самое время освежить в памяти предыдущие картины. ***Для такой цели*** *отлично подойдет новое издание трилогии, включающее три Blu-ray диска.* [Известия, 19.10.2011]

Не всегда можно легко определить, кто именно звонит на ваш телефон: коллеги с работы, организация, которая пытается навязать ненужные услуги или мошенники. По его [эксперта Антона Аверина] *словам,* ***для данных целей*** *существуют специальные мобильные приложения.* [Известия, 07.10.2020].

Далее мы будем для удобства использовать для обозначения релятивов их наиболее распространенные базовые варианты.

С точки зрения семантики, перечисленные выше целевые релятивы можно разделить на несколько групп: 1) **релятивы с базовой семантикой цели**: для этого; с этой целью / с целью этого, в этих целях / в целях этого; 2) **релятивы с усложненной целевой семантикой**: ради этого, во имя этого; 3) **релятив со значением «отрицательной цели»**: во избежание этого.

Остановимся на этих группах подробнее, учитывая, что в основе семантики целевых (и многих других групп) релятивов лежит значение соответствующего предлога (см. [Шереметьева, 2006]).

Релятивы ***первой группы*** (для этого; с этой целью / с целью этого, в этих целях / в целях этого) указывают на то, что часть сложного предложения или отдельное предложение обозначает ситуацию, которая является **средством** реализации ситуации, описанной в другой части сложного предложения или соседнем предложении. Например: *Радуйся жизни, улыбайся и влюбляйся – весенняя пора* ***для этого*** *создана.* [Преврати свой дом в цветущий сад! // «Даша», 2004]

В релятивах второй группы базовое целевое значение осложняется различными семантическими компонентами. Так, релятив **ради этого** указывает на то, что часть сложного предложения или отдельное предложение обозначает ситуацию, которая является **средством** реализации ситуации, описанной в другой части сложного предложения или соседнем предложении; при этом обычно подразумевается, что обозначенная цель является весьма значимой и потому достойной тех или иных жертв со стороны действующего субъекта (см. определение смыслового компонента «жертва» в [Апресян, 1995], а также [Хоссейни, 1999]). Например: *Существование человека в той или иной степени связано со стремлением упрочить и продлить свое бытие в материальном и духовном измерении.* ***Ради этого*** *человек создает культуру – «вторую природу».* [Л. В. Баева. Экзистенциальные риски информационной эпохи // «Информационное общество», 2013]

Релятив ***во имя этого*** указывает на то, что часть сложного предложения или отдельное предложение обозначает ситуацию, которая является **средством** реализации ситуации, описанной в другой части сложного предложения или соседнем предложении; при этом обычно подразумевается, что обозначенная цель является значительной и высокой (справедливость, свобода, будущее человечества и т.п.), а потому достойной тех или иных жертв со стороны действующего субъекта (ср. [НОСС, 2004: 273, 276] и др.). Приведем характерный пример употребления этой единицы: *Один из*

главных принципов движения: когда говорят музы — пушки молчат. ***Во имя этого*** *и действуют его участники, способствуя и помогая распространению и развитию художественной культуры, гармоничному развитию личности, защищая и возвышая талантливых людей.* [Возвысить человека! (2000) // «Жизнь национальностей», 29.09.2000]

Релятив ***во избежание этого*** занимает особое место в системе средств выражения целевых отношений. Исходный отыменной предлог **во избежание** традиционно маркирует так называемую «отрицательную» цель, предполагающую, что действие совершается не для того, чтобы *получить* желаемое, а чтобы *избежать* нежелаемого: не допустить встречи, не попасть в беду, не совершить ошибку (см. [Ермакова, 1971]). Соотвественно релятив **во избежание этого** указывает на то, что часть сложного предложения или отдельное предложение обозначает ситуацию, которая является **средством** недопущения реализации ситуации, описанной в другой части сложного предложения или соседнем предложении. Например:

Если кольцо поместить точно на геосинхронную орбиту, то его равновесие будет неустойчивым. ***Во избежание этого*** *радиус кольца немного увеличен, так что оно находится несколько выше ее.* [Г. Поляков. Космическое «ожерелье» Земли // «Техника – молодежи», 1977].

Как уже было отмечено, целевые релятивы (как и релятивы других типов) указывают на синтаксические отношения между частями сложного предложения и между отдельными предложениями. Анализ представленных в основном и газетном подкорпусах «Национального корпуса русского языка» примеров их употребления (см. выше) показывает, что русские целевые релятивы чаще используются для маркирования отношений между отдельными препдложениями и тяготеют к препозиции в предложении, ко-

торое описывают ситуацию, являющуюся средством реализации ранее сформулированной цели.

Представленный в настоящей статье анализ является первым шагом на пути к системному описанию целевых релятивов, которое ведется в рамках работы над базой данных «Релятивы в современном русском языке» (подробнее см. [Чуриков, Лешкова, Подшивалова, 2026]).

Литература

1. Апресян В.Ю. Для и ради: сходства и различия // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 17-28.
2. Арутюнова Н. Д. Язык цели // Логический анализ языка: модели действия: сб. ст. – М. : Индрик, 1987. – С. 386-396.
3. Данилевская Т. А. Соединительные и противительные отношения в русском сложном предложении: специальность 10.02.01 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Воронеж, 2008. – 141 с.
4. Ермакова О. П. Об одном способе выражения «отрицательной цели» в русском языке // Вопросы теории и истории русского языка. – Калуга, 1971. – С. 135 – 142.
5. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: понятийный словарь – справочник. – Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2004. – 400 с.
6. Левонтина И.Б. Целевые слова и наивная телеология: специальность 10.02.01 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 1995. – 292 с.
7. Национальный корпус русского языка // URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 15.05.2026). – Текст: электронный.
8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
9. Рахилина Е. В. Отношение причины и цели в русском тексте // Вопросы языкознания. – 1989. – № 6. – С. 46-54.
10. Хоссейни А. Выражение целевых отношений в русском и персидском языках. // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. – М. : Диалог – МГУ, 1999. – С. 122 -134.

11. Чуриков С. А, Лешкова Т. В. Релятивы добавления в современном русском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – № 2. – С. 33- 37.
12. Чуриков С. А., Лешкова Т. В., Коротких А.И. Концепция «Словаря релятивов русского языка» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2024. – № 2. – С. 86-90.
13. Чуриков С.А.,Лешкова Т.В., Подшивалова Н.И. Концепция базы данных «Т-скрепы в современном русском языке» (в печати).
14. Шереметьева Е. С. Семантико-синтаксические особенности отыменных релятивов цели (к проблеме синтагматических свойств предлога) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2006. – № 6. – С. 9-26.
15. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимова, Г. С. Журавлева и др. / под общ. ред. А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимова. – Т. 2 – М.: Флинта: Наука, 2008. – 840 с.

Воронежский государственный университет
Кириленко Валерия Кирилловна – студентка 4 курса бакалавриата филологического факультета ВГУ
Адрес электронной почты: kirilenk-1990@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Продолжающееся научное издание «Жизнь современной русистики» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оргигинальных исследований, которые оформлены в виде полных статей, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы и материалы, представленные для публикации в других изданиях, к рассмотрению не принимаются. Плата с авторов статей не взимается.

Требования к оформлению статей:

Объём принимаемых материалов – **до 10 страниц** (А4).

Стандарт для материалов в электронной версии: формат А4 WORD, шрифт Times New Roman, межстрочный интервал – 1, поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см, красная строка – 1 см, номера страниц не указываются.

На первой строке по центру – **инициалы и фамилия автора** 14 кеглем, через одну строку **название доклада** – полужирный шрифт, заглавные буквы, 14 кегль, выравнивание по центру.

Через одну строку – **аннотация и ключевые слова** (4-5) 12 кеглем. Через одну строку **текст** – 14 кегль, примеры в тексте даются курсивом.

Библиографические ссылки в тексте оформляются следующим образом: [Распопов, 2009: 49], литература дается после текста 12 кеглем в алфавитном порядке.

Через одну строку – **сведения об авторе (авторах)** 12 кеглем и курсивом, выравнивание по левому краю:

Название учреждения
ФИО – научная степень, ученое звание, должность
Адрес электронной почты

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Н.В. Патроева

ЦЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: в статье анализируются научные статьи доктора филологических наук, профессора Воронежского государственного университета А.М. Ломова, вошедшие в сборник его избранных трудов. Подчеркивается, что данное издание – не только яркое свидетельство бережного хранения ценного наследия ученого, но и своевременно вышедшая книга, которая может служить учебно-методическому оснащению образовательного процесса филологических факультетов университетов.
Ключевые слова: А.М. Ломов, университет, лингвистика, лингвистическое образование.

Выход в свет сборника избранных трудов доктора филологических наук, профессора, почетного работника Высшего профессионального образования Российской Федерации Анатолия Михайловича Ломова (1935–2018) подчеркивает возрастающий интерес современной отечественной лингвистики к проблемам синтаксического анализа языка и речи. Вопросы семантики и функционирования грамматических единиц и категорий всегда были

главным предметом научных разысканий А. М. Ломова, монография которого «Типология русского предложения» (1994) давно уже стала классикой языковедческой науки [Ломов, 1994]. Данный сборник, несомненно, будет востребован не только опытными специалистами, но и вузовскими преподавателями, готовящими современных лингвистов, поскольку содержит ценнейший материал по актуальным вопросам лингвистики, синтаксиса, грамматики языка.

……..

Литература

1. Ломов А.М. Типология русского предложения / А.М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. – 277 с.

2. Потебня А.А. Собрание трудов. Мысль и язык / А.А. Потебня; подгот. текста Ю.С. Рассказова и О.А. Сычева; ред. И. В. Пешков; коммент. Ю.С. Рассказова. – М.: Лабиринт, 1999. – 268 с.

3. Мещанинов И. И. Общее языкознание: к проблеме стадиальности в развитии слова и предложения / И. И. Мещанинов. – Л.: Учпедгиз, 1940. – 259 с.

4. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба; под ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 427 с.

5. Виноградов В. В. Вопросы грамматического строя: [сборник] / редкол. В. В. Виноградов [и др.]. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 480 с.

6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

7. Норман Б. Ю. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики / Б. Ю. Норман. – М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. – 463 с.

8. Ломов А.М. Избранные труды / А.М. Ломов; сост. Т.М. Ломова, П.Б. Кузьменко; авт. предисл. Ж.В. Грачева. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023. – 133 с.

Петрозаводский государственный университет
Патроева Н.В. – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.
Адрес электронной почты: nvpatr@list.ru

Продолжающееся научное издание

ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Сборник научных статей

Выпуск 2

Издано в авторской редакции

Компьютерная верстка, оригинал-макет – *Е.А. Бутова, А.Ю. Рыжкова*

Дизайн обложки *Е. В. Фирсовой*

Подписано в печать 27.08.2026. Формат 60×84/16
Уч.-изд. л. 9,8. Усл. п. л. 11,7. Тираж 100 экз. Заказ 360

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3